

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»

КОНСТАНТИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019

Константиновичи — семья, традиции, служение России

**К 125-летию со дня рождения князя Игоря
Константиновича (1894–1918)**

**К 100-летию со дня гибели
великого князя Дмитрия Константиновича
(1860–1919)**

*Сборник материалов научной
конференции 30 октября 2019 года*

Санкт-Петербург
2019

ISBN 978-5-903977-13-0

Константиновские чтения — 2019: Константиновичи — семья, традиции, служение России. К 125-летию со дня рождения князя Игоря Константиновича (1894–1918). К 100-летию со дня гибели великого князя Дмитрия Константиновича (1860–1919). Сборник материалов научной конференции 30 октября 2019 года. — СПб.: Филиал «Государственный комплекс «Дворец конгрессов» ФГБУ «Управление по эксплуатации зданий в Северо-Западном федеральном округе» Управления делами Президента Российской Федерации, 2019. — 234 с.

ISBN 978-5-903977-13-0

© Филиал «Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
ФГБУ «Управление по эксплуатации зданий
в Северо-Западном федеральном округе»
Управления делами Президента Российской Федерации, 2019.

Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Соколовская О. В.</i> Отец и дочь: письма греческой королевы Ольги отцу великому князю Константину Николаевичу (1858–1891 гг.).....	5
<i>Дзюбинский Я. Р.</i> Финансовое обеспечение двора великого князя Константина Николаевича: механизмы, источники, особенности.....	21
<i>Голенко И. Г., Гореликова-Голенко Е. Н.</i> Экономические аспекты управления городом Павловском, мызой Стрельна и прочими имениями великого князя Константина Николаевича (1871–1884).....	32
<i>Николаева М. В.</i> Смотрители Стрельнинского дворца: штурман Пашинников.....	45
<i>Гаркуша О. М.</i> «Придворный садовник» Ф. И. Рук (1815–1887).....	58
<i>Журавская А. Н.</i> Стрельнинская школа садоводства.....	70
<i>Алексеева Т. А.</i> Походная церковь во имя свв. Константина и Александры и ее бытование в Стрельнинском дворце.....	83
<i>Карганова Г. В.</i> О принадлежности шкафа-бюро на консоли из коллекции Константиновского дворца.....	97
<i>Казанина Н. В.</i> Портреты владельцев в живописной коллекции Мраморного дворца.....	108
<i>Головнин П. А.</i> Из писем и документов Ильи Зеленого — воспитателя сыновей великого князя Константина Николаевича.....	116

<i>Букицынович Н. М.</i>	
Из истории реформирования преподавания Закона Божия в кадетских корпусах при главном начальнике военно-учебных заведений великом князе Константине Константиновиче.....	132
<i>Андреев В. Е.</i>	
Великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Страницы биографии.....	151
<i>Новикова О. В.</i>	
Празднование серебряной свадьбы великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны (к 110-летию со дня события).....	167
<i>Запорина М. В.</i>	
Осташёвская усадьба — творческая мастерская поэта К. Р.....	176
<i>Саламатова Е. А.</i>	
Полевая книжка корнета лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка князя императорской крови Олега Константиновича (1892–1914): опыт прочтения.....	184
<i>Шевцова Г. И.</i>	
«Ужасно жить в таком неведении будущего»: к 125-летию князя крови императорской Игоря Константиновича.....	198
<i>Ганф Т. И.</i>	
Князь императорской крови Игорь Константинович и князя Вяземские.....	213
Сведения об авторах.....	230
«Дворец конгрессов» приглашает на экскурсии.....	232

**Отец и дочь: письма греческой королевы Ольги
отцу великому князю Константину Николаевичу
(1858–1891 гг.)**

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде вел. кн. Константина Николаевича (Ф. 722. Оп. 1. Д. 808: 1858–1860; Д. 809: 1870–1875; Д. 810: 1876 – апрель 1891) хранятся бесценные письма королевы эллинов Ольги, урожденной вел. кнж. Ольги Константиновны (*рис. 1*), к отцу.

Ольга Константиновна родилась 22 августа (3 сентября) 1851 г. в Павловске и была вторым ребенком из шести детей¹ вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892) (*рис. 2*), сына императора Николая I, и вел. кнж. Александры Иосифовны, принцессы Саксен-Альтенбургской (1830–1911). В большой семье особо теплые отношения существовали между отцом и дочерью Ольгой. Прелестная внешне, она с детства отличалась ровным характером, искренностью, щедростью, простотой в обращении ко всем людям, религиозностью и целеустремленностью. Эти черты на протяжении всей ее жизни вызывали восхищение и уважение людей. Даже греки, традиционно недолюбливающие монархию и монархов, для Ольги, которая стала в 1867 г. в 16-летнем возрасте королевой эллинов, выйдя замуж за греческого короля Георга I (1845–1913), делали некоторое исключение. Именины Ольга отмечала 11 (24) июля: ее покровительницей стала св. равноапостольная княгиня Ольга. С детства окруженная любовью и лаской, лучшими учителями, выдающимися творениями гениальных мастеров, создавших дворцы и парки Санкт-Петербурга, Павловска, Стрельны, она сама становилась частью элитарной среды блестящего «императорского периода» русской истории и культуры. В семье Константиновичей, где почитали Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Фета, где ценили музыку Чайковского, Глазунова, а также древнерусское национальное искусство, способствуя

¹ В семье также родились великие князья Николай (1850–1918), Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919), Вячеслав (1862–1879) и вел. кнж. Вера (1854–1912).

Рис. 1. Королева греческая
Ольга

Рис. 2. Великий князь
Константин Николаевич

возрождению интереса к нему, не могли не вырасти такие романтические и благородные личности, как вел. кнж. Ольга Кон-стантиновна.

Большую роль в воспитании дочери играл отец — вел. кн. Константин Николаевич, генерал-адмирал русского флота и ближайший помощник своего брата императора Александра II (вступившего на российский престол в 1855 г.) в его реформаторской деятельности и в вопросах внешней политики. С 1855 г. великий князь встал по главе флота и Морского министерства. «Великий князь был выдающимся человеком, администратором и государственным деятелем, — писал в воспоминаниях капитан 2 ранга (в эмиграции контр-адмирал) Г. К. Граф, — под его руководством произошёл переход от парусного флота к паровому и бронированному. Он принес флоту неизмеримую пользу и искренне его любил»². Неудивительно, что одной из самых сильных привязанностей греческой королевы Ольги был русский флот и моряки, с которыми было связано ее детство и вся последующая жизнь³.

Письма Ольги Константиновны отцу за 1858–1891 гг. затрагивают самые разнообразные темы — от сугубо личного характера до государственных дел. Первое письмо семилетней Ольги написано по-французски, но далее все ее письма, без исключения — по-русски, на чем настаивал великий князь⁴. Королева Ольга знала несколько иностранных

² Граф Г. К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 гг. М., 2013. С. 168.

³ См.: Соколовская О. В. Русские моряки в Греции (1867–1913 гг.). М., 2018.

⁴ Тексты писем приводятся без изменений, кроме отдельных ошибок пунктуации (Прим авт.).

языков, дома говорила на английском, датском, немецком, французском и новогреческом языках, а по-русски — только приезжая в Россию или общаясь с моряками с многочисленных российских судов, заходивших в Пирей во все годы ее правления.

Король и королева эллинов были тесно связаны со всеми европейскими дворами, всегда являлись объектами пристального внимания и покровительства России и Великобритании. Мать Ольги, вел. кнг. Александра Иосифовна много болела и очень скучала по своим родственникам в Европе, поэтому она с княжнами — Ольгой и Верой — проводила много времени у родственников в Германии и Дании — в Альтенбурге, Бернсдорфе, Фридебурге, Госларе, откуда и были посланы великому князю первые весточки от дочери. Письма полны любовью и чрезвычайной нежностью. Например, 27 июня 1861 г. Ольга писала отцу: «Милый, возлюбленный Папа! Благодарю Тебя много, много за Твое прелестное письмо, оно мне так понравилось <...>», а заканчивалось письмо так: «Большой, ужасный усердный, крепкий, крепкий Чмок Тебе, Милый, Добрый, Нежный, Ласковый, Папа. Чмок, Твоя Ольга». Там была важная для нас приписка: «Мне было очень весело тебе писать, оттого что это было по-русски...»⁵.

Ольга была выдана замуж по инициативе отца в очередной период обострения Восточного вопроса, где сталкивались интересы всех великих держав, и присутствие на Востоке русской, православной королевы увеличивало шансы России. Великий князь активно участвовал в урегулировании Критского вопроса в пользу греков, которые подняли очередное восстание за присоединение острова к Греции, помогая жениху дочери. Так, из письма Ольги от 5 (17) августа 1867 г. узнаем, что отец ее «поехал в Париж, чтоб работать в пользу Кандии (Крита. — *О. С.*), хотя он и не надеется выхлопотать что-нибудь, но во всяком случае он сделал, что мог <...>»⁶.

Первое письмо из Афин отцу Ольга прислала 25 ноября (6 декабря) 1867 г. Она писала: «Завтра будут две недели, что мы здесь! Но не странно ли это??? Прежде мне казалось, что Афины — конец света, и вот я здесь <...> Я учусь по-Гречески и ломаю мой несчастный язык. Ну что же, нечего делать, надо, так надо!»⁷ Ольга брала уроки греческого каждый день и быстро научилась понимать и немножко говорить на этом сложном языке («Это страх, что за язык!»).

⁵ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 808. Киссингенден. 27 июня (9 июля) 1861 г.

⁶ Там же. Стрельна. 5 (17) августа 1867 г.

⁷ Там же. Афины. 25 ноября (6 декабря) 1867 г.

Георгу и Ольге суждено было прожить вместе «45-летнюю (с лишком) счастливую жизнь»⁸. От этого брака родились пятеро сыновей и три дочери. Ольге Константиновне повезло с мужем, это была одна из самых дружных королевских пар в Европе, несмотря на то что они были разного вероисповедания. Королева Ольга, в отличие от бездетной королевы Амалии, жены свергнутого в 1862 г. короля Оттона, была многодетной матерью, что вызывало одобрение греков. Ольга и Георг — родоначальники династии Глюксбурггов, представители которой живы и сегодня.

Ольга старалась не утомлять чрезвычайно занятого государственным делами отцом и сообщала о том, что его могло волновать: о рождении его внуков — первенца Константина, затем Георга и других детей; много — об исторических находках в Греции. Сразу по прибытии в Афины она писала великому князю: «Вообрази себе, милый Папа, что теперь опять находят ужасно много старинных памятников с рельефами, и вообще разных старинных вещей, перед въездом в Афины, направо от Пирейской дороги, где было старинное кладбище»⁹. Через три года она передавала отцу чрезвычайно интересные сведения о том, как нашли и откопали олимпийский стадион, на котором в 1896 г. состоятся первые Олимпийские игры современности: «<...> Здесь выкапывают старинный Стадиум, т. е. место, где в старые времена были игры да скачки лошадей, вроде Олимпийских игр! Willy (так звали короля Греции в семье. — О. С.) купил это место, и оказалось, что это очень стоит денег и трудов. Это место находится между двумя холмами и к нему когда-то вел огромный мост, основание которого еще до сих пор видно. Ты должно быть видел это место! Это просто поле, поросшее травой и покрытое камнями. Одному немецкому Архитектору вздумалось покопать там, и он наткнулся на каменную стену. Но так как он сам не мог продолжать выкапывать, то Willy купил место, достал работников, телег да лошадей, и работа пошла очень скоро. На первой стороне есть большая грота (так в тексте. — О. С.), или лучше сказать, коридор, где отлично можно проезжать, и куда, как думают, относили раненых игроков. Перед гротой нашли огромные мраморные ступени и разные камни, и от ступень идет стена полукругом до другой стороны. Стена низкая, она доходит мне до колен; говорят, что она отделяла публику от арены. Она почти вся стоит,

⁸ «Я так счастлива, что и сказать того не могу, с моим мужем, и я право, не знаю, чем я это заслужила», — писала Ольга отцу из Афин 25 ноября (6 декабря) 1867 г. (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 808).

⁹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 808. Афины. 24 октября (5 ноября) 1867 г.

как была, кроме некоторых мест, где она сломана. <...> Думают также, что в середине арены была длинная стена, на которой стояли статуи. И, вообрази себе, милый Папа, что это предположение вышло верным, и на днях нашли там статую, так хорошо сохранившуюся, что просто удивительно. Это кажется, называется “Негмес”»¹⁰. Позже, в марте 1883 г., когда великий князь после деловой поездки в Европу посетит внуков в Афинах, он будет наслаждаться посещением древностей, в которых неплохо разбирался, и познакомится со знаменитым археологом Г. Шлиманом, которого найдет очень интересным человеком.

О рождении первенца Ольга писала отцу так: «Ах, если бы я только могла показать Тебе Твоего прелестного внука; Ты даже во сне никогда не видал такого душку! Как я рада, что имя его Константин; во-первых, потому что это Твое имя, а во-вторых, потому что невольно оно заставляет думать о Славе Византийского Государства, и не только о прошедшем, но это заставляет мечтать и о будущем!»¹¹. В письме о крестинах она послала отцу срочную депешу, сообщая ему первому радостную новость: «Никогда еще не случалось, чтоб у Русской Великой Княгини за границей было бы православное дите, и я не могу достаточно оценить мое счастье»¹².

Греческая королева много писала отцу о православии на Востоке и в частности — в Греции, особенно в период восстания православного населения Крита в 1866–1869 гг. Об этом есть отдельная статья и глава в монографии о королеве Ольге Константиновне¹³. Не будем повторяться, но есть в письмах интересные сведения о том, что во дворце королева затеяла в 1869 г. постройку домашней церкви: «Я этому ужасно рада, потому что гораздо будет приятнее ходить в домашнюю церковь и слушать хорошее пение, и наконец, быть одной»¹⁴. Через год Ольга Константиновна сообщала отцу: «Мой милый Папа! Ты уже знаешь из письма Willy, что церковь моя была освящена 7-ого января. Церковь, право, очень миленькая, она в середине дворца, в третьем этаже, так что издали виден купол и православный крест на дворце. Служба была очень торжественна, и пение было хорошо, несмотря на то что от непривычки они немного фальшивили. При этом был весь двор, Новиков¹⁵ с женой,

¹⁰ Там же. Афины. 20 декабря 1869 г. (1 января 1870 г.).

¹¹ Там же. Афины. 17 (29) августа 1868 г.

¹² Там же. Афины. 24 августа (5 сентября) 1868 г.

¹³ Соколовская О. В. Греческая королева Ольга — «Под молотом судьбы». М., 2016. С. 75–84.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 808. Афины. 15 (27) марта 1869 г.

¹⁵ Новиков Евгений Петрович (1826–1903) — посланник в Афинах (30 августа 1865 г. — 29 мая 1870 г.).

И. И. Бутаков¹⁶ и Лютке¹⁷ с женой»¹⁸. А в 1874 г. королева писала отцу: «Я ходила всю неделю в мою милую маленькую Церковь, где так хорошо, особенно во время вечерней службы, я бы ее еще больше полюбила, если бы Ты хоть раз постоял со мной, направо, у колонны, где я всегда стою так, что моей рожи не видно. Говеть я буду на Страстной, я думаю. Я так много, так много о Вас всех думаю! Хоть бы на минутку можно было бы посмотреть, что делается в Мраморном, доволен ли Ты, душка Папа, все ли так идет, как Ты желаешь!»¹⁹

При перечитывании этих документов обращает на себя внимание тот факт, что в период восстания православного населения Крита в 1866–1869 гг., вовлекшего в свою орбиту все великие державы, письма Ольги приобрели важное значение для ее отца. Российский министр иностранных дел А. М. Горчаков предложил Великобритании и Франции совместно побудить Турцию принять требования критян. Петербургский кабинет считал критское восстание за присоединение Крита к Греции «естественным актом», выгодным для России с точки зрения укрепления ее положения в Средиземноморье. Западные державы предпочли не вмешиваться в конфликт между критянами и турецким правительством.

Ольга писала: «Мой милый Папа! Благодарю тебя за Твое письмо, которое привез мне Новиков, оно меня очень, очень обрадовало, особенно потому что письмо мое с описанием здешней политической кавтасии доставило Тебе удовольствие. Признаюсь, перечитывая мое письмо, мне казалось, что оно очень глупо написано и не похоже на дипломатическую депешу. Но я просто написала факты так хорошо, как только могла, надеясь на Твою снисходительность. Признаюсь, когда Новиков мне сказал, что Ты прочитаешь ему письмо, то я покраснела до ушей, а когда я прочитала, что Ты его прочитал и Государю, и Горчакову, то я чуть не провалилась сквозь пол! Право мне стыдно! Пожалуйста, милейший мой Папа, не думай, что я занимаюсь политикой, я никогда ни с кем не говорю о политике, потому что я в ней ничего не смыслю. Я даже никогда не беру газеты в руки, что я знаю, очень дурно, но <...>. Потом, в семнадцать лет радикально заниматься политикой? Я только слушаю,

¹⁶ Бутаков Иван Иванович (1822–1882) — контр-адмирал, командующий Отдельным отрядом судов в греческих водах в 1867–1877 г.

¹⁷ Литке (Лютке) Константин Федорович (1837–1892), граф, сын Ф. П. Литке — воспитателя генерал-адмирала. В чине капитан-лейтенанта командовал корветом «Яхонт» в 1868–1873 гг. Жена — Александра Карловна (1849–1893), дочь графа К. К. Ребиндера.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 809. Афины 17 (29) января 1870 г.

¹⁹ Там же. Афины 16 (18) февраля 1874 г.

что другие говорят, и пишу только факты! На будущей неделе я буду говорить, потому что мы скоро отправляемся в Корфу, и там нет Русского Священника, а я исповедаюсь у Русского Архимандрита»²⁰.

Что же это были за письма, которые так заинтересовали отца, что он прочитал их даже императору Александру II? Среди прочего Ольга писала: «<...> В четверг приехал сюда курьер из Парижа, и привез бумагу, с условиями, которые требуют, чтобы мы приняли в течение восьми дней, если же нет (если их не примут в течение восьми дней и, если на эти условия сделают хоть малейшее возражение), то будут на это смотреть, как на отказ. <...> Это еще хуже, чем турецкий ультиматум! <...> Это право несносно <...>, и я надеюсь, что Великим державам достанется когда-нибудь за это, за все их мерзости и за то, что они покровительствуют Нехристям. Willy целый день теперь занят с Министрами, потому что теперь дожили мы до очень важного времени, и не успеешь оглянуться, как Министр катит в глаза (так в тексте. — О. С.)! Уж надоели они мне страшно! Мне так хочется в Корфу, т. е. вместе с Вилли! Теперь кипит в Европе какой-то невидимый огонь, и все стараются потушить его; но не удастся им потушить его совершенно, они только могут на короткое время уgomонить его, но зародыш останется, и рано, или поздно, запыхает он новыми силами, и взорвет он на воздух и уничтожит этих поганых Турок, которых Западные Державы хранили всегда, со столь теплою любовью! <...> От всей души любящая Тебя дочь Ольга»²¹. В следующем письме Ольга также писала о ситуации в Греции: «<...> Эта последняя неделя, милый Папа, была ужасная неделя! Я ее никогда не забуду! Willy сейчас же при приезде Французского курьера объявил, что он хочет принять условия Конференции. Во-первых, потому что он видел, что нельзя противиться воле Покровительствующих Держав, а особенно, потому что Па, который верный друг Греции (как Willy выразился, <...>) три раза по телеграфу просил его принять эти условия, и, наконец, потому что, не принимая их, должна была бы быть война, а это было бы огромное несчастье для Греции, которая теперь еще не в состоянии вести войну. Вообрази же себе, милый Папа, что Министерство стало противиться этому и ни за что не хотело подписать условия, настаивая на войне в надежде сделаться популярнее между народом, и опасаясь анонимных писем, в которых им угрожали убить их, если они подпишут. Willy остался один в этакую важную минуту, один против всех. Надо было сделать новое министерство, Willy мучился с утра до вечера, и никто, никто решительно не хотел принять да подписать

²⁰ ГА РФ. Ф. 722. Д. 808. Афины. 31 января (12 февраля) 1869 г.

²¹ Там же. Афины. 18 (30) января 1869 г.

условия, и отчего? Только из трусости, только потому что они были испуганы анонимными письмами. Вообрази себе, милый Папа, что это продолжалось целую неделю! Ты можешь себе представить положение Willy, который остался один между всеми этими людьми, он думал только о счастье и благоденствии Греции, а они только о том, как бы *se rendre populaire!*²² и только заботясь о своей репутации. Сегодня наконец сформировалось министерство, но с такими условиями, которые весьма унижительны лично для Willy. Но это было единственное средство для того, чтоб защитить Грецию от ужасной грозы. Хорошо, что это кончилось, потому что я Тебя уверяю, мой милый Папа, без малейшего преувеличения, что если бы это продолжалось бы хоть немного дольше, то Willy просто бы слег в постель, потому что он насилу сидел на своем стуле, так он был измучен в эти последние дни. Ведь это не шутка, видеть себя покинутым всеми в такую минуту! Я забыла еще сказать, милый Папа, что, когда нельзя было найти министров, тогда Willy послал за Английским и Французским Посланниками и за Князем Гагариным. Он объяснил свое ужасное положение, но они не могли помочь. Это было последнее средство, после этого Willy ничего другого не оставалось делать, как принять теперешнее министерство с его ужаснейшими условиями. Ты себе представить не можешь, как у меня сердце болело при виде такого бессовестного поведения, и бедного Willy, который бледен как эта бумага, и который худеет каждый день более и более. Надеюсь, что Французский и Английский Посланники верно опишут своим державам эту последнюю неделю, чтоб они видели, в какое положение они нас поставили <...>²³. Конференция европейских держав, созванная в январе 1869 г. для выработки условий примирения сторон, заставила Грецию принять унижительное условие не оказывать помощь восставшим критянам.

В конце июля 1869 г. великий князь провел две недели у греческой королевской четы на Корфу («в спокойном домике, далеко от пыли и нестерпимой политической возни Афин», по словам Ольги²⁴) и произвел, судя по письмам Ольги Константиновны, сильное впечатление на молодого греческого короля. Позже, в письме с Корфу от 4 (19) августа Ольга писала: «Willy также грустно без Тебя, и он велел Тебе тысячи, тысячи раз кланяться. Он оставил Твои кресла подле стола, и сидит в них. Сигары свои, он, как Ты, поставил подле себя в стакан <...>. Одним словом, он перенял почти все Твои привычки. Бульон мы едим с яйцами <...>

²² *Se rendre populaire* (фр.) — себя показать, стать популярными.

²³ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 808. Афины. 25 января (6 февраля) 1869 г.

²⁴ Там же. *Mon Repos*. 2 (14) июня 1870 г.

Как здесь станет тихо и одиноко, в сравнении с последним временем, которое было такое, такое счастливое»²⁵.

Очень интересный и неизвестный факт находим в письме Ольги, отправленном осенью того же года из Афин: «Вилли очень рад, что его письмо Тебя интересовало, но он мне сказал, что он очень бы желал, чтоб Ты рвал его письма, или, если Ты не хочешь их рвать, чтоб Ты не сберегал у себя и никому не показывал, кроме Па»²⁶. Первые годы греческий король находился в тесных отношениях с царской семьей, всегда посещал русские суда вместе с Ольгой и детьми, но со временем стал осторожнее, оглядываясь на своих английских покровителей. В мае 1871 г. греческий король после поездки в Копенгаген к родственникам также побывал в Петербурге, но, как писала Ольга: «Мне очень жаль, что Willy не мог Тебя видеть, милейший Папа, во время своего путешествия, и что он был в Питере, когда Тебя там не было». Далее она писала: «Здесь предстоит crisis, Willy велел Тебе сказать, что он начал Тебе писать, но будучи очень занят, он пошлет Тебе письмо на будущей неделе. Теперешнее министерство настаивает на том, чтоб камера в этот раз совсем бы не собиралась, а Willy находит, что теперь этого допустить нельзя! Однако, я не хочу впускаться в толкования, Willy сам Тебе все расскажет»²⁷.

Несмотря на то что Ольга с самого начала не вмешивалась в политику, замечания о политиках в Греции как-то сами ложились на бумагу. Вот нехарактерное письмо дочери к отцу: «Ты себе представить не можешь (для этого надо иметь с ними дело и жить здесь несколько лет), до какой степени политические люди здесь испорчены, как они бесчестны, бессовестны, ни принципов, ни убеждений у них нет, только низкое самолюбие и безграничное корыстолюбие. И кто из них думает о бедной родине! Это все только на словах, когда они говорят о силе патриотизма! Мы, вот, не Греки, но Бог нам свидетель, что мы ни о чем другом не думаем, ничего другого не желаем, как счастья, спокойствия, величия Греции, что мы ее любим, как бы собственную родину; вот более десяти лет, что Вилли мучается и трудится, и все это ни к чему не ведет! Куда ни повернешься, везде стена, руки связаны, и нечего делать, как только смотреть, да мешать иногда, чтоб слишком нехорошо не стало. Но теперь не только нехорошо, но даже очень гадко! Это, конечно, так продолжаться не может! Увидим, что будет. Но, право, грустно подумать, какой вред приносят эти партии Греции, народ ведь самый добрейший, самый хороший, но он конечно сам не судит, а терпит, не рассуждая,

²⁵ Там же. Корфу. 4 (19) августа 1869 г.

²⁶ Там же. Афины. 27 сентября (9 октября) 1869 г.

²⁷ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 809. Афины. 28 ноября (10 декабря) 1870 г.

а эти партии его притесняют, терзают и все это, упираясь на конституцию. Кто это выдумал, такое уродство? Я все думаю о том, что Ан-Папа сказал, что Он понимает только два рода правительства: самодержавие и республику! Вот бы им здесь республику дать; во-первых, это странные демократы здесь, а во-вторых, Кумундурос, Булгарис, Заимис и Делигеоргис могли бы быть по очереди (положим, каждые два года) президентом республики; это может быть успокоило бы их!»²⁸

Греческая королева постепенно начала сближаться с представителями русского флота. Еще в 1869 г. она писала отцу: «Я каждый день встречаю множество Русских Офицеров и гардемаринов и это меня ужас, как радует!»²⁹ Власть вел. кн. Константина Николаевича на флоте была безграничной, и он мог по просьбе дочери оставить, например, на второй год корвет «Яхонт», командиром которого был муж подруги королевы эллинов — Александры (Саши) Лютке (Литке). Вместе с юной королевой они совершали многочисленные паломнические поездки по островам — на Тинос и др.³⁰ В конце 1870 г. Ольга писала: «Поздравляю с новой формой, она мне очень нравится, “в ней шику много”, как говорит Никола! Я помню, что Ты всегда мечтал о перемене в морской форме, и радуюсь, что это желание исполнилось <...> Воображаю себе, какая радость теперь у Вас ради постройки Черноморского Флота. Здесь Моряки радуются и пьют шампанское и Ты должно быть знаешь, что на “Яхонте” пожертвовали 16 000 франков»³¹.

Особый блок занимают письма королевы к отцу в годы очередного Восточного кризиса и Русско-турецкой войны 1877–1879 гг., которые затрагивали самые разнообразные темы: участие единоверной Греции в войне на стороне России, отношение различных слоев греков к войне, возможная помощь русской эскадры Греции, положение греческой династии; здесь и единство православных народов, и надежды греков на помощь России на мирной конференции, и интриги англичан, и многое другое. Несмотря на то что Ольга в это время занималась в основном благотворительностью и воспитанием пятерых детей (дочери Марии к началу Русско-турецкой войны исполнился всего год), она не могла пройти мимо важнейших политических событий на Востоке. Она тяжело переживала победу в Греции антирусских политических сил, которые угрожали существованию православия на Ближнем Востоке и монархии. Сама Ольга была горячей сторонницей вступления Греции

²⁸ Там же. Афины. 29 марта (10 апреля) 1875 г.

²⁹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 808. Афины. 22 ноября (4 декабря) 1869 г.

³⁰ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 809. Афины. 4 (16) апреля 1870 г.

³¹ Там же. Афины. 28 ноября (10 декабря) 1870 г.

в войну на стороне России совместно с другими славянскими народами, в чем видела залог успеха Греции и спасение династии. Из-за этого некоторые политики обвиняли Ольгу в панславизме и использовали этот аргумент для борьбы с династией. Пассивная политика греческого правительства на фоне все возраставшей национально-освободительной борьбы славян Балканского полуострова вызывала растущее недовольство в стране, но Греция оставалась нейтральной.

Одним из условий вступления Греции в войну была защита греческого побережья и проведение наступательных операций на море. Для этого Россия должна была прислать определенные военно-морские силы, которые ходили бы под греческим флагом и имели бы команды из греческих моряков из Одессы. Бесконечные колебания греков о вступлении их в войну привели к серьезным расхождениям во взглядах с русским правительством, и идея о морском походе в греческие воды не была осуществлена. Военные неудачи России в начале лета 1877 г. вызвали оживление оппозиции, ратовавшей за нейтралитет, который поддерживала Великобритания.

В январе 1878 г. — последнем месяце Русско-турецкой войны — в Греции продолжался политический кризис, точнее, он не прекращался весь период войны. Разногласия между членами коалиционного правительства не позволяли перейти к активным действиям. В стране всюду разворачивалось движение за вступление в войну. Однако время для участия Греции в Русско-турецкой войне истекало. Ходили слухи о предстоящем заключении перемирия между Россией с Турцией. 19 (31) января греческие войска перешли границу с Турцией, о чем Георг I немедленно сообщил Александру II. Он выражал надежду на поддержку Россией интересов эллинизма. Державам были даны заверения в том, что акция носит временный, оборонительный характер. Подписанный 3 марта Сан-Стефанский мирный договор, справедливо считающийся началом независимой Болгарии, греки встретили с возмущением. Ольга писала великому князю: «Мой милый, собственный Папа! <...> Ты, конечно, понять не можешь поведение прежнего правительства в продолжении всего прошлого года, как и мы его не понимаем. Несмотря на неотступные усилия Вилли, несмотря на общее мнение и на желание народа, они ничего не хотели делать; я уверена, что они это делали из собственных личных видов, так как любовь и преданность к отечеству играют в них самую последнюю роль, но они оправдываются тем, что им пришлось бы рисковать слишком многим, не имея гарантий и положительных обещаний от России. Наконец, пришло ложное известие о перемирии. Ты знаешь, что тут делалось, как народ бросился по домам прежних министров и перебил им окна, как пришлось их усмирять оружием; были раненые и даже

убитые, все это было более чем грустно, особенно так как надо было употребить силу против толпы, чувства которой были так понятны и естественны. Один день огромная толпа собралась перед дворцом и не успокоилась, пока не услышала несколько слов от Вилли. В этот раз они были весьма любезны и кричали «зито» для нас, но кто может ручаться за толпу: сегодня она за нас, завтра против нас, тем более, что скоро начали шептать в городе, что Король только играл комедию, и что в сущности он войну совсем не хотел. Бывшие министры (по крайней мере, большая (неразборчиво. — О. С.)) старались распространять эти слухи, особенно ехидный Делигеоргис. Они право ужасные люди, и Ты можешь себе представить, милый Папа, как это весело для Вилли вот уже 14 лет беспрестанно лавировать между этими людьми, имея связанные руки присягой этой свинской конституции. И самое грустное то, что эти люди, кот[орые] виновники всего произошедшего, наверное, еще не потеряли своего значения и влияния, несмотря на то, что их четыре недели тому назад чуть не убили, и если не произойдет здесь радикальной перемены, то мы воротимся опять к старому и все тут пойдет опять как прежде <...>. После этих происшествий, пришло известие, что наши войска двинулись на Константинополь. В греческих провинциях уже вспыхнуло восстание, Турки сожгли близ границы монастырь и замучили двух стариков-монахов, кроме жестокостей, совершенных повсюду черкесами и башибузуками. Наконец, и наше войско перешло границу, чтобы защитить несчастных жителей Фессалии. Что было потом, Ты знаешь. Чувство унижения и отчаяния в войске и вообще во всей Греции трудно описать. Много офицеров вышло в отставку и отправилось с множеством добровольцев помогать инсургентам. Из солдат многие уходят без позволения, это конечно не должно быть, но оно так понятно! — Теперь нам нечего делать, приходится ждать и надеяться! Что делают для нас на конференции?! Дадут ли нам Крит? Несчастные Кандиоты не в первый раз дерутся за свободу. Ах, если бы Государь сделал это для них и для нас! А Фессалия и Эпир, что с ними будет? Ведь Государь начал эту Святую Войну за всех Христиан Востока, и Греки вида не подают, что у них во главе стояли люди, забывшие свой долг к отечеству!!! Милый, душка Папа, ради Бога, умоли Государя, чтобы Он сделал что-нибудь для нас. То, что я желаю, это чтобы все греческие провинции достались бы Греции, мне кажется, что это справедливо, но говорят, что это слишком большая претензия, так как мы не принимали участия в войне. Но Греки прежде часто сражались и у себя, и в Севастополе, и кроме того, ведь грустно было бы, если бы целый народ должен был бы страдать от следствий глупости одного министерства. Греки с давних времен всегда надеялись на Русского Царя, и Россия им всегда оказывала помощь. Государь им, наверное,

не откажет в этот раз. Я страшно боюсь, чтобы ненавистные Англичане не сделали бы чего-нибудь для Греции, так как они уже заговаривают об этом в Парламенте, и, конечно, они это только сделали бы в своих собственных видах, так как они самый грязный народ на свете и умеют все эксплуатировать в свою пользу. И я уверена, что Государь одним словом мог бы отстранить эту опасность, так как Турция принуждена теперь делать все, что Он не пожелает. Кроме того, мое убеждение, что наше положение скоро будет еще тяжелее и труднее и не только наше, но вся будущность для детей кажется такой безотрадной!»³²

Вскоре западные державы, разыграв «греческую карту», начали острую дипломатическую борьбу за пересмотр Сан-Стефанского договора, и греки возлагали большие надежды на открывшийся в Берлине в конце июля 1878 г. конгресс, где они изложили свои пожелания. Восстание греческих патриотов, безусловно, повлияло на мнение великих держав. Нельзя исключать, что и активная позиция греческой королевы Ольги была известна российскому императору и также содействовала интересам Греции.

Все великие державы, за исключением Великобритании, поддержали передачу Фессалии и Эпира грекам. В результате появился лишь призыв к Греции и Турции приступить к переговорам об исправлении границы. Ольга писала отцу из своей летней резиденции Татой 4 (16) августа 1878 г.: «Расширение наших границ будет большое счастье, но еще рано ликовать, т. к. туркам видно не хочется расставаться с этим кусочком, который Европа подарила нам еще на бумаге, а не на деле. Надо вооружиться терпением и мне так хочется осенью отправиться путешествовать по новым провинциям! Пока я опять взялась за греческие уроки»³³.

Лишь после трех лет трудной дипломатической борьбы грекам в июле 1881 г. удалось подписать греко-турецкую конвенцию, по которой вся Фессалия и округ Арта в Эпире передавались Греции. Греческий король получил 300 тыс. новых подданных, а все население Греции теперь составило 2 млн. 187 тыс. человек. Однако это было лишь частичным решением национального греческого вопроса и очень далеко от идей панэллинизма. Как мы видим из приведенных писем греческой королевы к отцу, Русско-турецкая война была тяжелым испытанием для всех слоев греческого общества. Сама Ольга, несмотря на будущие обвинения ее со стороны греческих историков в панславизме, изо всех сил стремилась защитить интересы маленькой Греции, и, конечно, монархии.

³² ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 810. Афины. 18 февраля (2 марта) 1878 г.

³³ Соколовская О. В. Греческая королева Ольга.... С. 93.

Значительной, если не главной, темой в письмах Ольги к отцу были рассуждения о православной вере и о православном Востоке, особенно в 1885–1886 гг., когда Греция в очередной раз стояла на пороге войны с Турцией из-за Крита, а европейские державы предотвратили войну лишь угрозами совместной морской демонстрации у берегов Греции. Наиболее показательным было ее письмо отцу от 13 (25) ноября 1885 г., которое приведем почти полностью: «Ты, вероятно, часто думаешь о нас, дорогой Папа, следя за событиями и может быть беспокоишься немного. Не могу Тебе написать ничего утешительного. Мы находимся в довольно тягостном, выжидательном положении и усердно продолжаем готовиться к войне. Боюсь, что мы уже зашли слишком далеко, чтобы вернуться назад — то, что может быть в начале были громкие слова и пустые речи Афинских крикунов, обратилось теперь в парадное движение, в готовность и даже стремление принести всякие жертвы для рода и освобождения братьев от турецкого ига. Война между Болгарами и Сербамы произвела здесь отвратительное впечатление, никто ее не понимает, все ожидали, что мы сообща нападем на Турок, на нашего общего врага, а на место того, родные и православные братья убивают друг друга. Что-то еще будет, одному Богу известно!!! Мы для войны не готовы, несмотря на все усилия; правда, что в два месяца набрали массу народа; из 17 тысячной армии образовали 70-ти тысячную, но в два месяца солдат порядочных образовать нельзя, хотя они и значатся на бумаге. Спрашивается, что эти господа политики, прозевав удобную минуту в 77 году делали в эти 8 лет, зная, что гроза должна была разразиться не сегодня завтра. По-моему, это просто предательство, но им все сходит, хотя в 78-х их чуть и не повесили! Но только чуть!!! Меня просто злость берет, и я нисколько не стесняюсь говорить, что это сумасшествие одним, без всякой помощи, затевать войну против Турок, кот[орые] в пять раз сильнее нас, кот[орые] имеют обстрелянных старых солдат и отличных генералов, а наши то и маневрами никогда не командовали! Но все это невозможно объяснить народной массе, кот[орая] рвется вперед и всех этих подробностей не понимает. События теперь так быстро следуют одни за другими, что многое может быть изменится, пока это письмо дойдет до Тебя! Не смотря на все волнения, я нахожу, что мы живем в весьма интересном времени, иногда приходишь в такой азарт, что хотелось бы из зрителя обратиться в действующее лицо и быть в состоянии повлиять на события. Если только наконец нашелся человек, который бы высоко поднял знамя Православия, соединяя под сенью его все единоверные народы востока, заставил бы их забыть все мелкие недостойные распри и образовал бы из них крепкую нерушимую стену против

растлевающего влияния запада. Что, если не именно влияние этого запада довело несчастных Сербов до той роли, кот[орую] они играют теперь, и чьи коварные советы помешали Греции в 77 году принять участие в войне Православия, простив Турок, как был ее прямой и священный долг!? Но русская кровь льется искони для освобождения православных христиан, для возрождения угнетенных народностей; но только что подвиг совершен, то русское влияние исчезает, давая место всяким западным интригам и влияниям безусловно враждебным России! Словами не выразить, до чего это обидно и горько и больно. И как будто все это будет продолжаться и не произойдет наконец реакция. Надо быть русской и попасть на восток, для того, чтобы всем существом ощущать, до чего все это печально!!!»³⁴

Дочь великого князя была исключительно деликатным человеком. Понимая сложные отношения между матерью и Константином Николаевичем, который с 1873 г. имел открыто вторую семью с бывшей балериной А. В. Кузнецовой, Ольга Константиновна ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении писем никогда не упоминала об этом. Не писала она, как раньше, так много и о матери, Александре Иосифовне. От слишком тяжелых переживаний в 1889 г. Константин Николаевич пережил первый апоплексический удар, а в 1890 г. еще два инсульта, после чего не вставал, и за ним стала ухаживать Александра Иосифовна, которая даже к умирающему великому князю не пустила попрощаться А. В. Кузнецову и ее детей от него, открыто называя это мезтью за свои страдания.

Одним из самых тяжелых переживаний для активного и умного человека, каким был великий князь, стало его полное отстранение от государственных дел при императоре Александре III, особенно от флота. В утешение дочь писала уже больному отцу в сентябре 1890 г.: «Наши милые моряки с любовью и бесконечной благодарностью вспоминают о Тебе и осведомляются о Твоем здоровье. Недавно они брали у меня Твою фотографию, чтоб снять с нее копию, пот[ому что] всем офицерам хотелось иметь Твой портрет. Прощай, мой собственный, дорогой Папа. Храни Тебя Господь!»³⁵ В конце жизни Константин Николаевич сокрушался, что его искреннюю любовь к флоту из всех его детей унаследовала лишь дочь, но он вполне мог гордиться тем, что моряки называли ее «защитницей и покровительницей воинов русского флота», «матерью русских моряков» и просто обожали своего шефа³⁶.

³⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 810. Афины. 13 (25) ноября 1885 г.

³⁵ Там же. Татой. 9 сентября 1890 г.

³⁶ Об этом много написано в монографии О. В. Соколовской «Русские моряки в Греции (1867–1913 гг.)». Ольга Константиновна была шефом 2-го флотского экипажа.

Последнее сохранившееся письмо дочери отцу было большим и очень искренним. Ольга Константиновна писала: «Мои мысли постоянно с Тобою, и я мысленно гуляю с Тобою по парку, пыхтя, как паровоз на подъеме, и играю с Тобою в косточки, подвергаясь строгим выговорам Мити за неисправную игру; но все это, увы, только мысленно. Если бы Ты знал, как я жажду обнять Тебя, милейший мой Папа, и пробыть у вас несколько недель»³⁷. Но этой встрече не суждено было состояться.

В годовщину смерти великого князя, генерал-адмирала флота, Константина Николаевича эскадра прислала королеве Ольге телеграмму, в которой говорилось, что ее отца хорошо помнили и уважали на флоте³⁸.

³⁵ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 810. Афины. 11 (23) апреля 1891 г.

³⁸ Соколовская О. В. Русские моряки в Греции... С. 269.

Финансовое обеспечение двора великого князя Константина Николаевича: механизмы, источники, особенности

Финансирование великокняжеских дворов непосредственно связано с государственными законодательными и административными преобразованиями, проведенными в апреле 1797 г.: во-первых, это учреждение Департамента уделов, которое изменило систему материального обеспечения представителей Дома Романовых, и, во-вторых, внедрение новых принципов финансирования династии, вошедших в «Учреждение об императорской фамилии»¹. Необходимо согласиться с О. Г. Агеевой и признать, что подобное изменение в финансовом обеспечении правящей династии «стало одной из самых крупных реформ двора рубежа XVIII–XIX вв.»².

Статьи «Учреждения об императорской фамилии» законодательно регулировали экономическое содержание лиц, «от императорской крови происходящих»: награждения, доходы и суммы распределялись «по означенному в своем месте порядку». Согласно законодательству, отпуск сумм на обеспечение представителей императорской фамилии производился из двух источников финансирования. Первый — это государственные суммы, назначаемые для финансирования императрицы, наследника, «для всякого старшего наследника сына, и их жен, как равномерно на выдачу приданого награждения всем великим князьям и князьям крови императорской»³. Второй источник — суммы, выделяемые из Департамента уделов Министерства императорского двора (далее МИДв) «для всех прочих великих князей, и для князей императорской крови, с их женами и детьми; также для всех великих княжон, и княжон крови императорской»⁴.

Говоря о системе финансирования двора вел. кн. Константина Николаевича, необходимо отметить известные нам источники, размеры

¹ ПСЗ РИ. Собр. I (1649–1825). Т. XXIV (1796–1797). Ч. I. Законы. № 17906. С. 525–569.

² Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2018. С. 161.

³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. Ч. I. № 17906. С. 535.

⁴ Там же. С. 535–536.

и средства для обеспечения денежных выплат. Все поступающие на штат двора суммы учитывались и записывались в Придворной конторе, но аккумулировались в рамках сумм Константина Николаевича или же, по другим определениям, в «личных» и «кабинетных» суммах великого князя, и только затем выплачивались в качестве содержаний «по проекту штата назначенных». Среди источников финансирования фигурируют: 1) Департамент уделов; 2) Государственное казначейство; 3) выплаты, причисляемые к личным суммам вел. кн. Константина Николаевича по разным ведомствам и занимаемым должностям. С каждым из источников связан конкретный случай, который позволяет более детально представить картину существовавшей системы финансирования как малых дворов в целом, так и двора вел. кн. Константина Николаевича в частности.

Вел. кн. Константин Николаевич не относился к лицам, назначенным к «заступлению места наследничья», следовательно, согласно «Учреждению об императорской фамилии», получал содержание из сумм Департамента уделов МИДв. В деловом письме к гофмейстеру двора от 19 января 1848 г. великий князь писал: «Высочайшим указом от 24 сентября 1847 г., Департаменту уделов данным, назначено мне к производству из удельных сумм ежегодно по 142 857 тыс. руб. и 14 коп. серебром, из сей суммы следовавшие по 1 января 1848 г. деньги, по распоряжению генерал-адъютанта Литке, Конторою Собственного Его Величества Дворца уже получены; но на будущее время, я прошу вас сделать распоряжение о приеме означенной суммы из Департамента уделов и расходовании оной по двору моему»⁵. В данном случае упоминание в письме «Конторы Собственного Его Величества Дворца» связано с тем, что, согласно «Учреждению об императорской фамилии», представители правящей династии до достижения ими 25-летия были обязаны вести собственную финансовую и хозяйственную деятельность при помощи управляющего двором либо при участии вышестоящей конторы и лишь затем самостоятельно.

В то же время, при соотнесении указанной в письме суммы с итоговым расчетом окладов двора за подписью министра светлейшего князя Петра Михайловича Волконского за тот же год⁶ получается, что из Департамента уделов выделялись средства, вдвое превышающие по размеру необходимое для сформированного двора финансирование. Согласно расписанию окладов, на штат двора было рассчитано 62 310,94 руб. Данная сумма подтверждается в финансовых документах

⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

⁶ Там же. Лл. 99–102 об.

по распределению сумм за октябрь 1868 г.⁷ С присоединением к этой сумме отдельной росписи по штату Стрельнинского дворца (включавшей дополнения в виде садовой и полицейской частей) в размере 32 700,59 руб. мы получим итоговую сумму затрат в 95 011,53 руб., которая составляет 2/3 от выделенных удельных сумм.

Подобное расхождение в приходе и расходе сумм может вызвать определенные сомнения, если не учитывать отдельные финансовые расчеты по выплатам на подарки и денежные награждения чиновникам и ливрейным служителям двора по праздникам и торжествам императорской фамилии, пенсии, пенсии, оклады на воспитание детей и прочие расходы. С другой стороны, делопроизводственные документы позволяют утверждать, что в первые годы двор вел. кн. Константина Николаевича обладал значительным профицитом бюджета, что подтверждается официальным письмом министра двора к управляющему двором Григорию Григорьевичу Кушелеву от 30 августа 1848 г. за № 3464, в котором говорится: «<...> тем чиновникам и служителям, состоящим при Стрельнинском дворце, кои получают ныне содержания более, штатом определенного, производить впредь до выбытия настоящие их оклады, новым же лицам, кои будут поступать на их вакансии, назначать уже штатное содержание»⁸.

Говоря о профиците средств, не стоит понимать его как перманентное превышение доходов над расходами, поскольку, как показывает практика, расходы и доходы, а следовательно, и бюджеты малых дворов постоянно росли, что выразительно прослеживается на примере двора вел. кн. Константина Николаевича. Еще в 1848 г. министр императорского двора П. М. Волконский в примечании к первоначальному расписанию окладов двора рекомендовал придерживаться следующего курса: «Ежели из сумм, положенных по сему штату, за некомплектом чинов и служителей или по другим обстоятельствам будут от некоторых статей остатки, а по другим недостатки, то последний пополнять остатками, с тем только, чтобы из общей суммы, определенной штатом, не выходить»⁹.

Если же проанализировать финансовую отчетность в период деятельности генерал-адмирала в эпоху Великих реформ, то мы увидим, что в 1866 г. приход и расход по штатной сумме одинаково составил 265 988,4 руб.¹⁰ О росте бюджетной суммы и усложнении росписи окладов в данный период может свидетельствовать отношение гофмейстера

⁷ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 879. Л. 1 об.

⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

⁹ Там же. Л. 102 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 12. Лл. 1 об.–8 об.

двора статского советника Юлия Людвиговича Тенгоборского к Константину Николаевичу за № 17 от февраля 1866 г., затрагивающее период с 1863 по 1866 г. В нем поднимается тема упрощения счетоводства по Придворной конторе, лично утвержденного великим князем в положении для чинов шталмейстерской (1863 г.) и гофмейстерской (1866 г.) частей двора на производство получаемых ими «квартирных денег на отопление и освещение, под одним наименованием добавочного содержания, со включением в оное и порционных денег, в размере производившемся им во время шестимесячного загородного пребывания»¹¹.

В упомянутом положении, помимо выплат из Департамента уделов, фигурирует другой источник финансирования великокняжеских дворов — средства Государственного казначейства. По положению за 1866 г.¹², для чинов Гофмейстерской части из сумм казначейства выделялось 10 680,86 руб. Согласно финансовой системе, содержание из Государственного казначейства полагалось после издания высочайших указов. Примером служат первые чины двора Константина Николаевича, получавшие казначейские выплаты в весь исследуемый период с 1847 по 1882 г. Данный факт объясняется тем, что все высшие чины — будь то главные чины большого двора или первые чины малого двора — были равны между собой, поскольку имели равный класс по Табели о рангах¹³. Следовательно, все они должны были получать выплаты из одного финансового учреждения, как для упрощения самой системы финансирования дворов, так и для поддержания служебной иерархии, ее успешного функционирования на микро- и макроуровнях.

Другим источником финансирования великокняжеского двора являлись суммы, поступавшие по разным ведомствам и должностям, которые занимал великий князь. Примером служит жалованье Константина Николаевича по Морскому министерству. В изучаемый период генерал-адмирал получал различное содержание из Морского ведомства, которое составляло приблизительно 8000 руб. и обыкновенно расходовалось либо на содержание инвалидного дома императора Павла I, либо частично перераспределялось на выплату жалованья добавочным адъютантам великого князя. Подтверждением этому служит справочная документация от декабря 1888 г., в которой имеется просьба адмирала Николая Федоровича Метлина о прекращении выплаты столовых вел. кн. Константину Николаевичу из фондов Морского ведомства «вследствие бедственного положения наших финансов»¹⁴ — выплаты,

¹¹ Там же. Л. 31.

¹² Там же. Лл. 32–49.

¹³ Агеева О. Г. Указ. соч. С. 144–145.

¹⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1820. Л. 7 об.

которая осуществлялась ориентировочно с 1855 г., когда вел. кн. Константин Николаевич стал полным адмиралом и начал управлять Морским ведомством на правах министра. Стоит отметить, что данная выплата осуществлялась с временными перебоями, о чем свидетельствует личное поручение Константина Николаевича за № 1379 от 25 апреля 1857 г. по 2-му отделению канцелярии Морского министерства о прекращении денежных выплат в контору двора великого князя¹⁵. Подобное поручение было дано 10 мая того же года и оформлено в 3-м столе 2-го отделения канцелярии Морского ведомства за № 6791¹⁶.

В то же время, для части придворного штата Константина Николаевича (в основном на содержание добавочных адъютантов, дополнительно причисленных к великому князю за необходимостью) выделялись средства из сумм Военного министерства. Копия приказа по контролю МИДв от 22 августа 1863 г. за № 836 уведомляла Придворную контору о переносе части выплат по штату двора на сметы Военного ведомства¹⁷. Подобное финансирование чинов в штате двора Константина Николаевича также производилось на протяжении всего периода с 1847 по 1880-е гг., о чем может свидетельствовать официальное письмо из Придворной конторы на имя военного министра Петра Семеновича Ванновского от 27 декабря 1888 г. за № 1894 о том, что «из сумм, поступающих по линии Военного министерства на добавочных адъютантов двора, выделяется 2840,40 руб.»¹⁸

В период наместничества вел. кн. Константина Николаевича в Царстве Польском также осуществлялись выплаты из собственных сумм великого князя, которые документально объединялись с выплатами, производимыми Константиному Николаевичу как наместнику в Польше. Подтверждением данного факта является переписка министра императорского двора и управляющего великокняжеским двором в Варшаве графа Михаила Иринеевича Хрептовича. 9 марта 1863 г. из 4-го отделения канцелярии МИДв поступило уведомление за № 1214 на согласование нового проекта штата двора и Придворной конторы следующего содержания: «<...> проект штата конторы двора Его Высочества, наместника в Царстве Польском, для исходатайствования высочайшего соизволения, как на утверждение сего штата, так и на производство исчисленных по оному на содержание той конторы 3992 руб. из удельных сумм <...>»¹⁹. В ответ на данное обращение графом Хрептовичем

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 2.

было дано уведомление № 453 от 28 марта о том, что вел. кн. Константин Николаевич «соизволил производить указанную сумму по выплатам из собственных сумм его, при том что, как наместнику в Царстве Польском, ему из сумм ведомства выделяется 100 тыс. руб.»²⁰

У системы финансирования двора вел. кн. Константина Николаевича имелись свои особенности, которые дополняли существующую финансово-хозяйственную практику в Доме Романовых и были нацелены на создание благоприятных условий для успешного функционирования великокняжеского двора.

Как было сказано ранее, двор великого князя формировался на основе практик по организации большого императорского двора, а также малых дворов, принадлежавших членам императорской фамилии. Среди них стоит выделить следующие великокняжеские дворы: вел. кн. Михаила Павловича (1798–1849) — четвертого сына Павла I и Марии Федоровны, единственного порфирородного из всех сыновей императора, младшего брата императоров Александра I и Николая I; вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892) — второго сына Николая I, генерал-адмирала русского флота, председателя Государственного совета (1865–1881); вел. кнг. Марии Николаевны (1819–1876) — второй дочери императора Николая I, президента Императорской Академии художеств в 1852–1876 гг.; двор вел. кн. Николая Николаевича Старшего (1831–1891) — третьего сына Николая I, генерал-фельдмаршала; вел. кн. Михаила Николаевича (1832–1909) — четвертого сына Николая I, военачальника и государственного деятеля, генерал-фельдцейхмейстера и генерал-фельдмаршала, председателя Государственного совета (1881–1905).

Ориентир на данные малые дворы ставился в основном в области финансово-хозяйственных практик и имел целью разработку структурированной системы жалований и различных выплат придворным чинам и служителям. Как правило, жалование каждого штатного лица оформлялось отдельным обращением Придворной конторы в различные ведомства и заканчивалось формированием пакета делопроизводственных документов, состоящего из переписки, примечаний и справок. Например, жалование действительных статских советников лейб-хирургов Е. В. Енохина и И. С. Гауровица подсчитывалось на основе общих сводок, подготовленных в Придворной конторе в конце 1848 г. Они включали рассмотрение выплат из сумм вел. кн. Константина Николаевича, от вел. кнн. Николая и Михаила Николаевичей, высочайшего двора по

²⁰ Там же. Л. 4.

званию лейб-хирургов, от Морского и Военного министерств и «сверх того»²¹.

Еще одним примером, ориентированным на практики прочих малых дворов императорской фамилии, служит определение содержания унтер-офицерам и писарям в январе 1848 г. Согласно прошению на имя вел. кн. Константина Николаевича, в комнаты великого князя был определен Алексей Тарасов, уволенный из Роты дворцовых гренадер, и два отставных присяжных унтер-офицера: Алексей Обрядин (из л.-гв. Егерского полка) и Ксенофонт Дмитриев (из Морского кадетского корпуса), «которые по проекту штата не полагаются»²². При разрешении вопроса об утверждении данных лиц на должности с выплатой жалованья приводится вспомогательная справка. Из нее следует, что при дворе наследника комнатным унтер-офицерам производится 279,72 руб., присяжным унтер-офицерам по 214,75 руб.; при дворе вел. кн. Михаила Павловича «арсенальным и присяжным унтер-офицерам» выплачивается по 163,79 руб.; а при дворе вел. кнг. Марии Николаевны по 104 руб.²³ Благодаря имеющимся в справке данным, в конторе двора было принято решение о назначении жалованья по примеру двора вел. кн. Михаила Павловича.

Среди многочисленных решений Придворной конторы по финансово-хозяйственным вопросам стоит выделить следующие показательные примеры:

1) Повеление производить выплату по 858 руб. на содержание экипажа управляющему конторой двора Константина Николаевича для деловых поездок²⁴.

2) Решение от 23 февраля 1848 г. о назначении определенной суммы на воспитание детей. Согласно приложенным к обращению данным и росписи от 29 января того же года, из сумм вел. кн. Константина Николаевича «в разные учебные заведения за пансионеров и пансионеров» выделялось 1784,80 руб. Гофмейстером двора графом Кушелевым была объявлена необходимость в сокращении или увеличении данных расходов «по примеру наследника [14 700 руб. — *Я. Д.*] или великой княгини Марии Николаевны [3500 руб. — *Я. Д.*]»²⁵. После фактического сравнения выплат было принято решение об увеличении расхода до 3000 руб. в год, с тем чтобы «ограничить уже постоянно издержку вообще на воспитание детей, которым иметь очередной кандидатский

²¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1. Лл. 174–176.

²² Там же. Л. 19.

²³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1. Лл. 19–20.

²⁴ Там же. Л. 25–25 об.

²⁵ Там же. Л. 33–33 об.

список, со времени поступления», и в соображении того, «что доставление способом к воспитанию беднейших сирот есть высшая цель благотворения»²⁶.

3) Исполнение решения от 14 июня 1848 г. о содержании инвалидной команды при Мраморном дворце, назначенной проектом штата, в составе одного унтер-офицера и 22 рядовых²⁷. До высочайшего утверждения штата из Санкт-Петербургского внутреннего гарнизонного батальона поступили унтер-офицер и пять рядовых с жалованьем в 52 руб. и 35 руб. соответственно. Великому князю было сообщено, что, ввиду невозможности «рабочим людям содержать себя подобным жалованьем без пайка и амуниции», были собраны данные по инвалидным командам других дворов: его императорского величества с жалованьем по 83 руб. и 57 руб.; вел. кн. Михаила Павловича с выплатами по 68,60 руб. и 55,73 руб. и вел. кнг. Марии Николаевны — по 68 руб. и 56 руб.²⁸ Также было сообщено, что во всех дворах служащим «строится казенная годовая и двухгодовая одежда, состоящая из сюртуков, брюк, фуражек и шинелей, и рядовым — сверх того рабочих курток, кроме обуви и белья, которое заключается в производимом им содержании»²⁹. В итоге Константином Николаевичем было принято решение поступившим в инвалидную команду лицам производить жалованье «относительно двора Марии Николаевны», добавить по 16 руб. и 21 руб. к содержанию, что составит в итоге 68 руб. для унтер-офицера и 56 руб. для рядовых, и шить им казенную амуницию по примеру того же двора.

Выплаты в большинстве случаев начинали производиться по примеру двора вел. кнг. Марии Николаевны, что обосновывалось сходством в финансовом обеспечении между данными дворами, в то время как большинство подобных решений заключалось в выборе среднего значения по выделяемым суммам среди великокняжеских дворов. Подобная финансовая практика была характерна для двора вел. кн. Константина Николаевича в период формирования стабильного придворного штата, то есть в 1847–1849 гг. Как было сказано в ведомости по двору от 27 октября 1868 г., практики первоначального распределения сумм по примеру двора вел. кнг. Марии Николаевны были приняты «как ближайшие и по времени, и по некоторому сходству положенных штатом Ее Высочества чинов и должностных лиц»³⁰.

²⁶ Там же. Лл. 33 об., 34.

²⁷ Там же. Л. 64.

²⁸ Там же. Л. 64 об.

²⁹ Там же. Л. 65.

³⁰ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 879. Лл. 1 об., 2.

Денежное обращение и выплаты жалований находились на особом контроле Придворной конторы и осуществлялись в строгом согласии с утвержденным штатом двора. Однако не всегда служащие конторы справлялись с массивом документов, что вызывало определенное межведомственное недопонимание и внутренние проверки документооборота. Показательным примером служит период наместничества вел. кн. Константина Николаевича в Царстве Польском, когда параллельно существовало два двора и две придворные конторы — в Санкт-Петербурге и в Варшаве. 17 января 1862 г. от шталмейстера двора Виктора Александровича Бибикова к унгер-шталмейстеру Иосифу Балгазаровичу Брауну поступило обращение следующего содержания: «Предлагаю вам исследовать и в подробности донести, почему произошел перебор фуража, противу определенного мной положения, при продовольствии ясельничим надворным советником Гемпелем упряжных лошадей двора Его Императорского Высочества, и на будущее время тщательнее иметь надзор за расходом фуража и устроить так, чтобы подобного перебора не было»³¹. В июне 1863 г. был произведен пересмотр финансовых документов служащих двора в Варшаве по причине наличия фактов получения жалований «против штата». После проведенной внутренней проверки заявленных нарушений обнаружено не было, и в отчетном документе № 30 от 20 июня имеется лишь запись о том, что «чины и служители двора в Варшаве получали жалованье согласно утвержденному штату»³².

Особая статья выплат составлялась для адъютантов и добавочных адъютантов великого князя, которые назначались как на долгое время, так и за необходимостью, официально к штату двора не причислялись, но получали жалованье либо из содержания Константина Николаевича по званию или должности, либо по его штатным суммам, требуя тем самым добавочные выплаты по штату великокняжеского двора. Так, в июле 1862 г. адъютантом к великому князю был назначен ротмистр л.-гв. Конного полка Александр Алексеевич Киреев с расходами на его содержание из сумм Константина Николаевича по званию главнокомандующего войсками Царства Польского³³. Уже в декабре 1863 г. адъютантам — полковнику Осипу Адамовичу Сержпутовскому, подполковнику Сергею Сергеевичу Муханову, штабс-капитану графу Дмитрию Егоровичу Комаровскому и барону Эдуарду Андреевичу Рамзаю — было повелено выдать жалованье из штатных сумм³⁴.

³¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

³² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 16. Л. 53.

³³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 14. Л. 35.

³⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 16. Л. 92.

Подобная практика относительно добавочных адъютантов обильно отображена в документах за период с 1870 по 1873 г. Процесс финансирования добавочных адъютантов состоял из пяти последовательных шагов и был четко отлажен в течение месяца. Так, в 1870 г. документооборот по данному вопросу длился с 29 апреля по 25 мая³⁵, в 1873 г. решение о выплатах за январскую треть принималось с 14 по 30 апреля³⁶, а за сентябрьскую треть — с 7 по 31 декабря³⁷. Первоначально от конторы вел. кн. Константина Николаевича в окружное интендантское управление Петербургского военного округа направлялась просьба об отпуске добавочного содержания адъютантам великого князя за определенную треть года. Затем из 4-го отделения управления приходило распоряжение на выделение данных средств и подтверждающее свидетельство, подписываемое управляющим конторой. Казначей Придворной конторы направлял в ведомство специальную расписку, свидетельствующую о получении денег, и подавал рапорт о поступлении средств в контору двора. Затем полученные средства расписывались по специальному ордеру «по кассовой книге штатной суммы на гофмейстерскую часть в приход»³⁸ и, наконец, выдавались добавочным адъютантам.

Финансирование двора осуществлялось из нескольких источников, каждый из которых затрагивал деятельность определенных чинов и придворных служащих. Подобное устройство финансово-хозяйственной системы предопределяло успешное функционирование придворных ведомств и служб, а также правящей династии в целом.

Система финансирования двора вел. кн. Константина Николаевича имела свои уникальные особенности, которые в большой степени были связаны с общественно-политической и государственной деятельностью великого князя.

Среди источников финансирования двора вел. кн. Константина Николаевича были Департамент уделов, Государственное казначейство, а также выплаты по разным ведомствам и должностям. Финансирование не из средств государственных институтов значительно усложняло и отягощало экономическую систему, увеличивало документооборот. В период с 1847 по 1849 г. финансово-хозяйственная система двора вел. кн. Константина Николаевича выстраивалась по образцу двора вел. кнг. Марии Николаевны. Происходило это ввиду сходства штатов и числа должностных лиц. В целом для двора вел. кн. Константина

³⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1821. Лл. 3–7.

³⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 351. Лл. 1–4.

³⁷ Там же. Лл. 7–10.

³⁸ Там же. Л. 4.

Николаевича характерен бюджетный баланс с незначительными корректировками в стороны профицита или дефицита. В связи с этим мы можем заключить, что утверждения поэта Платона Александровича Кускова³⁹ и получившие распространение в историографии представления о «бедности» вел. кн. Константина Николаевича по сравнению с другими членами Дома Романовых являются необоснованными.

Финансовое обеспечение представителей Дома Романовых было закреплено в законодательстве Российской империи и на уровне великокняжеских дворов регламентировалось в соответствии с утвержденным проектом штатов. Объем финансовых выплат определялся в рамках прецедентов и насущных потребностей дворцовых контор и управлений. Система финансирования дворов членов правящей династии не просто обеспечивала фиксированное денежное обращение между государственными учреждениями и придворными конторами, но экономически закрепляла придворную иерархию.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Опул.: Воспоминания П. А. Кускова о вел. кн. Константине Николаевиче / Публ., предисл. и комент. Ю. А. Кузьмина // Исторический архив. 2008. № 4. С. 157–196; № 5. С. 188–206.

И. Г. Голенко

Е. Н. Гореликова-Голенко

Ассоциация владельцев исторических усадеб

Экономические аспекты управления городом Павловском, мызой Стрельна и прочими именьями великого князя Константина Николаевича (1871–1884)

Выдающемуся государственному деятелю, председателю Государственного совета, управляющему Российским флотом, генерал-адмиралу Константину Николаевичу в 1871 г. исполнилось всего 44 года. Он востребован и все силы отдает служению государству. Фактически он является правой рукой Александра II. Император в ведении всех государственных дел рассчитывает на него. В эти годы у великого князя много и личных забот: большая семья — супруга и шестеро детей; родовое поместье, которое фактически превратилось в город Павловск; имение, доставшееся от его матери в Ореанде. Содержание Павловского дворца, всего городского хозяйства и имений полностью лежало на великом князе. Все это требовало огромного внимания и ответственного управления. Он физически не мог охватить все эти вопросы. Причем экономические проблемы распоряжения имуществом стояли очень остро. Константину Николаевичу был необходим знающий и опытный помощник. В такой момент на место управляющего был приглашен Константин Петрович Голенко. Он оставался в этой должности до своего последнего дня, с 1871 по 1884 г.¹

С самого начала своей деятельности в качестве управляющего городом Павловском и мызой Стрельна Константин Петрович был поставлен в сложные условия. Обладая глубокими знаниями и опытом в юридической и финансовой сферах, он целиком и полностью посвятил свою жизнь и деятельность вел. кн. Константину Николаевичу. Красной нитью через всю службу Голенко проходят слова: «Обязываюсь

¹ Более четверти века городом Павловском и мызой Стрельна управляли подряд три Константина Петровича: статский советник Чичерин (с 1857 по 1859 г.); статский советник Ротаст (с 1860 по 1871 г.); действительный статский советник Голенко (с 1871 по 1884 г.). См.: Семевский М. И. Павловск, СПб., 1877. С. 458. Возможно, это не просто случайное совпадение — прим. авт.

блюсти интересы имения и личные выгоды Его Императорского Высочества»². Шаг за шагом, на протяжении 13 лет им велась постоянная работа по решению всех хозяйственных дел в Павловском городском правлении. С 1874 г. добавилось управление крымским имением Ореанда, а чуть позднее, в 1879 г. — имением Уч-Дере на Кавказе. И везде одним из важнейших был кадровый вопрос. Из документов различных лет можно видеть, что Константин Петрович умело формировал круг своих подчиненных и по многу лет опирался на своих ближайших помощников. В Павловске ими являлись: капитан 1 ранга (впоследствии контр-адмирал) Есаулов и секретарь Антонов. Эти люди оставались рядом с ним весь период управления, вплоть до его кончины в 1884 г.

Первоочередной задачей, вставшей перед новым управляющим, стало приведение экономики города Павловска в порядок. Это был самый большой и сложный участок работы. Финансовая ситуация к концу 1871 г. оказалась критической. На момент приема дел Голенко от предыдущего управляющего в казне города осталось 147 руб. 35 коп.³, а цифра неоплаченных счетов торговцам и подрядчикам достигла 44 193 руб. 6 коп.⁴ Такое состояние дел вполне можно назвать банкротством. Необходимо было срочно предпринимать какие-то нестандартные меры для выхода из этой ситуации, и «Голенко <...> активно, взялся за дело»⁵.

Уже через полтора месяца, 21 января 1872 г., Константин Петрович представляет великому князю подробную записку по реорганизации управления городом Павловском по нескольким ключевым направлениям: «<...> ввиду постоянно возрастающей потребности к поддержанию дворца, приходящего в ветхость; парка, в свою очередь, требующего усиленных расходов; и постоянного возрастания цен, как на рабочие руки, так и на все предметы потребления, — полагал бы настоятельно необходимым ввести более рациональные приемы в хозяйстве и сократить некоторые непроизводительные расходы по управлению оным»⁶.

Для этого Константин Петрович предложил:

- по Павловскому городскому правлению, упростив порядок счетоводства, при том же составе чиновников, образовать под руководством секретаря два стола: по бухгалтерской и по исполнительной частям;

² Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. 248. Оп. 1. Д. 342. Л. 2.

³ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16354. Л. 16.

⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 34. Л. 1.

⁵ Семевский М. Константин Петрович Голенко // Русская старина. СПб., 1884. Кн. 6. С. 661.

⁶ РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 34. Лл. 1–5.

- упразднить дворцовые мастерские, но удержать, по возможности, тех же мастеров уже на свободных началах, предоставив им некоторые льготы для того, чтобы они устраивали вольные мастерские в городе;
- по комиссарской и агрономической частям для производства всех работ подражать вольных мастеровых, а расчеты с ними вести непосредственно через правление;
- по Полицейскому надзору и Мариинскому госпиталю существенно сократить штат вольнонаемных обходных и состав больницы (так как в ней «число больных редко превышает 12 человек, из которых большая половина одержима хроническими болезнями и никакого лечения, кроме призрания, не требуют») ⁷.

Показательной является справка по агрономической части Павловска, из которой следует, что приход составлял 2201 руб., а расход на содержание комиссара и агронома Мюллера — 4984 руб. Как видно из приведенных цифр, только на этом участке ежегодно возникал убыток более 2500 руб. ⁸

Несколько недель «штаб по спасению» имения обсуждал дела. В сложившейся на тот момент ситуации с долгами другого выхода уже не было, и предложения Голенко были приняты.

Кропотливая каждодневная работа, судя по многочисленным записям в дневнике великого князя, продолжалась в том же режиме на протяжении многих лет. Голенко регулярно приезжал с докладами и отчетами. Обычно это происходило в утренние или дневные часы. С укреплением отношений Константин Николаевич стал принимать Голенко вечерами с последующим приглашением на ужин, и нередко Константин Петрович оставался ночевать.

Сегодня трудно себе представить, что весь штат Павловского городского правления состоял из семи человек: управляющий К. Голенко, заместитель (советник правления) А. Есаулов, секретарь В. Антонов, казначей, два столоначальника и канцелярский служащий ⁹. Однако при такой немногочисленной команде город бурно рос и развивался. За очень непродолжительное время было сделано достаточно много.

I. Расширение черты города, придание городу архитектурной самобытности и наведение порядка и спокойствия.

Вел. кн. Константин Николаевич имел непосредственное отношение ко всему, что строилось на территории города. Он лично заверял

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 56. Л. 4.

планы зданий и сооружений, следя за тем, чтобы сохранялось архитектурное единство Павловска. К. П. Голенко, вникнув во все вопросы, возникавшие в городе и окрестностях, сделал вывод, что городское устройство требует усовершенствования и обновления. 20 февраля 1879 г. он подает рапорт на имя министра императорского двора: «В бывшем селе (ныне город Павловск), с самого основания оно, частным лицам жаловались в потомственное владение участки земли для постройки домов, планы и фасады которых утверждались Их Императорскими Величествами. С устройством в 1836 году железной дороги, город Павловск быстро начал разрастаться и скоро застроился вплоть до граничной межи земли <...> В последние годы из смежных земель Царкосельского уезда, приобретенных <...> великим князем, по большей части уже застроенные участки земли в летнее время заселяются значительным числом дачников. Строения на этих участках возведены с отступлением от правил строительного устава, дороги не шоссеированы и уличного освещения нет; в отношении же благочиния и порядка, местность эта почти вовсе лишена полицейского надзора. <...> Многие из домовладельцев этих, вновь образовавшихся в уезде кварталов, обращаются в полицию города Павловска, где удовлетворения получить не могут, от чего происходят постоянные пререкания и неудовольствия <...> Великий князь, принимая во внимание вышепрописанные обстоятельства, а равно и то, что означенная местность, хотя и состоит в черте города и в ведении уездной полиции, но по характеру и расположению своему составляет продолжение Павловска, повелел мне обратиться к Вашему Сиятельству с почтительнейшею просьбою об исходатайствовании Высочайшаго Государя Императора соизволения на прирезку в черту города Павловска местностей, указанных на плане; <...> местности же, занятые огородами, прилегающие к городу и арендуемые от крестьянских обществ частными лицами, подчинить полицейскому надзору города Павловска, с распространением на них такого же подчинения и в строительном отношении, коль скоро они будут застраиваться»¹⁰. 4 июня 1879 г. на это ходатайство был получен ответ министра императорского двора, о том, что «министр внутренних дел не встречает, со своей стороны, препятствия к удовлетворению оно»¹¹. Таким образом, просьба была удовлетворена, и площадь города увеличена почти в два раза.

II. Строительство обсерватории.

Еще в 1874 г. директор Физической обсерватории Г. И. Вильде ходатайствовал перед Академией наук об отыскании места для строительства новой обсерватории. Планы и проекты зданий обсерватории,

¹⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 797. Лл. 1–2.

¹¹ Там же. Лл. 27–28.

их размещение на участке разрабатывались на протяжении двух лет, и в апреле 1876 г. Императорской Академией наук было получено свидетельство из Павловского городского правления за подписью управляющего Голенко, архитектора Потолова и секретаря Антонова на предоставление участка земли Академии наук для устройства Физической обсерватории¹². Строительство началось сразу и через год было уже закончено. В письме от 20 мая 1877 г. президенту Академии наук графу Ф. П. Литке К. П. Голенко сообщает: «<...> постройка обсерватории в Павловске окончена, и остается только» завершить «внешнюю отделку, которая будет исполнена к 29 числу июня, дню юбилея Павловска <...>»¹³.

III. Культурная жизнь города.

Павловск стал любимым местом проведения досуга для жителей Петербурга, многие перебирались сюда на летние месяцы. Для привлечения публики и улучшения эстетического восприятия облика города в преддверии 100-летнего юбилея в 1876 г. Константин Петрович подготовил «Памятную записку о городе Павловске». В ней он обнаруживает вполне современный подход к организации «притока туристов» в город. Территорию дворца и парка Голенко предложил рассматривать в едином комплексе и «для привлечения внимания гостей» распорядился «привнести ряд нововведений и улучшений в садовых зданиях г. Павловка и в его художественных коллекциях»:

1. Разрешить свободный доступ публики к осмотру музея, картинной галереи и пр.; «сделать постоянные аншлаги <...> на досках (а не на клочках бумаги) и <...> выставить их <...> в вокзале и на видных местах». Голенко предлагает нумеровать и атрибутировать картины в галерее, а также пополнить собрание «заброшенными и забытыми по чуланам» картинами из дворцов Павловска.

2. В здании библиотеки, как более привлекающем внимание посетителей, можно «положить альбом видов Павловска». К осмотру публикой здесь следует приспособить собрание гравюр (27 папок), а также некоторые художественные издания, имеющиеся в библиотеке. «В витринах у окон <...> выложить некоторые автографы достопамятных лиц (Екатерины II, Павла I, Александра I и др.), из тех собраний писем, которые имеются в Дворцовой библиотеке.

3. В “Розовом павильоне”, этом памятнике великой борьбы с Наполеоном I, следовало бы выставлять на летние месяцы собрание живописных картин и гравюр из эпохи нашествия французов на Россию.

¹² Меньшикова В. А. Магнитная и метеорологическая обсерватория города Павловска. // Фонтанка: культурно-исторический альманах. СПб., 2013. № 13. С. 102.

¹³ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16600. Л. 64.

Все это имеется в чуланах дворца и в библиотеках.

4. В пустующую Ферму можно положить акварельную коллекцию видов Павловска 1820-х гг. и два-три самых старых плана Павловска из архива городского правления, освежив их и приведя в лучший вид. Следует поставить сторожа для наблюдения за бережным обращением публики с этими предметами.

5. В здании Крик следовало бы привести в надлежащий вид собранные здесь виды первобытного Павловска, <...> на зиму эти картины для защиты от сырости переносить в верхний этаж.

6. На деревьях Семейной рощи следовало бы прибить дощечки с надписями, о том, кто сажал эти деревья (в правлении имеется план рощи).

7. Желательно было бы осуществить следующую мысль: Павловск — есть памятник незабвенной для России императрицы Марии Федоровны¹⁴.

а) в библиотеке создать отдел, куда бы вошло все, что напечатано о ней на всех языках, рукописи, гравюры, рисунки, медали — словом, все печатное, писанное и художественное, напоминающее императрицу и ее многостороннюю благотворительную деятельность;

б) покои Марии Федоровны (в своем роде, преинтересный музей) открыть для осмотра;

в) в комнатке Пиль-башни восстановить кабинетик императрицы;

г) в Хижине пустытника выложить принадлежащие ей вещи, на Ферме — альбомы, с ее собственноручными записками; а в библиотеке — альбом с рисунками, исполненными членами августейшей семьи императрицы;

д) в здании Крик было бы хорошо поставить бюст Марии Федоровне и что-либо из вещей ее работы (из произведений токарного искусства, которых много во дворце);

е) вставить в рамки отгиски гравированных портретов Павла I и Марии Федоровны и развесить их в некоторых садовых зданиях (Старом шале, Крике, Пиль башне и проч.)»¹⁵.

¹⁴ Уже в XX в. многолетний директор Павловского дворца-музея Анна Ивановна Зеленова даже в самые сложные годы Великой Отечественной войны считала, что необходимо относиться к Павловску как к «семейному очагу, любовно созданному и украшенному» Марией Федоровной, и память о ней должна оставаться во вновь сформированной экспозиции музея. См.: Третьяков Н. С. Павловск и Анна Ивановна Зеленова // Зеленова А. И. Статьи. Воспоминания. Письма. Павловский дворец: история и судьбы. СПб., 2006. С. 10.

¹⁵ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16848. Лл. 32–37.

В Павловске был организован общественный театр и осуществлены обширные постройки Учительской семинарии.

Была реализована идея превращения городского железнодорожного вокзала в культурный центр. В этом принимала активное участие вел. кнг. Александра Иосифовна. На вокзале возродили концерты, стали проводить благотворительные мероприятия, детские праздники, презентации новинок, которые нередко сопровождалась фейерверками и электрической иллюминацией. К осуществлению подобных планов привлекались состоятельные павловчане, известные люди, изобретатели и инженеры. Например, когда в 1879 г. планировалась организация лотереи в пользу Красного Креста, Александра Иосифовна хотела устроить яркое и праздничное действо. Поэтому управляющий двором великой княгини П. Е. Кеппен в письме от 9 Августа 1879 г. пишет Константину Петровичу Голенко: «Если Вы встречаетесь <...> с Яблочковым, не возьмете ли на себя труд спросить его, считает ли он возможным исполнить такого рода электрическое празднество»¹⁶.

IV. Развитие частного предпринимательства.

Оказывалась поддержка, как мы бы сказали сегодня, «малому бизнесу». Сохранились документы этого периода о передаче «лицам разного социального статуса, как крестьянам, так и мещанам» в аренду на различные сроки неиспользуемых помещений для открытия фотографических салонов, магазинов, складов и пр. Единственное, на что великий князь никогда не давал согласие, — это на открытие в Павловске самых высокодоходных заведений — питейных. Ранее алкоголь продавался на территории города, что периодически приводило к скандалам и беспорядкам. Поэтому в 1873 г. Константин Николаевич «высочайше повелел воспретить открывать питейные заведения ближе двух верст от Павловского дворца»¹⁷.

Бюджет города Павловска формировался из государственного поземельного налога, сборов на местные земские подати и дохода от аренды городского имущества. Как государственный деятель и член императорской фамилии, великий князь имел личный доход, составлявший 6000 руб. в месяц¹⁸.

К началу 1870-х гг. все эти средства не покрывали расходов города и великокняжеской семьи. Однако уже в январе 1877 г. Константин Николаевич с удовлетворением записывает в дневнике: «...работал с Сарычевым и Голенкой. Он мне принес отчет по Павловску и Стрельне

¹⁶ РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 47. Л. 12.

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 797. Лл. 1–2.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 116. Л. 60.

с остатком 18 тысяч. Каждому из них дал по 3 тысячи, а остальные 12 тысяч пошли в команду». За эти годы был сформирован солидный капитал, распределенный между несколькими финансовыми организациями. По сравнению с ситуацией 1871 г., когда сумма долга Павловска превышала 44 тыс. руб., теперь фонд составил «134 700 руб., из них 13 000 — в бумагах Общества взаимного кредита, 5000 — в валютных облигациях, 27 900 — в Одесских и т. д. <...> Это отлично»¹⁹. Как мы видим, экономическое положение за 6 лет кардинально улучшилось. Это позволило, в частности, провести празднование 100-летия города на высоком уровне и издать памятную книгу об этом событии.

Заслуги Константина Петровича были отмечены как благодарностями и наградами, так и дополнительной нагрузкой. В августе 1879 г. в его подчинение переходит великокняжеское кавказское имение Уч-Дере. К концу 1870-х гг. Константина Николаевича и Константина Петровича связывали уже не только деловые, но и тесные человеческие и дружеские отношения. Голенко заслужил полное доверие великого князя. Поэтому для операций с кавказским имением главноуправляющий получает полный карт-бланш: «<...> повелеваю Вам <...> заключать от Имени Моего надлежащие условия и вообще уполномочиваю Вас действовать, согласно известным Вам Моим предначертаниям. Константин»²⁰.

Константин Николаевич был удовлетворен стараниями Голенко по благоустройству кавказского имения, особенно тем, что там привлекалось к работам местное население, недавно обращенное в христианство.

И все же для Константина Петровича второй по важности, после Павловска, обязанностью было осуществлять контроль и управление Ореандой — имением, которое перешло в его подчинение с января 1874 г. В первые годы службы Голенко в Ореандском имении существовала должность главного смотрителя, которую долгое время занимал архитектор города Ялта Карл Иванович Эшлиман. В работе по управлению Ореандой он отчитывался перед Главным командиром Черноморского флота и портов вице-адмиралом Н. А. Аркасом. После переподчинения имения Павловскому городовому правлению в Ореанде была введена должность управляющего. На это место Константин Петрович, являясь теперь главноуправляющим имениями великого князя, пригласил своего однокашника и друга по Морскому кадетскому корпусу, капитана 1 ранга А. И. Греве. С Александром Ивановичем они давно и хорошо понимали друг друга и плодотворно проработали до 1879 г. А когда Греве

¹⁹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 112. Л. 47.

²⁰ РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 48. Л. 1.

с повышением по службе перевели на Кавказ (это было связано, в том числе, с необходимостью осваивать Уч-Дере), на должность управляющего Ореандой был приглашен А. Панаев.

В качестве главноуправляющего имениями Константин Петрович вел обширную служебную переписку с Ореандой и Уч-Дере. Он установил в делах строгую отчетность. В специальных бухгалтерских журналах содержались подробнейшие, хорошо структурированные ежеквартальные отчеты южных имений перед Павловским городовым правлением (для этого использовались специальные «шнурованные журналы», а в случае нехватки страниц из Павловска высылались дополнительные тетради). Для удобства доклада великому князю отчет по Ореандскому имению распределялся по шести статьям расходов, каждая имела свой баланс. Отдельно учитывались приходно-расходные денежные документы. Велись несколько особых книг: о приходах и расходах денежных сумм; о приходах и расходах вещей, инструментов и материалов; о приходах и расходах провианта, провизии и фуража; о приходах и расходах вина и уксусу; а также книга рабочего журнала²¹.

Имение занимало большую территорию, чем ныне принадлежит санаторию «Ореанда». Оно располагалось «от кромки моря и поднималось по горе выше Почтовой дороги» (нынешняя трасса Ялта — Севастополь). К моменту включения Крымского имения в круг обязанностей К. П. Голенко оно тоже было убыточным. К исправлению ситуации Константин Петрович приложил все свои творческие силы и идеи. На протяжении многих лет он, по желанию вел. кн. Константина Николаевича, благоустраивал Ореанду, которая была любимым местом отдыха всей великокняжеской семьи, что автоматически приводило к росту затрат на ее содержание. При этом основной целью главноуправляющего и в этом случае было не просто обеспечить самоокупаемость, но превратить имение в источник дохода великого князя.

Константин Петрович выработал особую стратегию «безубыточного хозяйствования». Смысл ее заключался в том, что, хотя затраты на содержание росли год от года, они не должны были превышать текущий уровень дохода имения. По рапортам и отчетам «о приходах и расходах сумм по Ореандскому имению» можно проследить их рост по годам. Если за 1876 г. Ореанда получила 17 196 руб., а потрачено на ее содержание было 17 385 руб. (т. е. год был закончен с дефицитом в 191 руб.), то к 1880 г. общий итог прихода равнялся расходу (29 058 руб.).

²¹ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 308. Л. 55.

А в 1881 г. наметился перелом: на 1 января 1882 г. профицит составил 122 руб. 66 коп.²²

Как мы видим, все годы Константин Петрович сталкивался с проблемой дефицита средств южных имений. Но, так как для великого князя Павловск и именья были единым хозяйством, то пополнение счетов Ореанды периодически происходило за счет бюджета города Павловска. При этом необходимо особенно отметить, что всякий раз это делалось «заимообразно», т. е. деньги передавались временно, с последующим неизменным возвращением Павловску²³.

Для сокращения затрат на содержание именья в 1873 г. возникла идея передать участок земли выше Почтовой дороги в аренду. Возможно, этому способствовал инцидент «со взломом и кражей из нежилого строения». Этот эпизод показал, что контролировать отдаленные малоосвоенные неохранные территории очень сложно. Поэтому вел. кн. Константин Николаевич повелел разделить их на участки и сдать в аренду на 99 лет с условиями оплаты земельного и местных налогов²⁴. Для реализации этого плана в январе 1876 г. Голенко дает Грехе поручение оказывать «офицерам Черноморской гидрографической экспедиции возможное содействие при производстве геодезических работ к составлению плана Ореанды»²⁵. Концепция разделения именья на участки в полной мере была реализована Константином Петровичем несколько позже в именье на Кавказе. Уч-Дере великий князь практически не посещал, из-за сложности дороги и отсутствия места для проживания семью туда не вывозил. Всю территорию именья разделили на участки и сдали в аренду, а впоследствии продали представителям русской интеллигенции для постройки дач.

Как уже отмечалось, вся деятельность Голенко осуществлялась исключительно в интересах великого князя. К 1881 г. возникла идея обратиться в Министерство императорского двора по части юрисконсульта с вопросом «об изъятии Ореандского именья от платежа земельного налога и сборов на земские местные повинности», обосновывая это «крайне ограниченными средствами и отсутствием всякой возможности уплачивать оные»²⁶. 12 февраля 1881 г. Константин Петрович направляет рапорт, который 17 февраля был передан в Департамент уделов для положительного решения данного вопроса. А через две недели, 1 марта

²² ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 340. Л. 145.

²³ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 316. Л. 27.

²⁴ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 302. Лл. 24–25.

²⁵ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 316. Л. 1.

²⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 868. Лл. 3–5.

был убит император Александр II. Жизнь вел. кн. Константина Николаевича кардинально изменилась, и решить этот вопрос было уже не суждено.

В управлении Ореандским имением существовал один аспект, которому Константин Петрович придавал особое значение. Перспективу развития имения он видел в организации производства на этой территории некоторых сельскохозяйственных культур, в значительном расширении фруктового сада, а в особенности — в развитии виноградарства и виноделия.

Первые виноградники были заложены еще при матери Константина Николаевича. Но к 70-м гг. XIX в. Ореандские виноградники пришли в упадок. Единомышленником Голенко и в этом вопросе (улучшении состояния имения путем развития виноградарства) стал А. И. Греве. Их многое объединяло, в том числе любовь к садоводству. Однокашники и в новой для них сфере приложили максимум усилий. Именно Александр Иванович вместо иностранного специалиста нашел «малоросса Сливу» и пригласил на должность садовода и виноградаря. Константин Петрович сформулировал условия принятия его на работу, при этом ввел материальную заинтересованность в конечных результатах труда. По соглашению, помимо гарантированной зарплаты, проживания, дров на отопление и лошади с обеспечением (аналог служебного автомобиля), письменно закреплялась премия в размере 10 % чистой прибыли от выращивания и продажи вина в пользу главного исполнителя, т. е. самого И. Т. Сливы (положительные результаты их деятельности появились лишь в 1886 г., когда чистый доход имения составил более 6000 руб., и винодел получил наконец свои 10 %) ²⁷.

Предпринимались и другие усилия по улучшению экономических показателей Ореандского имения. Например, помимо вина, рационально использовался отход от выжимки винограда — из него делалась водка ²⁸. Вино и виноградная водка из Ореандских подвалов доставлялись в Санкт-Петербург на кораблях агентства «Двигатель». Голенко при погрузке присутствовал лично. Так, например, в мае 1876 г. Константин Петрович отправил шестнадцать бочек на палубе российского корабля, для чего съездил из Санкт-Петербурга в Ялту для оформления сопроводительных документов ²⁹.

В результате Берлинского конгресса лета 1878 г. Россия была вынуждена уступить ряд положений Сан-Стефанского мирного договора.

²⁷ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 342. Лл. 4–7.

²⁸ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 316. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 22.

В частности, санкции были наложены на пересылку грузов морем: большие грузы можно было переправлять только через Англию и Францию. Голенко и Гreve нашли способ обойти санкции. В своем рапорте от 20 марта 1879 г. А. Гreve сообщает Голенко: «Я предпочел отправлять [не единоразово через Европу, а] еженедельно по вторникам на отходящем из Ялты пароходе по две бочки вина до тех пор, пока требуемое количество будет выслано в С.-Петербург»³⁰.

Итак, в 70-е — начале 80-х гг. XIX в. велась целенаправленная работа по развитию Ореандского имения в Крыму. Голенко своей увлеченностью виноградарством «заразил» и великого князя. А его убежденность в успехе дела привела к тому, что в августе 1881 г. Константин Николаевич пишет о своем желании, «чтобы исключительно на разбивку новых виноградников в Ореанде были потрачены 4,5 тысячи рублей»³¹.

К 1884 г. наметился перелом и в общей экономике Ореанды. Управляющий буквально до последних минут своей жизни искал пути для развития имений, даже самая последняя беседа с великим князем была посвящена этой проблеме. Из дневника Константина Николаевича от 27 апреля 1884 г.: «<...> разговор перешел на пребывание в Ореанде и разные хозяйственные вопросы, а Тезка говорил, как состояние Ореанды улучшается, так что с будущего года и долги будут погашены, и она в состоянии будет при новых виноградниках жить самостоятельно»³².

Нельзя не отметить два важных момента в жизни великого князя, повлиявшие на отношения с окружавшими его людьми. Во-первых, примерно в 1872 г., то есть в самом начале службы Голенко, у Константина Николаевича появилась вторая семья. Это изменило и личную жизнь, и специфику хозяйствования. Усилилось внимания к Ореанде как месту отдыха великого князя с его второй семьей. Во-вторых, в 1881 г., после убийства Александра II, воцарение Александра III вел. кн. Константин Николаевич практически не принял, был отстранен от всех государственных постов и фактически стал рядовым гражданином. В этих обстоятельствах, когда уже невозможно стало рассчитывать на августейшую помощь, значение экономической независимости для великого князя возросло многократно. Возможно, влияние этих двух обстоятельств (плюс совпадение характеров) и превратили отношения «начальник — подчиненный» в дружеские. В записях в ежедневном журнале, который вел великий князь, в поздний период прослеживается глубокое уважение, взаимопонимание и доверие. Константин Николаевич называет Голенко своим другом. И это не просто слова, так как по тем действиям, которые

³⁰ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 326. Л. 9.

³¹ ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 340. Л. 94.

³² ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 116. Лл. 32–33.

предпринимает великий князь, взяв на себя содержание восьмерых детей Голенко, можно сказать, что «Тезка» для него за тринадцать лет службы стал очень близким человеком³³.

Когда Константин Петрович вступал в должность управляющего г. Павловском и мызой Стрельна, великому князю требовался надежный и знающий человек, могущий принять ответственность за управление его имуществом. Но в лице Константина Петровича он получил единомышленника и друга. Без гармонии делового и личного у Константина Николаевича могла бы быть гораздо более сложная жизнь. А Константину Петровичу в третий раз удалось себя реализовать в новом для него деле (впервые — на военной службе, затем — в работе судьей в г. Остров, и в третий раз — на высокой государственной должности). Из неполных 62 лет, которые суждено было прожить Константину Петровичу Голенко, согласно записи в формулярном списке, сделанной после его кончины в 1884 г., он «состоял на действительной службе: 52 года, 5 месяцев, 14 дней»³⁴.

Приняв приглашение великого князя возглавить Павловское городское правление в 1871 г., в сложных экономических условиях фактического банкротства, управляющий Голенко не только вывел Павловск из кризиса. При нем город достиг своего расцвета, превратившись в любимое место отдыха для многих петербуржцев. Используя ресурсы Павловска, главноуправляющему крымским и кавказским имениями великого князя удалось и их вывести на самоокупаемость и сделать доходными, что было крайне важно для Константина Николаевича. Система управления, разработанная Голенко, продолжала функционировать и после его смерти, так как все его помощники остались на своих местах и продолжили своей деятельностью осуществлять намеченные цели и воплощать идеи на благо великого князя Константина Николаевича.

³³ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16361. Л. 237.

³⁴ Там же. Л. 288.

Смотрители Стрельнинского дворца: штурман Пашинников¹

В 1845 г. смотрителем Стрельнинского дворца стал штабс-капитан Михаил Николаевич Пашинников². Хотя вел. кн. Константин Николаевич в то время еще не вступил в полноправное владение Стрельной, судя по всему, именно он пригласил Пашинникова на эту должность. Поводом к такому заключению служит биография штабс-капитана, которая часто пересекается с жизнью генерал-адмирала. Можно сказать, что будущий смотритель знал владельца Стрельны с его юных лет.

Фамилия Пашинников часто встречается в «Общем Морском списке»³. Михаил Николаевич происходил «из дворян Санкт-Петербургской губернии»⁴, «из обер-офицерских детей»⁵. Еще в период обучения в Штурманском училище Балтийского флота Михаил совершил множество плаваний, в том числе и заграничных⁶. Однако по окончании учебы Пашинников получил только унтер-офицерский чин: таково в то время было положение штурманов на флоте. В 1820-е гг. он собирался остаться

¹ Пашинников Михаил Николаевич (1795–1859) — подполковник корпуса флотских штурманов. С 1845 по 1859 г. — смотритель Стрельнинского дворца. Статья является продолжением цикла об управляющих Стрельнинским имением вел. кн. Константина Николаевича. Начало см.: Николаева М. В. Смотрители Стрельнинского дворца: «лейтенант и кавалер» Ханджогло // Константиновские чтения — 2018: К 160-летию со дня рождения вел. кн. Константина Константиновича, поэта К. Р. (1858–1915). Сборник материалов научной конференции 17 октября 2018 года. СПб., 2018. С. 80–97.

² РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2815. Об определении смотрителем Стрельнинского дворца штабс-капитана Пашинникова. Л. 1.

³ Общий Морской список от основания флота до 1917 г. СПб., 1885–1907.

⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1811. Л. 1.

⁵ Возможно, его отец имел только личное дворянство. На рисунке генеалогического древа в Дворянской родословной книге Санкт-Петербургской губернии основателем рода указан сам Михаил Николаевич. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 462. Л. 291.

⁶ Зд. и далее: РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1811. Лл. 1–10.

Рис. 1. Медаль серебряная «За Турецкую войну 1828–29 гг.». Такой медалью (на георгиевской ленте) был награжден М. Н. Пашинников

на службе в колониях Русской Америки. В 1821 г. кондуктор⁷ корпуса штурманов Пашинников в качестве помощника командира корабля «Елисавета» отправился с экспедицией в Ново-Архангельск, но на переходе выяснилось, что корабль не годен к дальнему плаванию, и Михаилу пришлось вернуться в Петербург⁸. В 1825 г. Пашинникову повезло: он отправился в двухгодичный «вояж кругом света» на шлюпе «Кроткий» под командою капитан-лейтенанта барона Врангеля⁹, будущего управляющего Морским министерством. За это кругосветное путешествие Пашинников впоследствии получал дополнительный

«пенсион по чину штурманского помощника унтер-офицерского чина» в размере 71 руб. 43 коп. в год¹⁰. Кроме того, «за усердную службу» он был произведен в прапорщики, то есть в первый обер-офицерский чин¹¹.

В Конduitном списке¹² Пашинникова в разделе «Во время службы своей, в походах и в делах против неприятеля, где и когда находился, не был ли ранен, где и как, какое время и где находился для пользования ран, не был ли взят в плен, в каком деле и когда из оного возвратился в службу; не имел ли, сверх настоящей обязанности, особых поручений по Высочайшим повелениям, или от своего начальства, какие именно, когда, как оные исполнил и в какое время» записано: «Против неприятеля находился в 1828 и 1829 годах в эскадре вице-адмирала графа Гейдена в Средиземном море, Архипелаге у блокады Дарданелл и Константинополя»¹³ (*рис. 1*). Во время Русско-турецкой войны

⁷ Кондуктор — воинское звание в российском флоте XIX в., присваиваемое унтер-офицерам корпусов флотских штурманов, корабельных инженеров и инженеров по морской строительной части.

⁸ Ивашинцев Н. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 гг. СПб., 1872. С. 65–69, 231.

⁹ Врангель Федор Петрович (нем. Ferdinand Friedrich Georg Ludwig von Wrangell, 1796–1870) — российский мореплаватель и полярный исследователь, адмирал, управляющий Морским министерством.

¹⁰ Список чинам Министерства императорского двора. 1859 г. СПб., 1859. С. 417.

¹¹ С 1827 г. флотские штурманы имели военные общеармейские (сухопутные) чины.

¹² В Военном ведомстве так назывались особые списки, куда вносили сведения о поведении и способностях офицеров.

¹³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1811. Л. 4.

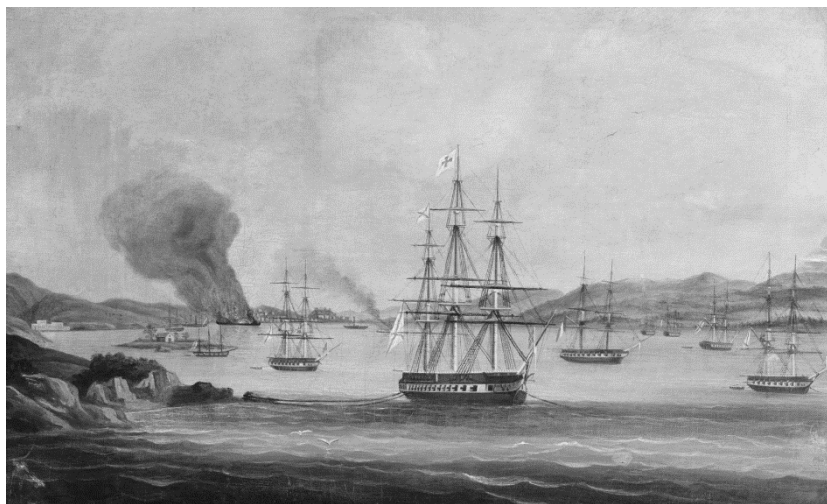

Рис. 2. Фрегат «Княгиня Лович» на картине худ. А. П. Боголюбова «Бой 12-пушечного люгера «Широкий» с греческим 60-пушечным корветом «Специя» в Монастырской бухте». 1841 г. ЦВММ

1828–1829 гг.¹⁴ Михаил Николаевич служил на фрегате «Княгиня Лович»¹⁵, названном в честь супруги первого владельца Стрельны¹⁶. Фрегат был флагманом отряда контр-адмирала П. И. Рикорда¹⁷ в Средиземноморье. Отряд приобрел мировую известность благодаря считавшейся ранее неосуществимой блокаде пролива Дарданеллы. По окончании боевых действий фрегат «Княгиня Лович» некоторое время оставался в греческих водах у о. Порос, где тогда оборудовали базу для русского флота, и оказался невольным участником гражданской войны¹⁸ (*рис. 2*).

¹⁴ Главным поводом к Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. была борьба греческого народа за независимость от Османской империи.

¹⁵ «Княгиня Лович» — 44-пушечный фрегат, участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Построен в 1828 г. в Санкт-Петербурге. Входил в состав Балтийского, с 1833 г. — Черноморского флотов.

¹⁶ Лович (ур. Грузинская, польск. Joanna Grudzińska) Иоанна Антоновна (1795–1831) — княгиня, морганатическая супруга цесаревича Константина Павловича (1779–1831).

¹⁷ Рикорд Петр Иванович (1776–1855) — российский флотоводец и государственный деятель, ученый, дипломат, один из основателей Русского Географического общества. Начальник Камчатки (1817–1822).

¹⁸ После обретения Грецией независимости (1829) отряд Рикорда принимал участие в подавлении мятежа против правительства гр. И. И. Каподистрии.

В Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) хранится шканечный журнал фрегата «Княгиня Лович», «веденный в кампании 1832 и 1833 годов в Греческих водах <...> корпуса штурманов подпоручиком Пашинниковым»¹⁹. Будущий смотритель тогда получил «Высочайшее благоволение» за участие в блокаде Дарданелл и Константинополя и опись Поровской бухты, а также был награжден орденом Св. Станислава III ст. Это давало ему право на потомственное дворянство.

В 1837 г. Михаил Пашинников стал флагманским штурманом вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена²⁰, в Морском уставе 1797 г. эта должность называлась «профессор астрономии и навигации». С 1839 г. он служил на фрегате «Аврора»²¹ — том самом, на котором ежегодно совершал учебные плавания юный генерал-адмирал Константин Николаевич. В 1844 г. и Пашинников, и вел. кн. Константин Николаевич отправились в Архангельск: оба они были назначены на строящийся 74-пушечный линейный корабль «Ингерманланд»²². При переходе нового корабля в Кронштадт под флагом генерал-адъютанта Литке в составе экипажа «Ингерманланда» числились «лейтенант Генерал-адмирал Его Императорское Высочество Константин Николаевич» и «корпуса флотских штурманов штабс-капитан Пашинников»²³. Вскоре великий князь стал командиром брига «Улисс», а старому штурману предложили место смотрителя в Стрельне. Возможно, именно генерал-адмирал выдвинул его кандидатуру на этот пост, где должен был трудиться честный, ответственный человек.

«Стрелина мыза» находилась на побережье Финского залива, по ее территории протекали две реки, русла которых еще в XVIII в. были

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 4299. Л. 282 об.

²⁰ Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (нем. Fabian Gottlieb Thaddeus von Bellingshausen, 1778–1852) — русский мореплаватель, адмирал (1843), один из первооткрывателей Антарктиды. Действительный член Русского географического общества с его основания (1845). В 1830-е гг. — начальник 2-й дивизии, затем — командующий Балтийским флотом.

²¹ «Аврора» (1833–1861) — 54-пушечный фрегат, участник обороны Камчатки в период Крымской войны (1854). Построен в 1833–1835 гг. на Охтенской верфи. С 1837 по 1843 г. под командованием капитана 1 ранга С. И. Мофета находился в составе отряда контр-адмирала Ф. П. Литке в плаваниях в Балтийском море для практики генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича.

²² «Ингерманланд» — 74-пушечный линейный корабль, участник обороны Кронштадта в период Крымской войны (1854). Построен в 1844 г. в Архангельске. В 1844–1846 гг. под командованием капитана 2 ранга С. И. Мофета во главе отряда под флагом вице-адмирала Ф. П. Литке совершил дальнее плавание. На борту периодически находился вел. кн. Константин Николаевич.

²³ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 5727. Л. 23.

изменены, имелась целая система прудов, каналов и водоспусков. Пашинников, будучи штурманом хорошо знал гидрографию и имел опыт работ во время страшного наводнения в Петербурге в 1824 г. Тогда он служил «у наблюдения воды»²⁴ под началом знаменитого мореплавателя В. М. Головнина²⁵ — отца доверенного лица вел. кн. Константина Николаевича Александра Головнина²⁶. В будущем новому смотрителю пришлось заниматься берегоукреплением и сооружением пароходной пристани в Стрельне.

22 декабря 1844 г. штабс-капитан Пашинников получил предписание Департамента уделов Министерства императорского двора: «Вследствие резолюции Г-на Министра Императорского Двора определены Вы 19 текущего декабря смотрителем Стрелинского Дворца, с положенным по штату содержанием. Департамент Уделов, давая Вам о том знать, предписывает по прибытию в Стрельну принять от письмоводителя, коллежского секретаря Курачькина, тамошний Дворец, с письменными делами, строениями, оранжереями, садами и всеми к нему принадлежностями, по спискам, каковыя и представить в Департамент за общим вашим и Курачькина подписанием»²⁷ (дела было предписано принимать от письмоводителя, поскольку прежний смотритель майор Михайлов²⁸ к тому времени скончался).

Вскоре Пашинников отрапортовал в Департамент уделов, что материальные ценности и деньги по описям он принял, и «излишков не оказалось», а служители «удовлетворены жалованьем и прочим довольствием»²⁹. Впрочем, так было только на первый взгляд. При дальнейшем сличении описей вскрылись многие недостатки, а часть сведений нуждалась в доработке. Так, например, полицейский и священнослужительский дома тогда только строились архитектором Мейером³⁰, и в описи не были

²⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1811. Л. 3.

²⁵ Головнин Василий Михайлович (1776–1831) — российский мореплаватель и писатель, вице-адмирал, руководитель двух кругосветных экспедиций, отец статс-секретаря А. В. Головнина.

²⁶ Головнин Александр Васильевич (1821–1886) — российский государственный деятель, действительный тайный советник, министр народного просвещения, член Государственного совета. В 1850-е гг. — секретарь вел. кн. Константина Николаевича.

²⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2815. Л. 1.

²⁸ Михайлов Петр Михайлович (1773–1844) — майор, смотритель Стрельнинского дворца в 1835–1844 гг.

²⁹ Рапорт Пашинникова от 23 января 1845 г. в Департамент уделов. РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2815. Л. 5.

³⁰ Мейер Христиан Филиппович (1789–1848) — архитектор Департамента уделов Министерства императорского двора. В Стрельне по его проектам был восстановлен Путевой дворец Петра I (с изменениями), построен Коношенный двор и перестроены мосты; также он проводил работы на Михайловской даче.

внесены³¹. Прием обширного хозяйства был делом непростым: в ведение Пашинникова вошли и не только Стрелина мыза, но и Михайловская и Малая Знаменская дачи.

Первые же действия нового зрителя показали, что он был человеком принципиальным. Так, Пашинников потребовал от подпоручика Кулаченко и садового мастера Храпова (в их заведовании находилась Михайловская и Малая Знаменская дачи) отчета о том, куда девалась часть мебели и ключи от многих шкафов, а также материалы от сломанной оранжереи, включая чугунный котел³². Требования, судя по всему, изумили — тем более, что слом оранжереи происходил за десять лет до этого³³. Так Пашинников нажил в лице садовника Храпова врага, и впоследствии вступил с ним в серьезный конфликт, закончившийся судебным разбирательством. В мае 1845 г., приехав с проверкой в Михайловку, зритель обнаружил беспорядок с яблонями. Дальнейшие события были изложены в жалобе Пашинникова в Департамент уделов: «Садовник мещанин Храпов <...> стал делать возражения говоря, что это не мое дело, <...> что он много видал таких г...ных зрителей, но этого всего мало, неоднократно употреблял матерные слова <...> Ежели Храпов только так и поступал с прежними зрителями, то за что мне такую пить чашу. <...> Все это происходило при подпоручике Кулаченко, гренадере Леонове и рядовом Вишнякове; <...> на каждое мое слово он употреблял двадцать с прибавлением всякого сквернословия, ... чего во всю мою 32-летнюю службу не случалось видеть и слышать подобного»³⁴. В итоге Храпов был отстранен от должности и предан суду, но нового опытного садового мастера ему на смену нашли нескоро,

³¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2815. Лл. 8, 32–33.

³² Там же. Л. 4: «От Пашинникова Г. подпоручику Кулаченко от 23 января 1845 г. “По принятии мною на Михайловской даче домов и находящихся в них имущества по описям не оказалось во многих комодах, шкапах, столах и туалетах замков и ключей, а равно и по форме положенных рам. Прошу Вас донести мне, куда таковые девались и как утрачены, кем, кто именно, когда и доносили ли Вы об этом предшественнику моему Г. майору Михайлову?”. «Садовому мастеру на Малой Знаменской даче Храпову. Предписываю тебе с получением сего немедленно донести, куда девались от комодов, шкафов и столов замки и ключи, 4 стула из березовой мебели и березовая кровать, вместо которой оказалась простая, а также сломанной сливной оранжереи 34 рамы, ставней 34 и чугунный котел весом в 1 п. 5 ф. ибо имущество в тех домах было в заведывании твоём».

³³ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 61. О сломе оранжерей Михайловской дачи и перемещении деревьев в Петергофские и Стрельнинские оранжереи. 1834–1835 гг.

³⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2841. Лл. 1–3.

только к концу лета, и это при том, что жалованье было солидным — «1200 руб. ассигнациями в год, с казенною квартирою и отоплением»³⁵.

Как смотритель Пашинников был строг, но справедлив. Первое, на что он обратил внимание Департамента уделов, — условия проживания жителей дворцовой слободы: «У флигеля для гренадер нет отхожего места, в самих покаях <...> от тесноты большая сырость и <...> довольно холодно <...> от чего и дети упомянутых гренадер и их жены страдают болезнями. Во флигеле у придворных служителей то же самое: сырость и холод. В покаях при столярной мастерской то же жалкое положение бедных людей в нем проживающих. Наконец должен сказать и о маленьком доме близ столярной мастерской, где проживает чиновник наш <...>»³⁶. Этот рапорт не остался без внимания, и Департамент уделов запросил данные о помещениях и печах в них. Пашинников отправил рапорт с приложением таблицы, с подробным описанием, какие где стоят печи (русские, голландские, чугунные, кирпичные) и сколько для них отпускается дров. Из документа, озаглавленного «Список служителям при Стрелинском дворце, квартирующим в казенных зданиях, в коих имеются сырость и холод»³⁷, можно узнать имена и фамилии тогдашних обитателей мызы. Вместе с тем, Пашинников ответил отказом на излишние требования служителей: «Жалобу приносили что не хватает дров, а многие из подмастеровых объявили, что не получают квартирных денег или казенных квартир, но как сие довольствие и назначение производится

³⁵ Там же. Л. 5. Предписание Пашинникову от Департамента уделов от 18 мая 1845 г.: «<...> исключить мещанина Петра Храпова (за неисполнение своей обязанности) из звания садовника при даче Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича. <...> Удержать из жалованья пять руб. 60 коп. серебром, употребленные на издержки при следствии о дерзких его поступках <...> С сим вместе дается вам знать, что мещанин Храпов препровожден в СПб губернское правление, которому сообщено от Департамента о предании Храпова суду за нанесенную Вам тяжкую обиду». Новым садовым мастером на дачах Михайловской и Малое Знаменское стал Николай Фрост, бывший младший садовник Петергофского садового правления. Там же. Лл. 9–18.

³⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2815. Л. 6.

³⁷ Там же. Л. 11. «В кирпично-заводском доме — коллежский секретарь Василий Михалкин. В придворно-служительском доме: работник Кузьма и полотер Михайла Кирилов, работники Николай и Андрей Леонтьевы, лакей Ларион Герасимов, истопник Алексей Александров. В караульном доме для гренадер: женатые унтер-офицеры Григорий Волконский и Лука Аверьянов, холостые унтер-офицеры Нарвонный (?), Плехов, Шелдай и Иванов. В столярном доме: трубочист Захаров и барабанщик Андрей Лезанов (?), столярный ученик Михайла Бибилов. Во 2 флигеле и бывшем скотном дворе: унтер-офицер Евдоким Черчагин и музыкант Степан Федоров, полотер Василий Васильев».

по положению и предписанию Департамента, то следовательно и нахожу за излишнее описывать подробно их жалобы, происходящие от их недоразумения»³⁸.

Первые пять лет «смотрительства» Пашинникова сам вел. кн. Константин Николаевич в Стрельне почти не появлялся. Только после его женитьбы на принцессе Саксен-Альтенбургской, которую в России стали называть великой княгиней Александрой Иосифовной, Стрельна оживилась. Был полностью отремонтирован и обновлен Большой каменный дворец, позднее построили парходную пристань: глава Морского ведомства пользовался для разездов паровой яхтой «Стрельна». Старый моряк с особым тщанием следил за работами, которые были ему понятны по прежней службе.

На корабле день начинается с подъема флага, флагшток имелся и у Стрельнинского дворца. Однако в резиденции генерал-адмирала его должностного флага не оказалось вообще, а великокняжеский флаг пришел в негодность. В рапорте в Департамент уделов Пашинников подробно объяснил, что «при Стрелинском дворце имеется флаг Великих князей для поднимания во время присутствия кого-либо из них в Стрельне», но он «от долговременного лежания изъеден молью и уже к употреблению не годен, потому донося о сем <...> благоугодно будет заказать сделать новый флаг Великих Князей или флаг Великого Князя Генерал-Адмирала, ибо они делаются различны один от другого и шьются в Петербурге в Главном Адмиралтействе и в Кронштате». В результате Департамент уделов оплатил Кораблестроительному департаменту изготовление для Стрельнинского дворца двух новых флагов в малом размере (длиной 14 ½ фут и шириной 8 ¾ фут), «одного для Великого Князя Генерал-Адмирала, другого для Великих Князей»³⁹.

Генерал-адмирал надеялся, что старший сын Никола продолжит дело всей его жизни, поэтому создавал все условия для обучения того морскому делу. Так, по приказанию вел. кн. Константина Николаевича близ дворца водрузили настоящую мачту со страховочной сеткой для гимнастических упражнений⁴⁰. Собирали и устанавливали мачту такелажмейстеры Морского ведомства. Для морской практики вел. кн. Николая Константиновича в Стрельну из Кораблестроительного департамента был отправлен нарядный, с позолотой, 8-весельный ял. Пашинников следил за тем, чтобы ежегодно по весне начальник порта присылал мастеров для поддержания яла, мачты и флагштока в исправности⁴¹.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2843. Лл. 1–15.

⁴⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1518.

⁴¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2847. Л. 1; Ф. 537. Оп. 1. Д. 1522. Лл. 20–21 и др.

Пригодилось Пашинникову на посту смотрителя и знание телеграфного дела. В 1818 г. он служил «при действии Ораниенбаумского телеграфа, под командою штурмана 12 класса Сафронова», а в 1834 г. — там же, но уже «сам командиром»⁴². В 1845 г., когда оптический телеграф⁴³ на бельведере Стрельнинского дворца подвергался модернизации, Пашинников обеспокоился тем, что новая машина перекрыла выход на балкон. Его рапорт о том, что «находящийся на Стрелинском дворце секретный телеграф, которого механизмы переделываются <...> прямо в самом бельведере, заняв оной все двери, в которые иногда Царская Фамилия изволит выходить на галярею смотреть на окрестности и море»⁴⁴, возымел действие. Граф Клейнмихель⁴⁵ приказал «установление новой машины на том телеграфе, помещающемся в одной половине бельведера, произвести таким образом, чтобы это устройство нисколько не препятствовало выходу на балкон и дверь на оный с бельведера была бы оставлена совершенно в прежнем положении»⁴⁶. Спустя десять лет устаревшая «машина» оптического телеграфа с бельведера Константиновского дворца была снята. Сам телеграфный пост при этом остался, и его от начальника Дистанции, согласно распоряжению вел. кн. Константина Николаевича, принял Пашинников⁴⁷.

В 1848 г. смотритель занимался делами по укреплению берега реки Стрелки. В рапорте он писал: «При нынешнем сильном истоке воды <...> деревянное укрепление порвало и унесло в море, промыло нижнюю часть берега, от чего и верхняя обрушивается беспрерывно в большом количестве. Чтобы остановить это разрушение и не дать испортиться совершенно той части берега, покорнейше прошу Департамент уделов приказать г. архитектору принять скорейшие меры к восстановлению временного укрепления хотя на 40 саж. по каналу, до стечения всей высокой воды и тем самым остановить осыпь берега, при малой же воде можно будет сделать настоящее укрепление из шпунтовых свай»⁴⁸. Дело оказалось настолько серьезным, что было передано так называемой

⁴² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1811. Л. 3 об.

⁴³ Подробнее см.: Николаева М. В. Оптический телеграф в Стрельне // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. Сборник статей. СПб., 2011. С. 175–193.

⁴⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2847. Лл. 1–2.

⁴⁵ Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) — генерал-адъютант, начальник штаба военных поселений, военный министр, главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями (куда до 1842 г. входила телеграфная часть).

⁴⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2847. Л. 3.

⁴⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3388. Л. 1–1 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 749. Дело об укреплении левого берега речки Стрельны у шлюза около Каменного моста. Л. 1.

Искусственной части Инженеров путей сообщения, и каменное укрепление берега Стрелки обошлось Департаменту уделов в 1 252 р. серебром⁴⁹.

Доставались Михаилу Николаевичу иногда и экзотические поручения. Так, он принял на хранение челюсти камчатского кита («китовые усы»)⁵⁰, которые затем были помещены в Детском саду у дворца, недалеко от мачты. Их великокняжеской чете прислала вдова адмирала П. И. Рикорда, под началом которого Пашинников некогда плавал на фрегате «Княгиня Лович». Впрочем, вспоминать о штурманской службе смотрителю было некогда, и ватерпас, а также астролябию «с верхнею наставкою с компасом и подвижными 4 диоптрами и 2-мя компасными стрелками в дубовом ящике» он «по ненадобности» отправил в «музеум Государя Великого князя»⁵¹. Иностранными языками штурман не владел, беллетристикой, судя по всему, тоже не увлекался, поэтому 245 книг, оставшихся от прежнего управляющего конторой Гершельмана⁵², он также отправил из Стрельны — «в библиотеку Его Высочества»⁵³.

Пашинников занимался рутинными делами разной степени сложности — начиная с контроля за возвратом крестьянами ссуд, выданных им на постройку домов из Удельного капитала, и заканчивая наймом работников для очистки ретирадных мест и мусорных ям. В обязанности смотрителя также входили полицейские функции — вроде составления списка дачников, проживавших летом в Стрельне⁵⁴.

Дела по землеустройству, даже самые мелкие, вершились только с ведома Департамента уделов. В 1846 г., когда в Стрельне уже не квартировал Уланский полк, Пашинников обращался с рапортом об отведении небольшого участка у бывших полковых огородов возле Константиновской рощи «для школы или ботаники разных деревьев». Однако в этом было отказано, поскольку на место Уланского полка в Стрельну были отправлены три конно-артиллерийские роты, и эта земля по-прежнему предназначалась для воинских огородов⁵⁵.

Пашинникову подчинялись: секретарь, писец, гоффурыер (в чьем ведении находились конюшни со служителями), лакеи, истопники, полотеры, часовой мастер, стекольщик, трубочист, кузнец, слесарь, столяр,

⁴⁹ Там же. Лл. 6, 51.

⁵⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1522. Лл. 8–10; Ф. 495. Оп. 3. Д. 3411. Л. 2.

⁵¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1522. Лл. 3–5.

⁵² У Гершельмана эти книги были изъяты еще в 1821 г. «за следующий с него вычет денежных сумм».

⁵³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1522. Лл. 6–7.

⁵⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1522. Лл. 48–83.

⁵⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2952. Лл. 1–5.

бондарь и их подмастерья, садовые мастера с учениками, просто «работники» и сторожа из стрельнинских инвалидов⁵⁶. Однако по «Положению об отпуске столов, вин и припасов <...> по двору г. великого князя Константина Николаевича» смотритель относился всего лишь к V разряду и снабжался наравне с певчими, архитектором, гладильщиком, настройщиком и тем же часовым мастером. Для сравнения: актеры и музыканты, приглашаемые в загородное поместье, «трактовались» по III разряду, а кормилица и личный парикмахер — по IV⁵⁷. Интересно, что в случае отсутствия смотрителя его обязанности выполнял полицмейстер, хотя его жалованье, в соответствии со штатным расписанием, было вдвое меньше, чем у смотрителя или священника. Пашинников «получал от Министерства двора в год жалованья 572 руб., столовых 30 руб., казенную квартиру, дров березовых однополенных 42 саж., сосновых 30 саж., и за вояж кругом света пенсioen по чину штурманского помощника унтер-офицерского чина из Морского ведомства 71 руб. 43 коп.»⁵⁸. На жалованье «главного смотрителя дворца и вотчин» тратилось столько же, сколько в целом на содержание доктора, лечение больных и на медикаменты. На поддержание внешнего престижа, а именно «на постройку гоффуры и придворным служителям ливрей» выделялась сумма в два раза больше — 1142 руб. 86 коп. Самой главной статьёй расходов было отопление — на дрова для дворцовых зданий в годовом бюджете было заложено 2766 руб. 48 коп.⁵⁹.

Кроме содержания, полагавшегося от Министерства императорского двора, Пашинников получал и жалованье по своему чину. Он оставался в списках флота и продолжал продвигаться по служебной лестнице. Распоряжение министра императорского двора о назначении штабс-капитана корпуса штурманов Балтийского флота Пашинникова 2-го смотрителем Стрелинского дворца последовало 19 декабря 1844 г., а 3 января 1845 г. вышел соответствующий Высочайший приказ по флоту⁶⁰.

Еще на действительной службе Михаил Николаевич успел жениться на сироте, дочери умершего клерка Анисии Кузьминичне Антоновой. У них родилось пятеро детей: две дочери — Александра и Елизавета, и трое сыновей — Андриан, Николай и Василий. В 1842 г. штабс-капитан Пашинников обратился в Санкт-Петербургское Дворянское депутатское

⁵⁶ Здесь и далее: РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3117. Лл. 1–5. О штатах, высочайше утвержденных для мызы Стрельны до 1832 г., а также 1834 и 1848 гг.

⁵⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 3. Повеления и постановления по Придворной конторе. 1850 г. Лл. 129–140.

⁵⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3837. Л. 6.

⁵⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3117. Лл. 1–5.

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1230/3. Лл. 1–6.

собрание за предоставлением потомственного дворянства. В качестве доказательств он приложил патенты на офицерские чины и грамоты на ордена, свидетельства о беспорочной службе, метрики и отношения из консистории о том, что его дети появились в законном браке. В том же году штабс-капитан Пашинников с женою и детьми были внесены в третью часть Дворянской родословной книги⁶¹. Сыновья Михаила Николаевича пошли по стопам отца. Их с малолетства одного за другим отправляли в учебные экипажи Балтийского флота для последующей службы в качестве штурманов. В то время это было в порядке вещей: речь шла об обучении на казенный счет и гарантированном месте в будущем: так, сыновья письмоводителя Стрельнинского дворца Михалкина по достижении 10 лет также были отправлены «на казенное содержание в 1-й штурманский полуэкипаж»⁶². Если жизнь и служба Николая и Василия Пашинниковых шли так, как они были определены с детства, то судьба их старшего брата Андриана⁶³ оказалась тесно связана с жизнью и деятельностью вел. кн. Константина Николаевича.

Он родился в 1824 г., когда его отец был еще штурманским помощником, и был на три года старше генерал-адмирала. В 10 лет Андриан Пашинников поступил в то же учебное заведение, что и его отец, Михаил Николаевич⁶⁴. Выпустившись кондуктором, 18-летний Андриан начал службу. Названия его кораблей и судов весьма схожи со списком тех, на которых проходил морскую практику и юный генерал-адмирал: пароход «Геркулес», линейный корабль «Ингерманланд», фрегат «Паллада»... Однако прошло почти десять лет, пока вел. кн. Константин Николаевич взял подпоручика Андриана Пашинникова к себе флаг-офицером. Обычно это происходило перед каким-либо назначением: генерал-адмирал любил присмотреться к кандидатам поближе, а это было удобнее всего сделать в повседневном общении. Довольный эрудицией, владением языками и хорошим слогом Пашинникова, великий князь рекомендовал его в журнал «Морской сборник», а для этого прикомандировал к Морскому ученому комитету. «Душою “Морского сборника”, главным его руководителем и вдохновителем был <...> сам Его Высочество, входивший в интересы журнала до такой степени, что не только помогал редакторам справляться с возложенною на них задачею, но нередко входил как бы в их

⁶¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 462. Лл. 291–292.

⁶² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 6. Повеления и постановления по Придворной конторе. 1854 г. Л. 57–57 об.

⁶³ Пашинников Андриан Михайлович (1824–1883) — полковник корпуса флотских штурманов, кавалер орденов Св. Анны III ст., Св. Станислава III ст., Св. Владимира IV ст.

⁶⁴ Зд. и далее: Общий Морской список от основания флота до 1917 г. Ч. 12. СПб., 1900. С. 148–150.

роль для привлечения сотрудников, каждого по своей специальности»⁶⁵. Одним из таких сотрудников и был Андриан Пашинников: сын смотрителя Стрельнинского дворца стал помощником редактора, его правой рукой. В течение 30 лет он отвечал в «Морском сборнике» за официальные известия и морскую хронику. Это была главная и неизменная часть журнала, который стал рупором прогрессивной общественности. Н. Г. Чернышевский писал: «Это один из тех отделов, которые отличаются особенно превосходным характером и наиболее содействовали возбуждению сочувствия к “Морскому сборнику” во всех его читателях»⁶⁶. В годы «великих реформ» Андриан Пашинников внес свою лепту в выполнение задачи, поставленной перед журналом генерал-адмиралом Константином Николаевичем: «Знакомить Россию с флотом, возбуждать к нему уважение и привязанность»⁶⁷.

Штурман Пашинников был смотрителем Стрельнинского дворца почти пятнадцать лет, до самой своей смерти, последовавшей 20 июня 1859 г. от холеры. Последние сведения о нем, согласно «Списку чинам Министерства императорского двора» на 1859 г., следующие: «смотритель дворца, состоящий по корпусу штурманов Балтийского флота подполковник Михаил Николаевич Пашинников, в службе с 13 мая 1813 г., в чине с 26 августа 1836 г., в должности с 19 декабря 1844 г. Кавалер орденов: Св. Георгия IV класса, Св. Станислава 3 ст., имеет медали: серебряную за Турецкую войну 1828–29 гг. на георгиевской ленте, и бронзовую на Андреевской ленте, в память войны 1853–56 гг., и знак отличия за беспорочную службу за 30 лет. Получает в год: жалованья 572 руб., столовых 143 руб., прибавочного за вояж кругом света 71 руб. 43 коп., итого 786 руб. 43 коп. серебром, казенную квартиру»⁶⁸.

На посту смотрителя Стрельнинского дворца подполковника Пашинникова сменил другой моряк — лейтенант Ханджогло⁶⁹, герой Крымской войны, личность в своем роде легендарная⁷⁰.

⁶⁵ Огородников С. Ф. 50-летие журнала «Морской сборник» (с 1848 по 1898 год). СПб., 1898. С. 30.

⁶⁶ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 580.

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 290. Л. 251.

⁶⁸ Список чинам Министерства Императорского двора на 1859 г. С. 417.

⁶⁹ Ханджогло Дмитрий Спиридонович (1829–1878) — капитан 1 ранга, участник обороны Севастополя 1854–1855 гг. Кавалер орденов: Св. Анны II ст. с короной и мечами, Св. Станислава 3 ст. с короной и мечами, Св. Владимира 3 ст., греческого ордена Спасителя.

⁷⁰ См.: Николаева М. В. Смотрители Стрельнинского дворца: «лейтенант и кавалер» Ханджогло.

«Придворный садовник» Ф. И. Рук (1815–1887)

Стрельнинская приморская резиденция вел. кн. Константина Николаевича обладала обширными садовыми угодьями. Помимо Нижнего регулярного и Верхнего английского парков, раскинувшихся к северу и югу от большого дворца, в западной части имения находились Цветной (Подлипский) сад, где размещались Северные оранжереи, а ближе к деревянному дворцу, на берегу Карпиевого пруда — Фруктовый сад с комплексом Южных оранжерей (рис. 1). Садовое хозяйство Стрельны начало формироваться еще в петровское время, отсюда в XVIII в. поставляли плоды и зелень к императорскому столу, а во времена вел. кн. Константина Павловича «садовые произведения» стали выставлять в открытую продажу. При поступлении Стрельны в Удельное ведомство до совершеннолетия вел. кн. Константина Николаевича в описании финансового положения мызы отдельно отмечалась «продажа с публичного торга из Стрелинских оранжерей и садов фруктов и ягод, простирающаяся от 3 до 4 т. р.»¹ Однако в середине XIX в. чисто хозяйственная функция дворцового садоводства уже не удовлетворяла потребностям и вкусам августейших владельцев.

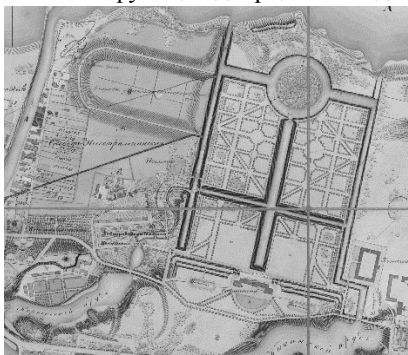

Рис. 1. Фрагмент плана Стрельны. 1846–1850 гг. РГИА

Поэтому уже в начале 1850-х гг., вскоре после того как Стрельна была передана во владение вел. кн. Константина Николаевича, «<...> согласно желанию государыни великой княгини Александры Иосифовны <...> Императорскому Высочеству угодно было приказать приискать опытного садовника для постоянного и успешного надзора за оранжереями, садами и парком Стрелинского дворца»². В результате поисков

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 656. Л. 5.

² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 6. Л. 55. Об определении на имеющуюся штатную вакансию садового мастера Стрелинского дворца садовника Франца Рука. 7 августа 1854 г.

была предложена кандидатура «садовника прусского подданного Франца Рука, рекомендованного с отличной стороны и имевшего счастье понарачиться Ея Императорскому Высочеству <...>»³.

Франц Иосиф Рук был определен на «вакансию садового мастера при Стрельнинском дворце» 13 сентября 1854 г.⁴ Назначенное ему жалованье составляло 1000 руб. сер. в год, причем половина суммы выплачивалась из «Стрелинских сумм», а другая — от ее императорского высочества вел. кнг. Александры Иосифовны. Были предусмотрены выплаты на содержание экипажа, двух лошадей и двух коров, общей сложностью в 300 руб. сер., деньги на свечи — 36 руб. Также садовому мастеру предоставлялась казенная квартира с отоплением и освещением⁵. Однако сразу переехать в Стрельну новому садовому мастеру не удалось. К сентябрю предназначенная для него квартира еще не была готова. Этот момент отражен в документах Стрельнинского дворцового правления — осенью смотритель Стрельнинской мызы получил указание из Придворной конторы: «<...> немедленно распорядиться о переводе музыкантов из дома бывшего садового мастера, дабы можно было приступить к переделкам онаго под квартиры служителей, которые <...> переводятся из дома, назначенного садовнику Руку. Для подробнейшего же сведения по сему предмету контора предлагает вам обратиться к г[осподину] архитектору Угрюмову безотлагательно, дабы не задерживать предназначенных работ по перестройке дома садового мастера и устройства помещений для переводимых из онаго служителей»⁶. Уже в конце ноября того же года Ф. Рук в рапорте в Придворную контору просил возместить ему издержанные на поездки в Стрельну средства, вероятно, уже обосновавшись на новом месте: «<...> С поступления моего в мызу Стрельну мастером и по случаю не отделки квартиры, постоянно не мог в Стрельне находиться, а имел проезд временно, и издерживал свои деньги за каждый приезд 3 руб. сер., почему покорнейше прошу Придворную Его Высочества контору взамен издержанных мною денег отпустить мне таковые»⁷. Исходя из выплаченной «в возврат» суммы в 36 руб. сер.⁸ можно предположить, что садовый мастер приезжал в Стрельну каждые несколько дней.

Как деятельного и инициативного человека характеризует

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5721. Формулярный список садового мастера Ф. Рука. Л. 5 об.

⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 6. Л. 55; РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5721. Л. 5 об.

⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3314. Л. 1.

⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1630. Л. 5. 24 ноября 1854 г.

⁸ Там же. Л. 6.

Ф. И. Рука автор очерка о Стрельнинском дворцовом садоводстве: «Превосходно зная свое дело, он обладал громадной энергией и независимым твердым характером, благодаря чему сразу же сумел войти в полное доверие у Августейшего владельца Стрельны и, заручившись самыми широкими полномочиями, энергично принялся за дело»⁹. Действительно, уже в первые месяцы работы новый садовый мастер, изучив вверенное ему садовое хозяйство и решив, что «<...> при Стрелинских дворцовых оранжереях не имеется вовсе хороших растений и некоторых вовсе нет», обратился в Придворную контору с готовым вариантом решения проблемы: «<...> а как я нахожу необходимость в таких растениях — писал он, — и чтобы таких не все покупать на первый раз для будущего времени для декорации, в бытности моей в Павловске по личному моему разговору с г[осподином] Вейнманом об растениях, который и согласен мне отпустить сколь возможно только с тем, чтобы ему приказано было высшим начальством. Донося о сем Придворной <...> конторе и покорнейше прошу <...> приказать Павловскому инспектору г[осподину] Вейнману отпустить мне из Павловских оранжерей разных растений сколь возможно»¹⁰. В последующие годы закупки растений под руководством Ф. И. Рука осуществлялись регулярно: «Здесь ежегодно выписывалось все, что только появлялось нового в Западной Европе, а чтобы иметь для этого свободные суммы, продавали лишние, ненужные экземпляры»¹¹. В документах отражены многочисленные выплаты на покупку «разных цветных семян, потребных для оранжерей», «грунтовых дерев» и летних цветов «для посадки на террасе и других местах»¹², «500 руб. сер. на покупку дерев и кустарников для древесной школы»¹³, «Руку за купленные заграничные деревья и растения <...> 1000 <...> 234 руб. 5 коп. сер.»¹⁴. Встречаются даже записи об оплате «Стрелинскому садовнику Руку <...> за купленные у него по повелению <...> великой княгини Александры Иосифовны разные собственные его растения для Стрелинского сада, всего 466 руб. 95 коп. сер.»¹⁵. В отчетах о приобретенных за границей растениях зафиксированы покупки из Гамбурга,

⁹ Кичунов Н. И. Стрельнинское дворцовое садоводство и Стрельнинская дворцовая школа садоводства // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. СПб., 1908. № 2. С. 58.

¹⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1519. Л. 19. Январь 1855 г.

¹¹ Кичунов Н. И. Указ. соч. С. 58.

¹² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1520. Л. 4; Д. 1630. Л. 2.

¹³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1519. Л. 93.

¹⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1639. Л. 30.

¹⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1519. Л. 108.

Берлина, Потсдама, Франкфурта, Эрфурта¹⁶, где находились одни из лучших в то время питомников. Так, благодаря тщательной собирательской работе Рука «<...> в скором времени у него было собрано столько редких и самых разнообразных видов и сортов растений, что ему могли бы позавидовать лучшие коллекционеры Западной Европы и даже некоторые ботанические сады»¹⁷. Специально для хранения экзотических тепличных растений при Ф. Руке были возведены отдельные теплицы и переоборудованы оранжереи¹⁸. Однако, помимо тепличного декоративного садоводства, «которое при нем было доведено до высшей степени совершенства»¹⁹, стрельнинский садовый мастер занимался многочисленными ландшафтно-устройственными работами.

Обратимся к описанию, данному А. Ф. Гейротом, лично посещавшим великокняжескую резиденцию: «Все, что касается до наружных и внутренних улучшений Стрельны Его Высочество великий князь Константин Николаевич предоставил совершенно супруге своей, и с того времени Ея Высочество великая княгиня Александра Иосифовна, проявляя во всем свой изысканный вкус, в короткое время успела различными улучшениями из угрюмого замка и окружавших его диких роц устроить действительно восхитительное загородное местопребывание. В особенности замечателен вновь устроенный сад с фонтанами на дворцовой террасе и артистически затейливое убранство под главными арками дворца. Кроме того, замечательны: по левую сторону дворца веранда, верхний сад и павильон над озером — купальня, а по правую сторону дворца детский сад с различными играми. В нижнем парке, в стороне от дворца, в чаще построен красивый сельский домик-павильон; тут все до такой степени прелестно, уютно, как будто создано и не для смертных, и Ея Высочество домик этот называет *раем*»²⁰. Практически все эти изменения были реализованы при непосредственном участии Ф. И. Рука в первые же годы его пребывания в Стрельне.

В 1855 г. садовый мастер приступил к «новым работам, как то: дорогам вокруг пруда, кругом английского парка и прочих, назначенных по приказанию Ее Высочества <...>»²¹ В это же время был разбит сад на

¹⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1639. Лл. 27–29.

¹⁷ Кичунов Н. И. Указ. соч. С. 58.

¹⁸ Там же; РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1520. Лл. 87–88, 89–91.

¹⁹ Кичунов Н. И. Указ. соч. С. 58.

²⁰ Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 129–130.

²¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1519. Л. 40.

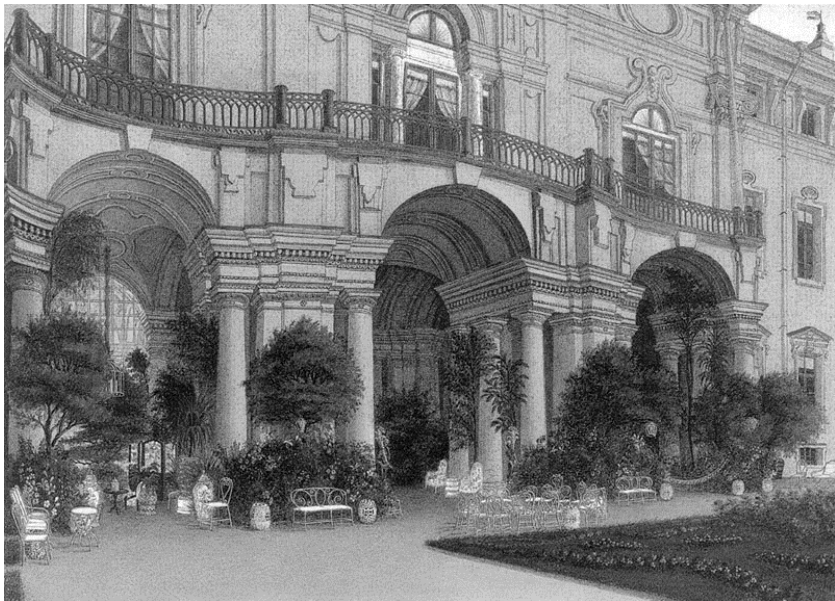

Рис. 2. П. А. Черкасов. Терраса Стрельнинского дворца. 1855 г.
Бумага, акварель. ГМЗ «Петергоф»

террасе Большого Стрельнинского дворца. Новое пышное растительное убранство изображено на акварели художника П. А. Черкасова (рис. 2), датированной 1855 г. Здесь можно увидеть ковровую клумбу, раскинувшуюся в центре террасы, многочисленные деревья в кадках, выставленные у аркады, и окружающие их группы цветущих растений.

В следующем году под руководством Рука были начаты работы «по утверждению Ее Императорского Высочества великой княгини Александры Иосифовны насчет переделки большого луга напротив дворца». На участке перед южным фасадом Стрельнинского дворца были выкорчеваны 42 березовых дерева²² и проведена большая часть земляных работ, однако их завершению помешали наступившие в октябре морозы. Лишь в июле 1857 г. садовый мастер смог отрапортовать: «<...> на большом лугу против дворца прошлогдня работа совсем кончена <...>»²³. Этот луг, окаймленный прогулочной дорожкой, с небольшой куртиной, закрывающей восточный флигель дворца, хорошо виден на фотографии графа И. Г. Ностица, сделанной во второй половине 1860-х гг. (рис. 3).

²² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1520. Л. 52.

²³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1639. Лл. 3, 5.

Рис. 3. И. Г. Ностиц. Стрельна. Константиновский дворец. Южный фасад. 1864–1871 гг. Фотография. ГМЗ «Петергоф»

В 1857 г. к западу от Нижнего регулярного парка, на территории бывшего пчельника, был построен небольшой домик для вел. кнг. Александры Иосифовны (рис. 4). Вокруг него садовый мастер высадил «20 штамбовых розонов»²⁴. Сохранилась также «Ведомость <...> купленному растению для декорации в Цветном саду у машины»²⁵. Еще в 1851 г. на месте сломанной старой Водопроводной машины в Цветном саду архитектор Штакеншнейдер построил Мельницу — изящный парковый павильон, от которого открывался вид на каскад прудов. Как важная точка обзора в излюбленном для прогулок Цветном саду, Мельница требовала отдельного оформления.

Большую роль в украшении садов играли экзотические растения, которые в кадках и горшках выставлялись на открытом воздухе в летнее время: «В парке вокруг дворца великого князя Константина Николаевича в Стрельне каждое лето на лужайках как бы заново вырастали группы пальм, кордилин, драцен, а в их тени располагались тропические папоротники и роскошно цветущие бегонии; все эти растения выносили на лето из оранжерей»²⁶. Интересно, что для этих целей использовались

²⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1527. Лл. 7, 8.

²⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1520. Л. 56.

²⁶ Горышина Т. К. Зеленый мир старого Петербурга. СПб., 2010. С. 207.

Рис. 4. Домик на пчельнике.
Нач. XX в. Фотография. ИИМК РАН

двух видов, а также еще более экзотические восковница Файя (*Mugica Faya*), клетра древовидная (*Clethra arborea*), эскалония красная (*Escallonia rubra*), земляничное дерево (*Arbustus Unedo*), клубничное дерево (*Benthamia fragifera*), каллистемон (*Callistemon lanceolatum*), лептоспермум (*Leptospermum baccalum*), питтоспорум (*Pittosporum* sp. Zealand), *Duvava latifolia*, *Creodaphne foetens*²⁸.

Во второй половине XIX в. в моду входят разнообразные пальмы. Большое число ранее неизвестных видов было в те годы введено в культуру бельгийскими и немецкими садоводами. В письме от 1858 г. стрельнинский садовый мастер перечисляет купленные им за границей пальмы, среди них: латания борбоника, хамеропс приземистый, геонома, корифа, энцефалартос ошетиженный, пандан, арека, финиковая пальма и другие²⁹. В том же письме отмечены стрелиции, драцены, араукарии, агавы, бамбук.

Как «прекрасный знаток своего дела»³⁰, Ф. И. Рук был непременным участником ежегодных публичных выставок Императорского русского общества садоводства (далее: ИРОС), основанного в 1858 г.

²⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1529. Л. 102.

²⁸ Там же. Л. 103–103 об.

²⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1529. Л. 9.

³⁰ Кичунов Н. И. Указ. соч. С. 58.

части, бил фонтан, а по ту сторону моста журчал водопад, вытекавший из скалы. Склон у задней стены представлял лужайку, украшенную великолепнейшими азалиями»³³. Экспонаты, представленные Рук на выставку, действительно впечатляли. Главный садовник Стрельны «<...> украсил своими превосходными растениями скалистую часть около водопада. Тут находилось 80 видов, в числе 150 экземпляров, папоротников и 100 лиственных растений. Собрание из 25 новых сортов бегоний, замечательных по красоте зелени, стояло особою группою. Другая группа из 25 красивейших глоксиний с цветками, обращенными кверху, представляло в это раннее время года такую же роскошь цветения, как обыкновенно среди лета. По выдержке, обращали также на себя внимание: экземпляр *Chorizema varium* и превосходные *Cordilyne*; по новизне были замечательны: *Colocasia euchlora*, *Homalonema Wendlandi*, *Laportea Crenata*, *Anthurium Augustinum*, *Humboltianum* и др. Кроме упомянутых растений, г. Рук представил еще зрелые абрикосы и виноград. Должно заметить, что несмотря на то, что в это время года можно уже найти в фруктовых лавках много ранних плодов, и что за ранние плоды определялись постоянно высокие премии, абрикосы явились на выставки в первый еще раз»³⁴. По итогам выставки Ф. Рук получил: среднюю золотую медаль за ранние плоды — виноград, абрикосы и землянику, малые золотые медали за собрание папоротников и смешанную группу, большие серебряные медали за собрания лиственных растений, бегоний, глоксиний, малую серебряную медаль за отлично выведенные отдельные экземпляры растений (*Chorizema medium*)³⁵. Большое количество наград получил также Ф. К. Катцер — инспектор садоводства в Павловске. Августейшим же владельцам Стрельны и Павловска, чьи садовники с таким успехом выступили на выставке в Манеже, было постановлено «предложить звание почетных членов Общества»³⁶, которое они благоклонно приняли³⁷.

Ф. И. Рук и в дальнейшем не пропускал ни одной публичной выставки Общества. Адмирал С. А. Грейг, президент правления ИРОС с 1865 г., в ежегодном приглашении подчеркивал: «без участия в этой выставке Стрелинских и Павловских оранжерей она была бы весьма не

³³ Четвертая публичная выставка общества // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1861. № 7. С. 377–378.

³⁴ Там же. С. 386.

³⁵ Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. СПб., 1861. № 8. С. 427–433.

³⁶ Там же. С. 434.

³⁷ Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. СПб., 1862. № 4. С. 157.

полна»³⁸. Так, в 1864 г. «по богатству своему замечательно было собрание растений от г. Рука, придворного садовника в Стрельне, в нем находилось более 50 видов довольно редких папоротников и 26 видов из семейства аронниковых (Aroidae), между которыми были великолепные экземпляры *Philodendron bipinnatifidum*, *P. macrophyllum*, *Anthurium fissum* и м[ногие] д[ругие]»³⁹. А на первой международной выставке, состоявшейся в 1869 г., стрельнинский садовник был удостоен медалей: одной средней и трех малых золотых, двух больших и трех средних серебряных, а также одной бронзовой сверх программы⁴⁰. В разные годы Ф. И. Рук не только являлся экспонентом, но и входил в число экспертов, которых избирали общим голосованием⁴¹.

Круг обязанностей садового мастера в Стрельне был весьма широк. Кроме непосредственного выполнения повелений августейших владельцев и работы в оранжереях и теплицах, он должен был осуществлять уход за Нижним регулярным парком и всеми садами Стрельнинского имения. В зону его ответственности входили в том числе водоемы и водотоки⁴². Как руководителю дворцового садоводства Стрельны, Ф. И. Руку приходилось постоянно решать насущные проблемы большого хозяйства. Неизменно остро стоял вопрос кадров и найма рабочей силы. В своих рапортах садовый мастер пишет о том, что встречает «<...> большое затруднение в людях, по той причине, что оранжерейные заведения при Стрелинском дворце довольно большие, а число служителей при оных очень мало <...>»⁴³ Он же предлагает и различные пути решения данного вопроса. Например производить различные необходимые заготовки зимой: «По случаю нынешних зимних коротких дней работники <...> кончают свои работы по случаю темноты в 4 часа вечера; что весьма невыгодно <...> почему я и желаю, чтобы работники занимались

³⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16645. Л. 1–1 об.; Д. 17069. Л. 2; Д. 17027а. Л. 1.

³⁹ Вестник садоводства, плодородства и огородничества. СПб., 1864. №№ 1–4. С. 47.

⁴⁰ Протоколы собраний Российского общества садоводства в Санкт-Петербурге. С. 13. Прил. к журналу: Вестник садоводства, плодородства и огородничества. СПб., 1869. №№ 1–6.

⁴¹ Вестник садоводства, плодородства и огородничества. СПб., 1862. № 5. С. 195.

⁴² Зимой 1855 г., т. е. в самом начале своей работы, Ф. И. Рук был вынужден решать вопросы по околке льда в каналах Нижнего парка. См.: РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1519. Л. 16. Эта ситуация описана в кн.: Долбнин В. Г. История Стрельны: дворово-парковый ансамбль, Троице-Сергиева пустынь, мосты и каналы. СПб., 2007. С. 293.

⁴³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1519. Л. 25.

работой и по вечерам несколько часов, строганием колышков для приготовления на летнее время для постановки к цветам и растениям, которые есть необходимы и, полагаю, гораздо лучше и выгоднее приготовить в нынешнее время, чем в летнее, когда народ дороже, <...> иметь ножи и освещение в двух людских»⁴⁴. Сталкивался он и с откровенным пренебрежением работников своими обязанностями: «<...> садовых учеников Павла Архипова и Ивана Степанова, которые являются часто на работу в пьяном виде, чрез что и не исправляют своих должностей, в особенности дежурств по оранжереям, куда я по нетрезвости их не могу наряжать, опасаясь того, что может произойти от топки печей несчастный случай, и должен наряжать в дежурство других, которым будет весьма затруднительно. <...> прошу за таковые самовольные поступки <...> наказать»⁴⁵. Тем не менее, несмотря на все трудности и большой объем работы, усилиями Ф. И. Рука Стрельнинское дворцовое садоводство «довольно долго стояло в числе лучших садоводств империи и даже смело могло претендовать на очень видное место среди европейских садоводств»⁴⁶. В 1866 г. в награду отличной службы по ходатайству вел. кн. Константина Николаевича садовому мастеру Стрельны была пожалована золотая медаль, для ношения на шее на Станиславской ленте⁴⁷. А в 1870 г., когда «государь император <...> всемилостивейшее соизволил пожаловать членам Общества, обратившим на себя внимание своею полезною деятельностью по садоводству <...>, ордена и медали», садовник Рук был удостоен золотой медали с надписью «За полезное», для ношения на шее на Аннинской ленте⁴⁸. Также в формулярном списке садового мастера значатся подарки в 150 руб. сер. из Кабинета Его Величества, полученные в «награду отлично-усердной службы»⁴⁹.

Ф. И. Рук проработал в Стрельне почти тридцать лет и оставил должность садового мастера весной 1881 г. На его место был назначен К. Геккель⁵⁰, долгие годы бывший главным удельным садовым мастером⁵¹. Это был исключительно опытный садовник, который, однако,

⁴⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1630. Л. 7.

⁴⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1519. Л. 15.

⁴⁶ Кичунов Н. И. Указ. соч. С. 58.

⁴⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5721. Л. 5 об.

⁴⁸ Протоколы собраний Императорского русского общества садоводства. Прил. к журналу: Вестник Императорского русского общества садоводства. СПб., 1871. №№ 1–6. С. 61.

⁴⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5721. Лл. 8–9. 1873, 1875 гг.

⁵⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5660. Л. 10.

⁵¹ Рейман А. Л. Садовые мастера в Красном селе и Дудергофе // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. СПб., 2007. С. 189–199.

находился в весьма преклонном возрасте и по состоянию здоровья уже не мог справляться со своими обязанностями. Он скончался 22 октября 1885 г., после чего исполняющим обязанности садового мастера был назначен Д. Архипов⁵². Печальная судьба Стрельнинского садоводства после ухода Рука была описана в «Вестнике садоводства, плодоводства и огородничества», где до этого так часто публиковались сведения о его успехах: «<...> его преемники не смогли удержать дело на должной высоте. В течение последующих лет переменялось несколько заведующих, и это, конечно, не могло не отразиться на деле отрицательно. Продажа шла по-старому и даже усилилась, а новых растений уже не выписывали и не размножали в достаточном количестве. Все редкие растения были или очень быстро распроданы, или же погибли от неумелого ухода. Оранжереи стали приходить в негодность от ветхости и их уже вновь не отремонтировывали, так как во главе дела стали люди, которые интересовались только лишь тепличным плодоводством. Таким образом, с течением времени из чудесных коллекций, собранных с таким трудом, здесь остались лишь жалкие, никому не нужные их остатки. Что же касается до плодового отдела, то этот последний поддерживался лишь благодаря знанию и любви к этой отрасли садоводства одного из преемников Ф. И. Рука, главного садовника Д. Ф. Архипова»⁵³.

Франц Иосиф Рук скончался 6 июля 1887 г. и был похоронен на кладбище Троице-Сергиевой пустыни⁵⁴, вблизи Стрельны, которой он посвятил значительную часть своей жизни.

⁵² РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5672. Л. 5.

⁵³ Кичунов Н. И. Указ. соч. С. 60.

⁵⁴ Петербургский некрополь. СПб., 1912–1913. Т. 3: М–Р. С. 634.

Стрельнинская школа садоводства

Главным садовником в Стрельнинском великокняжеском имении с 1854 по 1881 г. был Ф. И. Рук¹. Его усилиями «садовое хозяйство здесь стало быстро развиваться и довольно долго стояло в числе лучших садоводств империи <...>². Но, «благодаря почти двадцатилетнему междуцарствию, длившемуся после ухода Рука <...>, средств отпускалось гораздо меньше, чем прежде, <...> нужны были сознательные садовники, <...> нужна была более широкая подготовка. С этой целью управляющим Стрельнинским имением и одновременно главным садовым мастером Владимиром Ивановичем Степановым в 1896 году была основана при Стрельнинском дворцовом садоводстве школа садоводства»³.

В 1904 г. были «высочайше утверждены новые законоположения о сельскохозяйственном образовании⁴, на основании коих должны быть преобразованы существующие сельскохозяйственные учебные заведения»⁵. Департаментом Земледелия предлагалось причислить Стрельнинскую школу «к числу состоящих в ведении Министерства земледелия практических школ, с утверждением для руководства ее особых правил, регламентирующих учебно-воспитательную часть в подобных заведениях <...>⁶. Департамент земледелия предложил «войти в подробные соображения относительно возможного применения Положения 26 мая 1904 г.» в школе, «не прибегая к увеличению пособия из казны и ограничиваясь на первое время наличными средствами школы, а также суммами, которые могут быть изысканы на месте путем ассигнований земств, частных пожертвований и др.», и был готов «к отпуску на расходы по вознаграждению заведующего Стрельнинской школой садоводства из

¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3314. Л. 2.

² Кичунов Н. И. Стрельнинское дворцовое садоводство и Стрельнинская дворцовая школа садоводства // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1908. № 2. Февраль. С. 58.

³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5136. Л. 2.

⁴ Высочайше утвержденное 26 мая 1904 г. Положение о сельскохозяйственном образовании и расписание должностей в средних и низших сельскохозяйственных учебных заведениях. СПб., 1904. 39 с.

⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5136. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 18.

Рис. 1. Контора дворцового правления и примыкающая к нему оранжерея.
Фото нач. XX в. ИИМК РАН

казенных сумм по 600 руб. ежегодно»⁷. Стрельнинское дворцовое правление согласилось с этим предложением (*рис. 1*).

Большая работа, которая велась заведующим школой В. И. Степановым, была отражена в его отчете за 1904 г., представленном вел. кн. Дмитрию Константиновичу. В. И. Степанов отмечает: «<...> предметы в отчетном году распределялись следующим образом: Закон Божий — 1 урок в неделю. Преподаватель А. Мятлик преподавал Русский язык, Арифметику, Геометрию, Географию, Историю, Физику, Ботанику, Общее садоводство, Плодоводство, Огородничество, Цветоводство, Раннюю выгонку, имея 28 уроков в неделю. <...> К 1 января 1904 г. в школе находилось 9 учеников, оставшиеся и на 1905 год. В течение 1905 г. поступило еще 2 ученика, которые на основании параграфа 2 устава школы считались находящимися на испытании. В отчетном году в младшем классе находилось 6 человек, а в старшем классе — 3 человека.

⁷ Там же.

На испытании — 2 мальчика. По сословию были 8 учеников из крестьянского сословия, 1 мещанин. По возрасту были от 14 до 18 лет. Все православные. <...> Практические занятия учеников распределялись в течение года в следующем порядке: в летнее время с 6 часов утра и до 8 часов вечера, причем из этого времени уделялось на утренний чай $\frac{1}{2}$ часа, на обед 2 часа, и на полуденник $\frac{1}{2}$ часа; в зимнее время с 9 часов утра и до 4 часов вечера, из этого времени уделялось только на обед 1 час. Следовательно, всего уделялось на практические занятия времени в летний период 11 часов, а в зимний — 7 часов <...> Работы учеников заключались в отчетном году:

а) по цветоводству тепличному: в посеве, пикировке, посадке пересадок, подвязке, поливке и в тому подобном уходе за цветочными растениями, в уборке оранжерей, топке печей, в уходе за парниками и рассадниками, в починке парниковых рам и проч.

б) по тепличному плодоводству: в подрезке и прищипке плодовых деревьев, в рыхлении почвы, в поливке, опрыскивании и очистке деревьев, в нормировке урожая и проч.

в) по воздушному цветоводству: в посадке разных ковровых и простых цветников и клумб и в уходе за ними в течение всего лета; в уходе за розариумом и проч.

г) по огородничеству: в разбивке и приготовлении гряд под разные овощи, в посеве, пикировке, посадке, прореживании, рыхлении почвы и в тому подобном уходе за овощами с весны и до осени; в уборке и сохранении овощей. Примечание: все работы на ученическом огороде были произведены учениками исключительно в свое время.

д) по плодоводству воздушному: в разных работах по питомнику и плодовому садику, как-то: в посеве семян, в пикировке и посадке дичков, в прививке, в подрезе и прищипке деревьев, в выкопке и посадке их.

е) в установке декораций из живых растений, в вязке венков и букетов, в уборке цветами обеденных столов и проч.

В отчетном году учениками были проведены следующие экскурсии для осмотра: Императорского С.-Петербургского Ботанического сада, Садового заведения г. Тарасова, Императорских Таврических оранжерей, Зоологического музея, Павловских дворцовых оранжерей, Садового заведения В. К. Фрейндлиха <...>. Теоретические занятия: Классные занятия в школе происходили в отчетном году от 15 января по 12 марта и от 1 октября до 20 декабря. В 1-м классе утром от 6 до 8 часов и вечером и вечером от $8\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}$ — всего 3 урока и во 2-м классе вечером от 5 часов до 8 ч. Всего 3 урока. Содержание учеников: школа помещается в одном деревянном одноэтажном здании; классы и спальни находятся в одном месте по случаю тесного помещения, почему и столовая учеников помещается в отдельном флигеле. В здании школы находится и квартира

преподавателя, занимающего и должность надзирателя. Ученики встают в 5 ½ час. утра, а ложатся спать в 10 часов. В течение дня ученики получают пищу 4 раза: утром чай с полубелым хлебом; в 12 часов обед из двух блюд, из которых одно всегда с мясом; в 4 часа чай с полубелым хлебом и в 8 часов ужин из супа или щей и картофеля или каши <...> Пища приготавливается из ежедневно приобретаемых свежих продуктов.

Одежда учеников состоит из серой малескиновой блузы и таких же брюк, черной суконной форменной шинели, длинных сапог и суконной фуражки. В праздничные дни ученики носят серый суконный форменный бушлат и такие же брюки. Зимой им выдаются башлыки. Летом ученики ходят в полотняных белых блузах. В спальне каждому ученику полагается железная кровать с соломенным матрацем, подушка, 2 смены постельного белья, 2 полотенца, байковое одеяло и шкаф для хранения книг, который служит и табуретом. Зимой ученики моются в бане один раз в две недели, летом же — купаются в купальне. В праздничные и воскресные дни ученики обязательно посещают церковь. В праздничные дни ученики, имеющие вблизи родных, пользуются отпусками. <...> Медицинскую помощь ученики получали в Стрельнинском дворцовом приемном покое <...> В отчетном году получена субсидия от Министерства Земледелия и Государственных имуществ на содержание постоянного учителя при школе с 15 мая в размере 375 рублей с содержанием 50 руб. в месяц. <...> Библиотека, книги которой частью приобретены покупкою на средства Стрельнинского дворцового правления (учебники), частью пожертвованы управляющим двором Ея Имп. Выс. вел. кнг. Александры Иосифовны генералом Павлом Егоровичем Кеппенем, В. В. Пашкевичем⁸ и др. Всего в библиотеке в отчетном году находилось около 300 томов специальных и общеобразовательных книг и брошюр <...>⁹.

9 мая 1905 г. Дмитрием Константиновичем были утверждены правила, «по которым должны жить и вести себя ученики Стрельнинской школы садоводства.

1. Все ученики должны жить в общежитии школы под заведыванием Главного садовника и под непосредственным наблюдением преподавателя.

⁸ Пашкевич Василий Васильевич (1856–1939) с 1894 г. работал в Департаменте земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, с 1922 г. — в Сельскохозяйственном комитете, в отделе прикладной ботаники и селекции, реорганизованном в 1924 г. во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (с 1930 г. — Всесоюзный институт растениеводства). С 1922 г. профессор Ленинградского сельскохозяйственного института.

⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5136. 1905 г. Лл. 29–30.

2. Утром, как в летнее, так и в зимнее время, ученики должны вставать аккуратно в 5 ½ часов утра, после умывания они должны одеваться, вычистить свою обувь и одежду, привести в порядок постели и без 10 минут 6 часов являться на общую молитву. <...>

4. После звонка на работу, <...> в 6 часов, все ученики должны немедленно отправляться на работу, за исключением только дежурного по общежитию ученика, который должен подметать комнаты, открывать форточки для проветривания комнат, наливать керосин в лампы, выдавать провизию кухарке, принести дров на кухню и производить прочие необходимые по хозяйству работы, по окончании же этого и он должен немедленно явиться на работу.

5. Во время работы они должны внимательно относиться к делу, которое им поручено, беспрекословно исполнять не только приказания главного садовника, но и прочих садовников, которым поручено руководить ими в работах; обращаться как между собою, так и с посторонними людьми они должны вежливо, не заниматься не относящимися к делу разговорами, не сближаться с чернорабочими и вообще стараться держать себя скромно и прилично.

6. Приходя с работы к обеду, ужину и чаю, ученики должны непременно умывать руки и без этого не могут садиться за стол, читать краткие молитвы до и после принятия пищи, во время стола громко не разговаривать и вообще вести себя чинно и скромно. С кухаркой обращаться кротко и в случае недовольства чем-либо, заявлять о том преподавателю, который в свою очередь должен заявить о том главному садовнику для расследования.

7. После завтрака от 8–8 ½ часов, обеда — от 12–1 час., а летом от 12–2 час. и полуденника от 4–4 ½ час. ученики опять должны являться на работу немедленно после звонка и работать до следующего звонка, отлучаться от работы своевольно строго воспрещается.

8. После ужина от 8 до 8 ½ час. ученики должны немедленно являться в общежитие и могут заниматься чтением книг из своей училищной или же других библиотек, но в последнем случае, только с разрешения преподавателя; игрою на каком-нибудь инструменте, беседами и проч. Во время же теоретических занятий они должны после ужина подготавливать уроки.

9. В 10 часов по знаку, данному преподавателем, все ученики должны собираться на общую молитву <...> После вечерней молитвы все должны немедленно раздеваться и ложиться спать. <...>

18. Курение табаку, употребление спиртных напитков, брань неприличными словами и нескромные разговоры будут строго преследоваться, и неисправимые ученики увольняются совсем.

19. У каждого ученика должна находиться постоянно карманная книжка, в которой он должен записывать ежедневно свои работы, название растений, состав земли и проч. Книжка эта еженедельно предоставляется на проверку преподавателю, который вносит в книжку свои замечания»¹⁰.

В тот же день вел. кн. Дмитрий Константинович утверждает «Положение о Стрельнинской дворцовой школе садоводства, учрежденной с соизволения Его Императорского Высочества великого князя Дмитрия Константиновича при Дворцовых оранжереях», которое, в свою очередь, было утверждено управляющим Министерством земледелия и государственных имуществ 31 мая 1905 г.¹¹

Далее Степанов в полной мере освещает устройство и систему обучения в школе.

«1. Стрельнинская дворцовая школа садоводства, учрежденная с соизволения Е. И. В. В. К. Дмитрия Константиновича при оранжереях дворца и состоящая под ведением Стрельнинского дворцового правления, имеет целью готовить преимущественно путем практических работ опытных в деле садоводства людей, главным образом для С.-Петербургской и смежных с нею северных губерний.

2. В школу принимаются только молодые люди, окончившие двухклассную школу или выдержавшие соответственный экзамен, не имеющие физических недостатков и не иначе, как по отбытии испытательного срока при оранжереях, под наблюдением школы <...>.

3. Комплект учеников определяется в 10 человек.

4. Все ученики живут в общежитии при школе под заведыванием главного садовника и под непосредственным наблюдением преподавателя; во все время обучения они пользуются бесплатно квартирою с отоплением и освещением, пищею, учебными принадлежностями, полною обмундировкою, считая в том числе и белье, и постельные принадлежности; находящиеся же на испытании, содержанием и обмундировкой не пользуются, а получают жалованье в размере 6-ти рублей в месяц.

5. Курс обучения в школе продолжается 5 лет, а вместе с испытательным годом 6 лет. <...>

8. Для практических занятий школа располагает: обширными дворцовым оранжереями, в коих между прочим ведется в больших размерах ранняя выгонка винограда, персиков, абрикосов, смоковницы, земляники, культура и выгонка цветущих растений, как то: роз, пальм, цикламенов, хризантемумов, азалий, пеларгоний, гортензий, кротонов, выгонка луковичных, сирени и проч. и проч.; обширными и весьма разнообразными коврами и

¹⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5136. Л. 41.

¹¹ Там же. Л. 47.

простыми цветниками; в различных стилях парками, плодовыми декоративными питомниками, огородом, отведенным специально для школы, где все работы выполняются исключительно самими учениками; лугами, выгонами, пасекою и шампиньонными простенками. <...>

10. Для преподавания как специальных так общеобразовательных предметов, а равно и для постоянного надзора за учениками, состоит при школе преподаватель со специальным образованием. Ему помогают постоянно при оранжереях находящиеся практиканты, окончившие специальные школы садоводства. Для чтения же некоторых специальных лекций, как то: по химии, почвоведению, энтомологии и проч. приглашаются специалисты с высшим образованием. <...>

12. По окончании полного курса обучения, ученики подвергаются испытанию в знании преподаанных им предметов, в присутствии представителя от Министерства земледелия. <...>

15. На обязанности школы лежит по возможности дальнейшая забота о воспитанниках, после их окончания школы, в виде подыскания места, различных советов и т. п. содействия <...>¹².

Чтобы ученики школы имели внешнее отличие, в ноябре 1905 г. владельцу пуговичной фабрики и «разных металлических изделий» А. И. Копейкину были заказаны «25 значков и 25 блях для ремней» специально для учеников школы¹³.

К сожалению, условия, в которых находилась школа, были весьма неудобными. В своем отчете за 1905 г. В. И. Степанов пишет: «В начале отчетного периода школа помещалась в маленьком одноэтажном деревянном домике, где за недостатком места не было даже классов, и потому теоретические занятия велись прямо в спальне, в этой же спальне ученики должны были провести свое свободное время <...>. По той же причине столовая учеников, служившая в то же время и кухнею и даже квартирою кухарки, помещалась в отдельном флигеле <...>. На этот весьма важный недостаток обратил свое внимание и августейший владелец Стрельны вел. кн. Дмитрий Константинович и летом прошлого 1905 г. с его разрешения было приступлено к постройке нового помещения для школы, которая и была благополучно окончена к 20 ноября 1905 г. Новое здание построено из кирпича, оно двухэтажное, причем на чердаке еще находятся гардеробная и музей <...>. Кроме того, школа имеет для очень удобный в высшей степени практичный погреб <...>. В общем, помещение светлое, просторное и в высшей степени удобное для занятий. Хотя в настоящее время находится всего лишь

¹² Там же. Лл. 43–45.

¹³ Там же. Лл. 57, 60.

9 учеников, но помещение рассчитано на 20 человек <...>. Отопление водяное, под каждым окном находится батарея, а кроме того батареи находятся еще на лестнице <...>. Освещение в школе — спиртовое»¹⁴. Под здание школы был перестроен западный оранжерейный зал¹⁵ (рис. 2). В феврале 1906 г. вел. кн. Дмитрий Константинович «в возмещение расхода по постройке» школы перечислил 1000 руб.¹⁶

21 ноября 1905 г. состоялось освящение нового здания Стрельнинской школы садоводства.

Отчет за следующий 1906 год был с очень оптимистичной преамбулой, так как школа находилась в гораздо лучших условиях. На лицевой стороне отчета вел. кн. Дмитрий Константинович написал: «Прочел с большим удовольствием. Дмитрий. Павловск. 10 апреля 1907 г.»¹⁷

В марте этого же года от директора Главного управления землеустройства и земледелия Н. Крюкова поступает письмо П. Е. Кеппену, в котором он отмечает «заслуживающую полного одобрения организацию обучения» и желает школе дальнейшего процветания, а также просит передать «признательность заведующему школой В. И. Степанову за его труды и заботы по вверенной ему школе»¹⁸. В 1906 г. из Главного управления по землеустройству было отпущено школе 1130 руб.: из собственных сумм вел. кн. Дмитрия Константиновича было отпущено 2778 р. 35 к., от вел. кнг. Александры Иосифовны «в день рождения по примеру прежних годов, было пожертвовано 25 рублей для учеников, которые, как и раньше, были употреблены на экскурсии. От господина попечителя школы, как и в предыдущие годы, поступило много книг в библиотеку школы»¹⁹. «<...> Для того, чтобы познакомить учеников

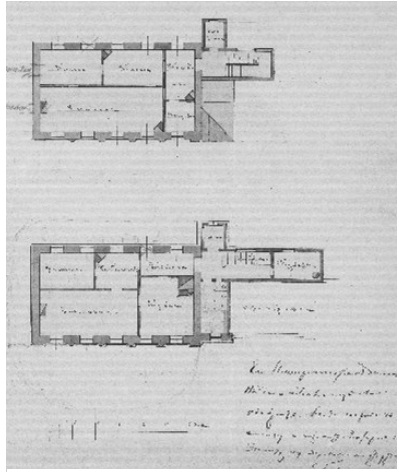

Рис. 2. Позажный план, построенного в 1905 г. здания для школы садоводства. РГИА.
Публикуется впервые

¹⁴ Там же. Лл. 72–74.

¹⁵ См.: РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5147. Лл. 1–3, 30–45. Смета на перестройку.

¹⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1600. Л. 122.

¹⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5180. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 43.

¹⁹ Там же. Лл. 94, 127.

лучше с домашним продовольственным хозяйством, вся провизия для школы, кроме хлеба, покупается в Петербурге, сразу в значительном количестве, а затем сохранением ее и выдачей ежедневно кухарке распоряжаются сами ученики под руководством учителя. С той же целью школа разводит своих свиней, и все овощи выращиваются самими учениками»²⁰. Так, например, в августе 1908 г. «для нужд школы» Департаментом земледелия закупаются «по одному борову и одной свинке йоркширской и беркширской пород и одному гнезду чистокровных кур пород: плимутрок и лангшан»²¹.

Следующий 1907 г. был для школы насыщен важными событиями. В отчете за 1907 г. В. И. Степанов сообщает: «Выдающимся событием в жизни школы в отчетном году было открытие в С.-Петербурге на Офицерской улице Склада произведений школы»²². Мотивом, побудившим школу к этому, служило то обстоятельство, что очень много цветущих растений приходилось либо выбрасывать, либо отдавать за бесценок, так как наши цветочные магазины, воспользуясь сравнительно большим количеством торговых садоводств, предлагают слишком низкие цены <...> Кроме того, наличие склада дает возможность ученикам больше познакомиться с ведением торгового садоводства, чем это было раньше, а также и изучению художественной вязки букетов, убранства цветами столов и других всевозможно изящных работ, которые до сих пор исполняются специалистами по этой отрасли, исключительно заграничными»²³. Открытию магазина предшествовала большая работа и переписка со всеми заинтересованными лицами и ведомствами. 24 мая 1907 г. В. И. Степанов сообщил в контору князя Юсупова, что «павильон, принадлежащий Его Сиятельству по Офицерской улице номер 21 <...> будет снят Стрельнинской дворцовой школой садоводства под торговлю цветами»²⁴. В типографии печатаются «5000 экз. прейскурантов, каждый на 16 страницах»²⁵. 18 сентября 1907 г. «коллезский регистратор В. И. Степанов уполномочен по воле Его Императорского Высочества вел. кн. Дмитрия Константиновича заключить контракт <...> на наем

²⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5180. Л. 125 об.

²¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1609. Л. 197.

²² Магазины, где продавалась продукция из Стрельнинского сада.

²³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5180. Л. 94. Садовый павильон Юсуповского дворца (ул. Декабристов, д. 21) построен в 1751 г. арх. Ж.-Б. Валлен-Деламотом. Перестраивался в конце XIX и нач. XX вв. С 1908 по 1912 гг. в нем находился магазин, принадлежавший Стрельнинской дворцовой школе садоводства.

²⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5202. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 8.

Рис. 3. Современный вид здания бывшего магазина школы садоводства на
Офицерской ул., д. 21

помещения в д. № 21 по Офицерской ул. под склад цветочных произведений» (рис. 3). Договор заключен о «сдаче в наем на три года по 2500 руб. ежегодно». Оплата «по третям по 833 р. 33 к.»²⁶.

Далее Степанов пишет: «Другим крупным событием в отчетном году было издание подробного, с кратким описанием растений, каталога — списка всех растений, культивируемых школою. Кроме того, для ознакомления учеников с жизнью животных и уходом за ними, имея также ввиду громадное воспитательное значение в смысле смягчения нравов, при школе организован небольшой скотный двор <...>»²⁷.

Весной 1907 г. Департамент земледелия сообщает Стрельнинскому дворцовому правлению, что «с разрешения Главного управления землеустройства и земледелия Императорское российское общество садоводов устраивает в период времени между 27 апреля и 27 мая в Петербурге Всероссийскую юбилейную выставку садоводства, плодоводства и огородничества»²⁸ и просит сообщить, в какой форме школа могла бы принять в ней участие. Школа представила на выставку коллекцию

²⁶ Там же. Лл. 19, 29.

²⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5180. Л. 94.

²⁸ Там же. Л. 174.

своей продукции. В октябре 1907 г. из Постоянной комиссии по устройству ежегодных выставок-ярмарок плодоводства и огородничества Императорского российского общества садоводов пришло письмо, в котором выражается благодарность за участие в III очередной выставке-ярмарке, и комиссия по устройству выставки уведомляет, «что школе присужден диплом на среднюю серебряную медаль за коллекцию овощей»²⁹.

В. И. Степановым велась интенсивная работа по наполнению сада и оранжерей новыми сортами растений. В мае 1907 г. в ответ на его запрос из Императорского российского консульства за подписью Генерального директора в Иокогаме присланы каталоги лучшей экспортной фирмы в Японии L. Voehmer & Co, «неоднократно поставлявшей свои продукты петербургскому садоводу Эйлерсу»^{30,31}.

В том же году «по желанию воспитанников Стрельнинской дворцовой школы садоводства образовался маленький струнный оркестр»³². «Наконец желание воспитанников осуществилось. С каким восторгом было принято известие о разрешении приобретения инструментов, с какой радостью и жаром принялись они за изучение новых пьес — описать, положительно, невозможно <...> Уже 10 дней спустя <...> воспитанники <...> по просьбе преподавательниц приняли участие в танцевальном вечере в Стрельнинской дворцовой двухклассной школе в качестве музыкантов, во второй раз публично выступают на сцену <...>»³³.

В 1907 г. количество учеников в школе увеличилось до 16 человек: «По возрасту от 13 до 19 лет. [Из них] 15 — крестьян, 1 сын потомственного почетного гражданина, 13 русских, 1 поляк, 1 немец»³⁴. В 1908 г. в школе обучалось уже 20 учеников. К 1909 г. — в 1 классе в двух отделениях соответственно 23 и 31 ученик. В 3 и 4 отделениях соответственно 30 и 17 чел. Во 2 классе 4-й год обучения — 5 человек, 5-й год обучения — 9 человек. И 1 человек — на повторный курс. Система оценок в школе была пятибалльная. При этом, в 1, 2 и 3 классах изучались только общеобразовательные предметы, общее садоводство и практика, а в 4 и 5 классах уже добавлялись специальные предметы»³⁵.

Стрельнинская школа садоводства была закрыта в 1913 г.: «<...>“двоевластие” в школе, противоположные взгляды на цели и задачи

²⁹ Там же. Л. 242.

³⁰ Г.Ф. Эйлерс (1837–1917) — крупнейший петербургский садовод и торговец цветами.

³¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5180. Л. 52.

³² Там же. Л. 55.

³³ Там же. Л. 56.

³⁴ Там же. Л. 90.

³⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5725. Лл. 1 об, 10, 11, 14–26, 35.

обучения, методы и даже сроки учебы вынудили Стрельнинское дворцовое управление в 1913 г. закрыть школу. Большая часть учеников была переведена в Царскосельскую школу <...> Весь 1913 год Стрельнинскому дворцовому управлению приходилось отвечать на письма <...> Ответ на подобные письма был один: “Стрельнинское дворцовое управление уведомляет, что Дворцовая школа садоводства закрыта”³⁶. И даже позже, 23 января 1915 г. Михаил Филимонович Берк из Полтавской губернии с. Працовка просит выслать программы школы, на что управляющий Стрельнинским дворцом ротмистр Яковлев вновь писал о закрытии школы³⁷.

Невозможно точно подсчитать, сколько специалистов-садоводов выпустила школа садоводства в Стрельне за 17 лет своего существования. Но это был значительный вклад в дело развития садоводства в России. Многим своим воспитанникам школа дала путевку в жизнь. Вот выдержка из письма В. И. Степанову выпускника школы Михаила Матусова, который, поступив работать в садоводство Адольфа Коппеля в Лихтенберге под Берлином, благодарит за возможность поездки в Германию, «куда давно желал оправиться для изучения немецкого языка, столь необходимого в садовом деле, посмотреть культуры растений <...> Позвольте еще Вас поблагодарить за школу садоводства, которая благодаря Вашим постоянным заботам, выдвинулась вперед, развивая в учениках интерес ко всему научному. Не будь я в ней, Бог знает кем бы я был <...> по бедности моих родителей, но благодаря тому, что в школе поставлено все бесплатно, то я и поступил в нее. Эта школа мне остается дорогая на всю жизнь, а также лица, под чьим заведованием она находится: Августейшее семейство, Владимир Иванович [Степанов], Август Иванович [Мятлик] и Николай Павлович [Спиченко]³⁸, которым, как и школе желаю здравствования на многие лета <...>. Михаил Матусов»³⁹.

³⁶ Долбнин В. Г. История Стрельны: дворцово-парковый ансамбль, Троице-Сергиева пустынь, мосты и каналы. СПб., 2007. С. 375.

³⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5460. Л. 4.

³⁸ Спиченко Николай Павлович (1883–?) — специалист-садовод, преподаватель Стрельнинской школы садоводства с 1904 г. Автор книг «Устройство доходного огорода» (СПб., 1914); «Заготовка впрок домашним способом овощей, плодов, ягод и грибов» (Пг., 1918); «Ягодный сад. Как устраивать ягодник и выращивать малину, ежевику, смородину, крыжовник, землянику, клубнику, облепиху, барбарис и земляничную малину» (Пг., 1923); «Выращивание плодовых деревьев: Питомник (школа) плодовых деревьев яблонь, груш, вишен и слив» (Пг., 1919 г.); Серия брошюр по огородничеству и садоводству (Пг., 1919 г.) и др.

³⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1609. Л. 128.

Рис. 4. Здание школы садоводства. Фото 1989 г.
КГИОП

Рис. 5. Современный вид здания фондохранилища.
Фото автора. 2019 г.

Здание школы садоводства (западный павильон Большой оранжереи) сохранялось на протяжении всего XX века, после войны над ним был надстроен третий этаж (*рис. 4*). Однако в 1990-х гг. оно было серьезно повреждено и к началу 2000-х гг. фактически превратилось в руины. В 2008 г. был произведен капитальный ремонт здания, воссоздана центральная часть и соединяющая их оранжерея. Реконструированный объект стал фондохранилищем «Дворца конгрессов» (*рис. 5*).

Походная церковь во имя свв. Константина и Александры и ее бытование в Стрельнинском дворце

В фондах Института истории материальной культуры РАН хранится фотоальбом с видами Стрельнинского дворца начала XX в.¹ Среди изображений — известный и неоднократно опубликованный вид Мраморного зала с установленным у его южных окон переносным иконостасом (рис. 1), а также фотография этого иконостаса (рис. 2). Когда появился во дворце этот походный храм и как он использовался?

Летом 1889 г. вел. кн. Константин Николаевич — генерал-адмирал русского флота, августейший владетель Мраморного и Стрельнинского дворцов, а также знаменитого Павловска — перенес инсульт. Перевезенный в Павловский дворец, он «угасал долго и страдальчески»². Беспомощный парализованный больной не мог посещать богослужения в придворных храмах³, поэтому по просьбе вел. кнг. Александры Иосифовны во дворце установили походную церковь, принадлежавшую Благовещенскому офицерскому лазарету⁴. Для священнодействий употреблялся, с разрешения протопресвитера придворного духовенства И. Л. Янышева, антиминс Петропавловской дворцовой церкви⁵.

Походные церкви издревле сопутствовали воинским подразделениям, ведущим боевые действия, и являлись имуществом полка. В мирное время они хранились как реликвии в полковых церквях, а в военное

¹ ИИМК РАН. Q278.

² Молин Ю. Романовы. «Давно забытые черты». СПб., 2009. С. 395–396.

³ Придворная церковь св. Марии Магдалины (1781) и приписанная к ней домовая церковь свв. апостолов Петра и Павла в здании дворца (1797). См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 367–371, 374.

⁴ «Благовещенское офицерское отделение лазарета л.-гв. Конного полка» было устроено в 1878 г. на средства вел. кнг. Александры Иосифовны, «в память павших славной смертью в войну с Турцией 1877 года: князя С. М. Романовского, герц. Лейхтенбергского и всех воинов». См.: РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 587. Лл. 184–185; Штакельберг К. Полтора века Конной гвардии. 1730–1880. СПб., 1881. С. 130–131.

⁵ РГИА. Д. 805. Оп. 1. Д. 1673. Л. 1.

Рис. 1. Мраморный зал Стрельнинского дворца с установленной походной церковью. Фото к. XIX — н. XX вв. ИИМК РАН

действий⁷. Нередкой была в императорской семье и практика временного заимствования походных храмов из подведомственных полков. Так, в 1861 г. вел. кн. Николай Николаевич Старший, уезжая на лето 1861 г. в свое имение, испросил походную церковь Кавалергардского полка⁸.

Рис. 2. Переносной иконостас походной церкви. Фото к. XIX — н. XX вв. ИИМК РАН

перевозились с полковым обозом и разворачивались временно в месте расположения полка⁶. Устраивать собственную походную церковь было в обычае московских царей и русских императоров: известны придворно-походные храмы и иконостасы Петра I, Александра I, вел. кнг. Елены Павловны и др. Походная церковь Зимнего дворца предназначалась для государя императора в случае отправления Императорской Главной квартиры на театр военных

Точная дата установки походной церкви Благовещенского лазарета в Павловском дворце неизвестна. Однако, судя по дневниковым записям вел. кн. Константина Константиновича, уже зимой 1889–1890 гг. обедно служили не в «большой церкви», а в «маленькой походной», «устроенной в комнате ближайшей к площадке лестницы»⁹ (ср.: «наша временная церковь, наверху направо от прихожей»¹⁰).

⁶ См.: Исакова Е. В. Морские и воинские храмы // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. Т. 2. Деятнадцатый век. Кн. 4. СПб., 2005. С. 285.

⁷ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1268. Л. 2.

⁸ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 882. Л. 5.

⁹ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1890–1891 гг. М., 2015. С. 124 (1 июля 1890 г.).

¹⁰ Там же. С. 399 (1 сентября 1891 г.).

При совершении богослужений Константин Николаевич «по обыкновению сидел против открытой двери в церковь»¹¹. В день кончины великого князя именно в этом храме совершалась воскресная литургия, а на следующей день — первая панихида, за которой молились царская чета, цесаревич, другие члены императорской фамилии¹².

Поскольку походную церковь перевезли из Благовещенского лазарета в Павловский дворец временно, вел. кнг. Александра Иосифовна еще при жизни мужа заказала академику живописи В. В. Васильеву¹³ новый переносной иконостас¹⁴ — уменьшенную копию «византийского» иконостаса в Покровском храме Ореанды¹⁵, для которого к марту 1886 г. мастер исполнил «13 образов, на дереве, на золотых чеканных фонах с бордюрами»¹⁶ (рис. 3).

Рис. 3. Иконостас Покровского храма в Ореанде. Конец XIX в. Источник: Филатова Г. Г. Дворец и храм в Нижней Ореанде. Симферополь, 2017. С. 53

¹¹ Там же. С. 407 (14 сентября 1891 г.).

¹² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 484. Лл. 5 об., 6; Дневник вел. кнг. Константина Константиновича. 1892 г. М., 2016. С. 28–30 (13–14 января).

¹³ Васильев Василий Васильевич (1828–1894) — художник, мастер религиозной живописи, иконописец. В 1858 г. за икону «Божия Матерь с предвечным Младенцем» удостоен звания академика «по части живописи в византийском стиле». Создал иконы для многих храмов С.-Петербурга и его окрестностей (в т. ч. храма на Бадагонских высотах в Петергофе, 1853 г.); автор иконостасов для православных храмов Варшавы, Нишцы, Флоренции. Его работы, сочетавшие реалистичность академической школы со строгостью византийского письма, высоко оценивались современниками. См.: Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за 100 лет ее существования. СПб., 1864–1866. Ч. 3. С. 215, 248, 304.

¹⁴ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1673. Л. 1.

¹⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1741-а. Лл. 265–268. См. также: Антонова Н. В. Из истории Покровского храма в Ореанде // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: история и современность. СПб., 2006. С. 228–249. Отметим, что в одном из новых изданий авторство иконостаса Ореанды ошибочно приписано профессору исторической живописи М. Н. Васильеву (см.: Филатова Г. Г. Дворец и храм в Нижней Ореанде. Симферополь, 2017. С. 54–55).

¹⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1741-а. Л. 265.

Новый иконостас для походной церкви, который Васильев завершил уже после смерти великого князя — в мае 1892 г.¹⁷, был «деревянный, выкрашенный в белую краску с позолотой, в византийском стиле»¹⁸. В нем были помещены иконы: Спасителя и Божией Матери; на северных дверях — ап. Петра, на южных — ап. Павла (в Ореандской церкви на соответствующих местах находились иконы вмч. Марины и св. Иулиана¹⁹); на царских вратах — Благовещение и Четыре Евангелиста²⁰. В отличие от иконостаса Ореанды, в походном иконостасе не было круглых икон свв. Александра Невского и Николая Чудотворца над северными и южными дверями, а также образа Покрова Пресвятой Богородицы над царскими вратами.

После кончины августейшего владельца Павловска походный храм был «снят и возвращен по принадлежности» — в Благовещенский офицерский лазарет. Однако вскоре великая княгиня, здоровье которой пошатнулось вследствие перенесенных испытаний, пожелала «в молитвенную память о почивающем в Бозе Великом Князе Константине Николаевиче, в том покое Павловского дворца, где для Его Императорского Высочества отправляемы были богослужения во время предсмертной его болезни, устроить церковь во имя Святых царя Константина и царицы Александры, для совершения в ней богослужения в тех случаях, когда болезнь лишает Ея Высочество возможности выходить в большой дворцовый храм»²¹.

В результате 21 мая 1892 г. управляющий двором вел. кнг. Александры Иосифовны генерал-майор П. Е. Кеппен обращается к протопресвитеру И. Л. Янышеву с ходатайством об освящении новой походной церкви, которую можно было бы переносить «по месту пребывания Ея Императорского Высочества»²². Новый храм, поступавший в ведение настоятеля Павловской Мариинской церкви, благословили посвятить небесным покровителям недавно усопших членов семьи: вел. кн. Константина Николаевича (†12 января 1892 г.) и его внучки вел. кнг. Александры Георгиевны (†12 сентября 1891 г.)²³.

¹⁷ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1673. Л. 1.

¹⁸ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1892 г. С. 140 (12 июля).

¹⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1741-а. Л. 265.

²⁰ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1673. Л. 3 об.

²¹ Там же. Лл. 3–4.

²² Там же. Лл. 1–2.

²³ Вел. кнг. Александра Георгиевна (1870–1891) — дочь короля эллинов Георга I и королевы Ольги Константиновны; в браке с вел. кн. Павлом Александровичем (1889).

В той самой комнате, где находилась походная церковь Благовещенского лазарета, — «для сохранения памяти о молитвенном труде в Бозе почившего великого князя», — были поставлены вновь сооруженный иконостас, а также «уготованный к освящению престол» и жертвенник. Запрестольный крест был утвержден на тумбе, а у иконостаса на особых аналоях находились образы свв. царя Константина и царицы Александры. В алтарном пространстве разместили картины из собрания Павловского дворца: «Божией Матери, Святой Цецелии, играющей на органе, и картина в виде Святого Семейства, под названием “Чадолюбие”». Вся ризница и утварь для нового храма были взяты «из наличности» (т. е. из имеющихся в ризнице придворных храмов Павловска): четыре подсвечника, два аналоя, панихидный столик, катапетасма (завеса за царскими воротами со стороны алтаря) и облачения для престола, жертвенника и аналоев. Протоиерей придворной Мариинской церкви г. Павловска Петр Силин 29 мая 1892 г. в рапорте на имя придворного духовника просил выдать для нового храма антиминс, а также сообщал: «Св. сосуды, напрестольные крест и Евангелие, богослужебные книги и облачения для священно-церковнослужителей, на случай надобности, по распоряжению Ея Императорского Высочества, могут быть заимствованы из Петропавловской церкви или другом дворце, с соблюдением богослужения и в этой церкви»²⁴.

4 июня 1892 г. протопресвитер И. Л. Янышев обратился к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) с ходатайством об изготовлении антиминса для «новоустроенной домово́й Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны церкви во имя Святых Царя Константина и Царицы Александры и о выдаче оно́го настоящего Мариинской придворной церкви г. Павловска протоиерею Петру Силину»²⁵.

К 10 июня антиминс, «который является своего рода первоначальным документом основания каждой церкви»²⁶, был получен, все необходимые богослужебные предметы имелись в наличии (недоставало только «коврика на подставку»), и началась работа по составлению проекта церемониала освящения нового домового храма, которое планировалось «сразу по возвращении из-за границы великого князя Константина Константиновича»²⁷.

²⁴ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1673. Л. 3–3 об.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Миловидов А. Виленская придворно-походная Александро-Невская церковь императора Александра I (по архивным материалам). Вильна, 1912. С. 5.

²⁷ РГИА. Д. 805. Оп. 1. Д. 1673. Лл. 5–6.

Новый походный храм освятили спустя ровно полгода после кончины генерал-адмирала — в воскресенье 12 июля 1892 г., в 11 ч. утра. На торжестве, кроме самой хозяйки Павловска, присутствовали члены великокняжеской семьи — королева эллинов Ольга Константиновна, Константин Константинович с супругой Елизаветой Маврикиевной; священнослужители — протоиерей придворной Марииинской церкви П. И. Силин, архимандрит Александро-Невской лавры Исаия (Булин), духовник А. И. Двукраев; придворные чины — управляющий двором П. Е. Кеппен с семейством, шталмейстер И. А. Грейг, гофмейстер И. А. Зеленой, генерал-лейтенант А. А. Киреев, управляющий г. Павловск барон А. Э. Рамзай, фрейлины великих княгинь графиня А. Э. Келлер и баронесса Л. К. Корф; главный доктор Морского госпиталя в Петербурге В. К. фон Рамбах и др. По окончании богослужения, в час пополудни все приглашенные спустились вниз в кабинет покойного вел. кн. Константина Николаевича, а затем направились в галерею Гонзаго, где был накрыт завтрак²⁸. Вот как описал этот день вел. кн. Константин Константинович: «В воскресенье <...> в 11 ч. началось освящение малой церкви. Вместо походной, поставленной в комнате, смежной с лестницей, сделали новую; иконостас теперь деревянный, выкрашенный в белую краску с позолотой, в византийском стиле, снимок с мраморного иконостаса в Ореандской церкви. Иконы работы академика Васильева. — Кресло Папа, стоявшее на площадке лестницы против двери в церковь, осталось на прежнем месте. К освящению позвали всех, служивших у Папа за время его болезни. Казалось, все по-старому. Церковь устроена во имя Святых Царя Константина и Царицы Александры, Ангелов наших дорогих усопших. <...> Недоставало Мити; он еще накануне вечером вернулся в Красное на дежурство по дивизии»²⁹. На следующий день в новоосвященном храме была отслужена обедня для прибывшего в Павловск вел. кн. Дмитрия Константиновича, после чего семья, вновь посетив комнаты покойного отца, отправилась в Петербург, в Петропавловскую крепость, чтобы помолиться на месте его упокоения³⁰.

Новая походная церковь оправдала свое название и назначение спустя почти два года. 29 мая 1894 г. в Стрельне у Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны родился шестой ребенок и пятый сын — князь императорской крови Игорь Константинович. Для совершения таинства крещения нового члена Дома Романовых был выбран

²⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 484. Лл. 98 об.–99.

²⁹ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1892 г. С. 140 (12 июля).

³⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 484. Лл. 99 об.–100.

Стрельнинский дворец, где он появился на свет³¹. Поскольку домовая церковь в Стрельнинском дворце была упразднена еще в 1860 г.³², из Павловского дворца и привезли (очевидно, впервые) походную церковь, которую установили в «квадратной зале» (совр. Мраморный зал), «алтарем на юг». Сразу же была отслужена литургия, за которой причащались маленькие Константиновичи³³. Сохранилась схема, разработанная Экспедицией церемониальных дел Министерства императорского двора³⁴, на которой крестом обозначено место расположения церкви — у южных окон; по центру зала — купель; у северных окон — ширма (для переодевания крещаемого). «Их Высочества и Августейшие особы» разместились у двери, ведущей на западную половину, а вдоль стен Голубого зала — все придворные и гости. Возможно, именно в период подготовки к крестинам князя Игоря или сразу после них и были сделаны известные фотографии походной церкви и ее иконостаса в Мраморном зале Стрельнинского дворца.

Крестины состоялись 21 июня 1894 г., в присутствии императора и многих членов династии. Согласно записи в камер-фурьерском журнале, «в 3 часа, по прибытии Их Величеств и с Их Высочествами, последовало Высочайшее шествие из внутренних апартаментов, через Переднюю комнату, Голубое зало *во временную походную церковь в Мраморном зале*»³⁵ (зд. и далее курсив мой. — Т. А.). Таинство совершал сакелларий Собора Зимнего дворца протоиерей Иоанн Васильевич

³¹ О крещении Игоря Константиновича в Стрельнинском дворце см. след. источники: РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 407; Ф. 476. Оп. 1. Дд. 52, 1299; Ф. 805. Оп. 1. Д. 1730.

³² Домовая церковь Стрельнинского дворца, которая появилась в 1849–1850 гг. на третьем этаже восточного флигеля при реконструкции здания под руководством Х. Мейера и А. Штакеншнейдера, была освящена 22 июня 1851 г. во имя св. равноап. царя Константина — небесного покровителя хозяина дворца; чин освящения возглавил духовник царской семьи протоиерей Василий Бажанов (см.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 587. Л. 1). В 1850-х гг. в храме совершались регулярные богослужения, однако, поскольку великокняжеская чета жила во дворце только в летнее время, зимой церковь практически никто не посещал, и в 1860 г. церковь была упразднена. Подробнее см.: Горбатенко С. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 212, 216; Долбнин В. Г. История Стрельны: дворцово-парковый ансамбль, Троице-Сергиева пустынь, мосты и каналы. СПб., 2007. С. 260–263; Смирнова О. С., Ерегина Г. Н. Домовая церковь Константиновского дворца // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: история и современность. Сб. статей. СПб., 2006. С. 197–201.

³³ См.: Дневник вел. кн. Константина Константиновича (21 июня 1894 г.). Цит. по: Князь императорской крови Игорь Константинович (1894†1918). Биография и документы. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2014. С. 23–24.

³⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 407. Лл. 74–80.

³⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 56. Л. 26 об.

Толмачев, которому сослужили протодиакон Василий Васильевич Крестовский и псаломщики Иван Молчанов и Соколов³⁶.

Счастливым отец подробно описал в дневнике это событие: «<...> Начался съезд, суета. Полурота от Государевой роты под командой Гольтгоера 1-го³⁷ встала на площадке, фронтом ко дворцу. Съехалось семейство, и за три минуты до 3-х прибыл Государь с Мишей, а за ними в карете императрица с Марьей Павловной, Ксенией и Ольгой. Собирались на нашей половине. Выход тронулся через столовую, малиновую комнату, женину дежурную на лестницу. Игоря несла на золотой подушке Аннетт Комаровская³⁸, поддерживаемая Ильей Александровичем³⁹ и Траубенбергом⁴⁰. Я вел Стану. Петя приехал нарочно к крестинам из Курской губернии. Восприемниками были Государь и Eugenie, а кроме них, из присутствовавших при таинстве, Митя и Петя. Заочными восприемниками и восприемницами были Мама, моя теща, Владимир, Фридрих Мекленбургский и мои племянницы-близнецы⁴¹. — В передней наверху, с лестницы направо стоял караул от дворцовых гренадер. В белой зале стояли дамы, первые чины двора, свита и преображенцы. Дети — все, и даже маленький Олег присутствовали при крестинах, стоя у двери противоположной входу в квадратную залу. В эту дверь я вышел и спустился к жене. Она лежала на кушетке в своем маленьком кабинете. Я подарил

³⁶ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1730. Лл. 2–3, 6.

³⁷ Гольтгоер Константин Александрович (1865–1933) — поручик (1888), впоследствии полковник (1904) л.-гв. Преображенского полка; флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества (1912); участник Первой мировой войны и Белого движения (зд. и далее прим. мои. — Т. А.).

³⁸ Комаровская Анна Егоровна (1832–1906) — графиня, фрейлина (1857–1866), затем гофмейстерина (1866–1906) вел. кнг. Александры Иосифовны.

³⁹ Зеленой Илья Александрович (1891–1906) — флигель-адъютант, заведующий двором вел. кн. Константина Константиновича, гофмейстер.

⁴⁰ Рауш-фон-Траубенберг Павел Александрович (1858–1923) — барон, шталмейстер двора вел. кн. Константина Константиновича.

⁴¹ «Восприемниками изволили быть лично: Его Императорское Величество Александр Александрович, Их Императорские Высочества: великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Александра Иосифовна, великий князь Дмитрий Константинович, принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская и Его Великогерцогское Высочество принц Петр Александрович Ольденбургский; и не лично: Их Королевские Высочества великий герцог Мекленбург-Шверинский и герцогини Эльза и Ольга Виртембергские и Ее Высочество принцесса Августа Саксен-Альтенбургская герцогиня Саксонская и Ее Высочество принцесса Луиза Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская». // Метрическое свидетельство князя Игоря Константиновича. Цит. по: Князь императорской крови Игорь Константинович (1894†1918). Биография и документы. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2014. С. 95–96.

ей крест из пяти шатонов, а она мне цепочку для часов и при этом мы оба плакали от умиления. Сходил к Гольтгоеру, к караулу, и подарил ему портсигар со своей подписью. Потом поднялся наверх и стоял за дверью залы, в которой крестили. Слышал слова священника при погружении в купель, и мне хотелось плакать от умиления. Видел в шелку, как Государь держал нашего младенца. Со словами: «Со страхом Божиим и верою приступите» я вошел в залу: Eugenia, поддерживаемая Государем и Петей, подносила новоокрещенного к причастию. Потом все спустились к жене; у нее сидела Мама. Подарки сыпались один богаче другого. Под арками был накрыт чай. Когда разъехались, жена приняла наших дам. К обеду вернулся в Красное»⁴². Отметим, что по окончании таинства августейшая бабушка «в 6.45 изволила ходить наверх смотреть убранство столов и *вновь поставленную Походную Церковь (привезенную из Павловска)*»⁴³.

В последующие годы походную церковь подолгу использовали для совершения богослужений именно в Стрельнинской загородной великокняжеской резиденции, не имевшей в те годы собственного домового храма⁴⁴. Так, сохранилось свидетельство К. Н. Скуратова, в 1896–1915 гг. служившего в л.-гв. Конногренадерском полку, командиром которого в 1892–1903 гг. был августейший хозяин Стрельны вел. кн. Дмитрий Константинович. В свой день рождения 1 июня он «очень часто приглашал всех офицеров к себе в Стрельнинский дворец <...> в домовую церковь служили молебен, а после него подавался завтрак для всех приглашенных. <...> Великий князь встречал нас наверху около своей библиотеки и, после нескольких слов беседы, мы шли в церковь. <...> Такие приглашения продолжались и после того, как великий князь сдал наш полк»⁴⁵.

В апреле 1902 г. «*походную церковь при дворцах их высочеств, находящуюся в Стрельне*», с разрешения протопресвитера И. Л. Янышева ненадолго перевезили в манеж Мраморного дворца, для совершения пасхального богослужения. Перевозка церковных принадлежностей в Санкт-Петербург и обратно и их установка была осуществлена, по требованию о. Янышева, под наблюдением священника, совершавшего богослужение, — иерея 198-го Александро-Невского пехотного резервного полка в С.-Петербурге Михаила Капитоновича Добровольского⁴⁶.

⁴² Цит. по: Князь императорской крови Игорь Константинович (1894†1918). С. 23–24.

⁴³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 483. Л. 228 об.

⁴⁴ Терентьев А. С. Стрельна // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. Т. 2. Девятнадцатый век. Кн. 6. СПб., 2008. С. 636.

⁴⁵ Скуратов К. Н. Мирное и боевое прошлое лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка (материалы к его истории). 1894–1904. В 5 тт. Т. 4. Париж, 1946. С. 70–71.

⁴⁶ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2025. Лл. 1, 3.

Находясь в Стрельне, великокняжеская семья продолжала и молиться за богослужениями в придворной Спасо-Преображенской церкви⁴⁷, и паломничать в Троице-Сергиеву приморскую пустынь. Однако домовая походная церковь также регулярно использовалась. Теперь ее устанавливали не в Мраморном зале, а в одной из больших комнат в апартаментах «королевы греческой» Ольги Константиновны — в северной половине западного крыла бельэтажа⁴⁸ (рис. 4), а также «в маленькой проходной комнате между двумя [парадными. — Т. А.] залами»⁴⁹. Указания на это находим в дневниковых записях членов великокняжеской семьи: «27 мая 1906 г. <...> Мы живем теперь в комнатах тети Оли. <...> Смежная с кабинетом большая комната служит нам столовой и классной. Она с балконом в три света и ведет туда же, куда и кабинет. *Прежние годы была в ней походная церковь; теперь она стоит в проходной комнате между Турецкой⁵⁰ и Голубой залами*⁵¹; «Троицын день. 10 июня 1907 г. <...> *Походная церковь поставлена нынче, как*

⁴⁷ Об истории Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви см.: Формулярная ведомость Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви за 1848 г. // РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2957. Лл. 151–155; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. X. Ч. 1. СПб., 1885. С. 35–39; Горбатенко С. Указ. соч. С. 141–149; Долбнин В. Г. Указ. соч. С. 128–137; Алексеева Т. А. Духовенство в штате Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича: Стрельнинское дворцовое управление (1848–1892) // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. СПб., 2017. С. 31–60. Спасо-Преображенская церковь, богослужения в которой прекратились в 1932 г., сгорела в ходе ожесточенных боев в сентябре 1941 г. В настоящее время на том месте, где находился ее алтарь, установлен поклонный крест.

⁴⁸ В наши дни пространство этой большой гостиной с балконом и тремя окнами, располагавшейся в северной анфиладе западного крыла параллельно библиотеке и входившей в комплекс апартаментов королевы эллинов, является частью Троицкого зала Константиновского дворца.

⁴⁹ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. М., 2015. С. 74 (27 мая 1906 г.). Проходная комната между парадными залами бельэтажа была ликвидирована в ходе реставрационно-восстановительных работ начала XXI века. В настоящее время в этом пространстве находится центральная парадная лестница.

⁵⁰ «Турецкой залой» и в дневнике, и в книге воспоминаний кн. Гавриил Константинович называет Мраморный зал — возможно, потому, что в нем, как известно из описаний, некоторое время стоял гарнитур, в котором «вся мебель обита парчовой (красной с золотом) материей, подаренной в дар Ея Высочеству (великой княгине Александре Иосифовне. — Т. А.) турецким султаном Абдул-Меджидом, в бытность Их Высочеств в Константинополе» (Верландер А. П. По Балтийской дороге. Ч. I. СПб., 1883. С. 89).

⁵¹ Дневник кн. имп. крови Гавриила Константиновича. 1897–1916 г. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2016. С. 196–197.

было 2 года назад [т. е. в 1905 г. — Т. А.], в большой комнате наверху с балконом, соответствующей библиотеке»⁵².

В первое десятилетие XX века богослужения в походной церкви Константиновичей совершали не клирики Спасо-Преображенской церкви (к этому времени она «более приходская, чем придворная, точнее — она существует собственно для нужд прихода»⁵³), а насельники Троице-Сергиевой пустыни⁵⁴: духовник великокняжеской семьи иеромонах Сергей (Дружинин)⁵⁵, архимандрит Михаил (Горельшев)⁵⁶. Пел за богослужениями хор монахов-певчих⁵⁷. Когда 23 июня 1906 г. семья праздновала 20-летие старшего сына Иоанна, за обедней в домовый церкви служил протоиерей Большого собора Зимнего дворца Василий Иванович Громов⁵⁸.

Конечно, походная церковь вместе с великокняжеским семейством переезжала и в Павловск, где устанавливалась, как и при вел. кнг. Александре Иосифовне, на своем первоначальном месте⁵⁹. Богослужения в ней совершались зимой, поскольку большой домовый храм не отапливался⁶⁰. На Пасху 1906 г. кн. Игорь Константинович, родившийся и крещенный в Стрельнинском дворце, был назначен ктиторм походной церкви⁶¹. В свой тринадцатый день рождения, который семья праздновала 29 мая 1907 г. в Павловске, он попросил отслужить не молебен, а обедню, «чтобы можно было обновить кадило, подаренное ему бабушкой для <...> походной церкви»⁶².

В 1911–1912 гг. по желанию вел. кн. Дмитрия Константиновича, в Стрельнинском дворце был возобновлен постоянный домовый храм.

⁵² Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 375.

⁵³ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2225. Л. 7.

⁵⁴ См.: Дневник кн. имп. крови Гавриила Константиновича. С. 95 и др.

⁵⁵ Сергей (Дружинин Иван Прохорович, 1863–1937) — насельник Троице-Сергиевой пустыни (1887), иеромонах (1898), ризничий (1902), архимандрит (1915), настоятель (1915–1919), епископ Нарвский, vicарий Ленинградской епархии (1924); один из основоположников и лидеров иосифлянского движения.

⁵⁶ Михаил (Горельшев Матфей Трофимович, 1850–1915) — насельник Троице-Сергиевой пустыни (1873), иеромонах (1885), ризничий (1897), архимандрит (1901), настоятель (1901–1915).

⁵⁷ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1907–1909. М., 2015. С. 267 (6 июля 1908 г.).

⁵⁸ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 92–93.

⁵⁹ Дневник кн. имп. крови Гавриила Константиновича. С. 160, 211–212.

⁶⁰ Там же. С. 382.

⁶¹ Там же. С. 179.

⁶² Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 368.

Он был устроен на прежнем месте — на третьем этаже восточного флигеля⁶³. Для работы были приглашены архитектор Н. Н. Веревкин и гражданский инженер С. Н. Смирнов, вместе трудившиеся в 1911 г. на строительстве церкви Христа Спасителя «Спас-на-Водах». Роспись купола выполнил художник М. М. Адамович. В Управление делами великого князя был представлен, в числе прочих, и эскиз нового иконостаса⁶⁴. Однако по невыясненным пока причинам (возможно, из соображений экономии) в качестве алтарной преграды был установлен иконостас походной церкви. Кн. Татьяна Константиновна кн. Багратион-Мухранская сообщает в письме вел. кнж. Татьяне Николаевне: «<...> в Стрельне освятили новую церковь в византийском стиле, которая вышла удивительно уютна и красива. Только высоко подыматься в самый верхний этаж — в тех комнатах, где когда-то жил отец Изы⁶⁵, когда наезжал в Стрельну. До сих пор у нас была лишь походная церковь, иконостас которой и вошел в новую постоянную церковь. Накануне подымали <...> колокола на звонницу. Было так симпатично слышать их первый малиновый трезвон. Освящение было торжественное: Дяденька позвал представителей от всех служащих Мраморного [дворца] и Павловска, также старых камердинеров дедушки и бабушки <...>»⁶⁶. Ср. свидетельство К. Н. Скурадова: «Церковь была в древнерусском стиле, иконостас был взят из походной церкви Павловского дворца. Над церковью сделана была звонница.<...> В этом храме было много старинных икон и церковной утвари и в аналое, под стеклом, направо от входа, хранился серебряный крест с письмом св. Дмитрия Ростовского (эта святыня принадлежала камер-юнкеру Смирнову)»⁶⁷.

Так иконостас походной церкви во имя свв. Константина и Александры стал иконостасом домово́й церкви Стрельнинского дворца⁶⁸.

⁶³ Подробнее см.: Горбатенко С. Указ. соч. С. 212–213; Долбнин В. Г. Указ. соч. С. 260–263, 336–340; Смирнова О. С., Ерегина Г. Н. Указ. соч. С. 196–206.

⁶⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5342. Л. 62.

⁶⁵ Имеется в виду барон К. К. фон Буксгевден (1856–1935), который с 1894 г. состоял в должности шталмейстера двора вел. кнж. Александры Иосифовны. Его дочь София Карловна (Иза, 1883–1956) была фрейлиной последней русской императрицы Александры Федоровны, сопровождала царскую семью в ссылку в Тобольск. Ее воспоминания, написанные в эмиграции, переведены на русский язык и неоднократно переиздавались.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 170. Лл. 17–18 об. Цит. по: Княжна императорской крови Татьяна Константиновна, в замужестве княгиня Багратион-Мухранская (1890†1979). Биография и документы. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 242.

⁶⁷ Скурадов К. Н. Указ. соч. С. 92.

⁶⁸ Доподлинно не известно, в честь какого святого был назван новый храм. По одной версии, церковь была посвящена небесному покровителю владельца

Однако история великокняжеской походной церкви не прервалась. В январе 1915 г. врачи запретили вел. кн. Константину Константиновичу, страдавшему болезнью сердца, подниматься на второй этаж Павловского дворца, где располагался домовый храм. В результате к Пасхе 1915 г. была создана и освящена новая походная церковь. Августейший владелец Павловска записал 9 марта 1915 г.: «Наверх меня не пускают. Поэтому придумали устроить временную походную церковь в помещении Георгия, именно в его столовой комнате в одно окно, против которого дверь в нижнюю ротонду. За устройство церквушки взялся С. Н. Смирнов и снабдил ее принадлежащими ему древними иконами. Церковка вышла удачная, маленькая, уютная»⁶⁹. В ней в 1915 г. совершали богослужения Страстной седмицы и Пасхи, для чего специально приезжал иеромонах Сергей⁷⁰. Кн. Гавриил вспоминал: «Заутреня и обедня были в походной церкви, внизу. Отец причащался. Дяденька не захотел, чтобы отец причащался один, и, зная, что отцу будет приятно, если и он причастится вместе с ним, так и сделал. Моя старшая сестра Татиана со своими маленькими детьми, Теймуразом и Наталией, жила в то время в Павловске.

Рис. 4. Интерьер домового храма.
Фото 1928 г. ИИМК РАН

свт. Димитрию Ростовскому, по другой — св. блгв. кн. Александру Невскому. Кроме того, пока не обнаружены другие документы об установке походного иконостаса в домового храма Стрельнинского дворца.

⁶⁹ Дневник вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915. / Сост. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 386. С. Н. Смирнов планировал навсегда оставить свою коллекцию икон в Павловске, «перенеся потом куда-нибудь во дворе же, если эта комната вновь понадобится», поскольку все равно собирался «свое собрание икон когда-нибудь пожертвовать в какой-нибудь музей, так пусть лучше эти несколько икон и *врата, вновь освященные*, так и останутся в походной церкви». Цит. по: Шевцова Г. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М., 2017. С. 288. Свое намерение Смирнов подтвердил и после кончины великого князя в 1915 г. (Там же. С. 320).

⁷⁰ Дневник вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915. С. 387–388.

<...> Помню, как за обедней он [Теймураз] протянул ручку и дотронулся до диакона, который стоял перед ним очень близко, так как церковь была маленькая»⁷¹...

После революции все имущество бывшей династии было национализировано, домовые храмы упразднены. В Константиновском дворце в помещении бывшей церкви разместили клуб 1-й Стрельнинской единой трудовой школы-колонии (рис. 4). В годы Великой Отечественной войны дворец серьезно пострадал, но окончательно интерьер домового церкви был утрачен после размещения в здании Ленинградского Арктического училища: в результате послевоенной реконструкции на месте бывшего домового храма появилось несколько аудиторий.

«Есть поверье, что там, где некогда стоял церковный алтарь, до скончания века обитают ангелы, которые плачут над этим местом, если храм поруган или разрушен»⁷². Константиновскому дворцу в Стрельне повезло: он восстановлен в ходе глобальных работ 2001–2003 гг. и ныне функционирует как Государственный комплекс «Дворец конгрессов». И, хотя пространство бывшей домового церкви ныне занимают служебные помещения, православные традиции не забыты. Десять лет назад, 18 ноября 2009 г. состоялось торжественное освящение Константиновского дворца⁷³. В память об этом событии епископ Амвросий (Ермаков) преподнес в дар список с иконы Божьей Матери «Знамение Царскосельская». Ныне этот образ пребывает в небольшой проходной гостиной, предваряющей вход в современный Троянский зал. Удивительно, но именно в этом зале, в его северной части, которую занимала «большая комната с балконом в три света», устанавливали в начале XX столетия походную церковь во имя свв. царя Константина и царицы Александры.

⁷¹ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. М., 2005. С. 268–269.

⁷² Земля Невская Православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Краткий церковно-исторический справочник. СПб., 2006. С. 3.

⁷³ См.: Вайгачева Т. А., Гоголина И. Л., Алексеева Т. А. «Ныне пришло спасение дому сему»: торжественное освящение Константиновского дворца 18 ноября 2009 года // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: хроника, материалы, исследования. СПб., 2010. С. 9–19.

О принадлежности шкафа-бюро на консоли из коллекции Константиновского дворца

Более десяти лет назад в Государственный комплекс «Дворец конгрессов» (Константиновский дворец в Стрельне) на постоянное хранение была передана знаменитая коллекция произведений русского искусства известных музыкантов М. Л. Ростроповича и Г. П. Вишневу. Сразу же началась работа по изучению и научному описанию этого собрания, позволившая прояснить историю многих экспонатов. Уточнение атрибуции раритетов продолжается, а упорство исследователей вознаграждается открытиями, об одном из которых пойдет речь.

Рис. 1. Шкаф-бюро на консоли. Коллекция Константиновского дворца

В небольшой подборке предметов мебели, входящих в коллекцию, есть один, который выделяется броской неординарностью. Это небольшой пристенный шкаф-бюро на консоли середины XIX века в стилистике неорококо, фанерованный дорогим шпоном розового дерева, обильно декорированный изысканными фарфоровыми флоральными композициями и с живописным фарфоровым пластом на откидной дверце (рис. 1). Назначение подобных шкафчиков в ту пору — хранить драгоценные и памятные вещи владельца, выполнять функцию письменного бюро и быть украшением гостиной, кабинета или будуара. Источником сведений о нем явились данные каталога аукциона „Sotheby’s“, где указывалось, что, предположительно, он был изготовлен в Петербурге, в 1840-х гг. в мастерской Гамбса и мог иметь отношение к императрице Александре Федоровне (1798–1860)¹. Предстояло уточнить и по возможности дополнить эти сведения.

¹ The Rostropovich — Vishnevskaya collection. Sotheby’s, London 18–19 September 2007. P. 228–229.

Там же в каталоге была опубликована фотография близкого аналога этого шкафчика² с комментарием о его принадлежности к приданому вел. княж. Александры Николаевны (1825–1844) (рис. 2). Выяснение обстоятельств, связанных с этим предметом, стало отправной точкой в изучении истории шкафа-бюро из коллекции Константиновского дворца и привело к обнаружению других его аналогов.

Как известно, все аспекты, касающиеся приданого великих княжон, регулировались статьями «Учреждения об Императорской фамилии»³, которое было утверждено императором Павлом I в день своей коронации 5 апреля 1797 г. и действовало, с изменениями и дополнениями, вплоть до свержения монархии в России. При вступлении в брак великим княжнам выделялось из казны по одному миллиону рублей, без учета стоимости отличающихся пышностью и великолепием многочисленных комплектов разнообразных вещей, на покупку которых ежегодно откладывались немалые деньги. «Установленная процедура комплектации приданого и перечень вещей стали почти обязательными для всех последующих поколений невест из рода Романовых. <...> Обязательны были самые разнообразные предметы: роскошные меха, драгоценности, мебельные гарнитуры и экипажи, серебряные обеденные и туалетные сервизы, фарфор и стекло, столовое и постельное белье, настольные украшения, и многое другое. <...> Фирмы-производители, как правило, были поставщиками Императорского двора»⁴.

Прежде чем перейти непосредственно к приданому вел. княж. Александры Николаевны, напомним, что после свадьбы ее

Рис. 2. Шкаф-бюро из приданого великой княгини Александры Николаевны. Замок Фазанери (г. Айхенцелль, Германия)

² Данный аналог является не «пристенной», а «напольной» версией и отличается сюжетом росписи фарфорового пласта на откидной дверце.

³ Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1912. С. 170.

⁴ Зимин И. В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М., 2011. С. 47–48.

старшей сестры вел. кнж. Марии Николаевны (1819–1876), состоявшейся летом 1839 г., венченосные родители уже весной 1840 г. приступили к подготовке приданого для следующей по старшинству дочери — вел. кнж. Ольги Николаевны (1822–1892). Сохранилось собственноручное предписание императора Николая I поставщикам исполнять его по образцу уже «сданных вещей»⁵, ибо номенклатура предметов сохранялась почти неизменной на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1799 г. — с комплектации приданого вел. кнж. Анны Павловны⁶. Надо отметить, что тогда перспективы замужества вел. кнж. Ольги Николаевны еще не обрели ясных очертаний и обретут их нескоро. Зато часть вещей ее приданого пригодилась младшей сестре — вел. кнж. Александре Николаевне, которая летом 1843 г. неожиданно получила предложение руки и сердца от избранного родителями претендента на брак с вел. кнж. Ольгой — принца Фридриха Вильгельма Гессен-Кассельского и обвенчалась с ним в январе 1844 г. Другая же часть вещей приданого молодой невесты (из серебра, фарфора, стекла и тканей; т. е. тех, что были украшены ее личным вензелем), была срочно заказана в июле 1843 г. по образцам двух предыдущих комплектов ее старших сестер⁷.

Большинство вещей из приданого вел. кнж. Александры Николаевны ныне находятся в замке Фазанери (Fasanerie), расположенном в окрестностях города Айхенцелль (Eichenzell) в Германии — в бывшем фамильном владении ее супруга. Там можно увидеть и этот единый комплект из шкафа-бюро и изящного столика, фотография которого и была опубликована в каталоге „Sotheby’s“.

К восполнению той части приданого вел. кнж. Ольги Николаевны, которое досталось ее младшей сестре, родители приступили уже в 1843 г., хотя эта тема стала актуальной лишь в начале 1846 г., когда состоялась помолвка средней дочери русского императора с наследным принцем Карлом Вюртембергским (1823–1891). Это известно из сохранившегося документа, в котором предписывалось заказать «мастеру Гамбсу в спальню Ее Величества точно такую же, и в том числе золоченую мебель, которая была приготовлена в Спальню же для Ее Императорского Величества Великой Княгини Марии Николаевны, но позолоту сделать лучше и прочнее первой»⁸. То, что

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 610. Л. 1.

⁶ Зимин И. Подготовка приданого для дочерей российских императоров. [Электронный ресурс] URL: <https://statehistory.ru/books/TSarskie-dengi--Dokhody-i-raskhody-Doma-Romanovykh/48> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷ Носович Т. Н. «Высочайше повелено приготовить...» // Наше наследие. 2014 № 109. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.nasledierus.ru/podshivka/10917.php> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. 1843–1844. Д. 644. Л. 1.

приданое императорских дочерей было практически идентично, позволило предположить, что шкаф-бюро на консоли из коллекции Константиновского дворца мог входить в состав приданого одной из великих княжон — либо Марии Николаевны, либо Ольги Николаевны.

Поиски следов его принадлежности начались со сбора материалов о приданом вел. кнж. Марии Николаевны. Так, удалось разыскать упоминание о наличии в его составе мебельного гарнитура для спальни, в котором, среди прочих вещей, имелись и «шкафы для бриллиантов»⁹. Но для точной атрибуции следовало найти их изображение, а в идеальном случае — изображение в историческом интерьере, связанном с именем великой княгини или ее наследников. Однако графические источники, запечатлевшие интерьеры принадлежавших им резиденций — Мариинского дворца, особняка Румянцева в Петербурге, а также загородного дворца в Сергиевке — оказались немногочисленны и к положительному результату не привели. Также и в известном цикле акварелей Э. И. Гау, подробно воспроизводящих облик интерьеров Зимнего дворца, в том числе и апартаменты молодоженов — вел. кнж. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852), в которых они жили до завершения строительства Мариинского дворца, подобных предметов запечатлено не было.

В ходе дальнейших поисков посчастливилось найти информацию, что на аукционе „Sotheby’s“ в июне 2017 г. был представлен шкаф-бюро (рис. 3), аналогичный тому, который входил в состав приданого вел. кнж. Александры Николаевны. В каталоге этого аукциона он значился «одним из небольшой группы почти одинаковых письменных шкафов, которые были изготовлены по приказу императора Николая I и императрицы Александры Федоровны в качестве приданого императорских дочерей придворным краснодеревщиком Петром Гамбсом и его братом Эрнстом, и украшены фарфором Императорской мануфактуры»¹⁰.

Рис. 3. Шкаф-бюро.
Аукцион „Sotheby’s“.
6 июня 2017 г. Лот 426

⁹ Ботт И. К. Мебель из приданого вел. кнж. Александры Николаевны // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1997. С. 54.

¹⁰ Sotheby’s: Russian Works of Art, Fabergé & Icons: auction, 6 June 2017 [A catalogue]. Lot 426. См.: [Электронный ресурс] URL: <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2017/russian-works-of-art-faberge-icons-117113/lot.426.html> (дата обращения 15.08.2019).

Став кронпринцессой, а затем и королевой Вюртемберга, вел. кнг. Ольга Николаевна всю жизнь провела в его столице — Штутгарте, где до сих пор о ней хранят добрую память. К счастью, до наших дней дошел большой массив изображений интерьеров дворцово-замковых комплексов, принадлежавших королевской семье. Речь идет о так называемом «Альбоме королевы Ольги»¹¹, в котором с документальной точностью и во всех подробностях запечатлена обстановка залов и гостиных Нового Замка в Штутгарте, виллы Берг, дворцов в Бебенхаузене, Людвигсбурге и Фридрихсхафене, а также тех, в которых королева Ольга останавливалась во время своих путешествий. Этот альбом содержит около сотни акварелей и гуашей, которые по ее заказу выполняли разные художники на протяжении почти 50 лет. На одной из страниц изданной в Германии книги «Приданое царских дочерей» удалось обнаружить черно-белое воспроизведение акварели из «Альбома королевы Ольги» под названием «Кабинет кронпринцессы Ольги в Новом Замке Штутгарта в 1846–1854 гг.»¹² (рис. 4). Автор этой акварели — немецкий художник и литограф Иоганн Каспар Обах (Johann Caspar Obach), (1807–1868). Добротный мастер интерьерного жанра, он в 1850-е гг. принимал участие в создании «Альбома королевы Ольги» и исполнил для него немало композиций. На этой акварели справа на дальнем плане четко видны узнаваемые формы закрепленного на стене шкафчика и консоли под ним. Появилась надежда, что принцип предельной достоверности в передаче всех деталей, лежащий в основе интерьерной живописи, мог бы позволить найти ответ на вопрос: является ли предмет из коллекции Константиновского дворца тем же самым, который изображен на акварели Обаха.

Рис. 4. И. К. Обах. Кабинет кронпринцессы Ольги в Новом Замке Штутгарта в 1846–1854 гг. Альбом королевы Ольги

¹¹ Хранится в Государственной картинной галерее г. Штутгарта (Германия).

¹² Die Mitgift einer Zarentochter — Meisterwerke russischer Kunst des Historismus aus dem Besitz der Hessischen Hausstiftung Museum Schloss Fasanerie. 1997. S. 66.

Рис. 5. Шкаф-бюро на консоли, принадлежавший вел. кнг. Анне Павловне, в интерьере гостиной замка Хет-Лео (г. Апелдорн, Нидерланды)

Но, к сожалению, при полном подобии форм, сравнение жанровых композиций на фарфоровых пластах их откидных дверец при допустимом увеличении без потери качества, не позволяет признать их безоговорочно идентичными. Это можно объяснить тем, что художник в принципе не мог при таком большом уменьшении реального прототипа воспроизвести точно в деталях композицию росписи на откидной дверце и сделал ее эскизно. Но то, что эти композиции обладают явным сходством, вполне очевидно. Поэтому версия о том, что на акварели Обаха может быть запечатлен шкафчик из коллекции Константиновского дворца, отвергнута не была, но поиски иконографических материалов продолжались.

Разыскания шли в направлении изучения изображений интерьеров европейских дворцов, ставших местопребыванием российских великих княжон — супруг представителей европейских королевских домов. Так, в книге «Королевская страсть к искусству: Виллем II и Анна Павловна»¹³ удалось обнаружить фотографию гостиной, на которой присутствует еще один аналог данного шкафа-бюро (рис. 5). На ней хорошо видно, что изображение на фарфоровом пласте дверцы имеет свою оригинальную композицию, не схожую с теми, о которых уже шла речь. Гостиная же является одним из интерьеров замка Хет-Лео, который с конца XVII в. и до 1962 г. был загородной резиденцией монархов нидерландского королевства. В этой книге содержатся сведения о том, что он принадлежал вел. кнг. Анне Павловне, королеве Нидерландов¹⁴, и являлся подарком российской императрицы Александры Федоровны. Впоследствии он перешел ее племяннице и невестке — супруге короля Нидерландов Виллема III (1817–1890)

¹³ Une Passion Royale pour L'Art: Guillaume II des Pays-Bas et Anna Pavlovna. Villa Vauban, Luxembourg, 2014.

¹⁴ Анна Павловна (1795–1865) — дочь императора Павла I (1754–1801), супруга короля Нидерландов Виллема II (1792–1849) и сестра императора Николая I (1796–1855).

королеве Софии¹⁵. Местом его изготовления, как и иных аналогов, определена мастерская братьев Гамбс в Петербурге, а время — 1845 год — датой, которая проставлена на фарфоровом пласте рядом с инициалами «П. Н.» принадлежащими автору росписи художнику Павлу Нестерову¹⁶.

Так поиски иконографических прототипов с целью установления владелицы данного шкафчика, позволили выявить варианты его аналогов. Но окончательный ответ на вопрос о том, кому мог принадлежать шкафчик из коллекции Константиновского дворца, был получен из другого источника.

Несмотря на то, что предмет был всесторонне обследован в 2008 г. при поступлении в Константиновский дворец, и считалось, что все данные о нем известны, автор предпринял попытку еще раз тщательно изучить детали его конструкции в надежде отыскать тот «инвентарный знак», соотносимый с именем императрицы Александры Федоровны, который был упомянут в сопроводительной статье к нему в каталоге „Sotheby’s“. Так, на внешней поверхности нижнего полка¹⁷ шкафчика было обнаружено, ранее не отмеченное документально, выполненное черной тушью клеймо овальной формы, с заключенными внутри двумя буквами «АГ» под короной (рис. 6). Вероятно, сочетание этих букв вызвало у экспертов аукциона „Sotheby’s“ ассоциацию с инициалами «А» и «F». Однако эта версия не может быть признана верной, так как вензель императрицы Александры Федоровны с момента принятия ею православия в 1817 г. включал ее инициалы только в русской транскрипции. Тогда в русском алфавите существовали две буквы «Ф»: одна, имеющая привычное нам начертание, которая обозначалась в алфавите как «ферть», и другая — «фита»,

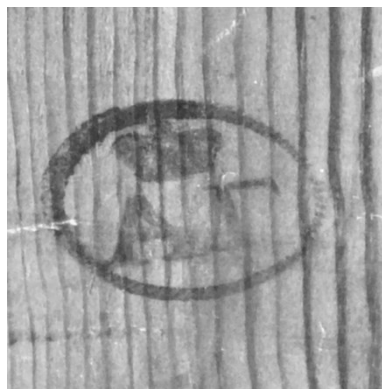

Рис. 6. Клеймо на нижнем полке шкафа-бюро из коллекции Константиновского дворца

¹⁵ София Фредерика Матильда Вюртембергская (1818–1877) — дочь короля Вюртемберга Вильгельма I (1781–1864) и вел. кнг. Екатерины Павловны (1788–1819), сестры императора Николая I.

¹⁶ Une Passion Royale pour L'Art... P. 212.

¹⁷ Полк — нижняя деталь конструкции корпусной мебели. Существуют понятия «боковой», «задний» и «нижний полк».

Рис. 7. Вел. кнг. Александра Георгиевна (1870–1891)

графически представляющая собой овал с волнистой линией посередине. По правилам орфографии того времени, в написании имени «Федор» и производных от него использовалась исключительно «фита». Таким образом, вензель императрицы Александры Федоровны содержит буквы «А» и «фиту». Именно такой вензель можно встретить на ее мемориальных вещах: печатях, экслибрисах, предметах из золота, серебра, стекла, фарфора, текстиля и других материалов, которые хранятся в коллекциях разных музеев России. Существовало несколько вариантов ее вензелей, отличающихся начертанием букв, но ни одного вензеля, где второй инициал был бы указан в соответствии с латинским алфавитом — «F», обнаружить не удалось.

Среди представителей венценосной семьи Романовых в период середины и второй половины XIX в. вензель «АГ» мог принадлежать лишь дочери короля Греции Георга I (1845–1913) и вел. кнг. Ольги Константиновны (1851–1926) — принцессе греческой и датской, вел. кнг. Александре Георгиевне (1870–1891) (рис. 7). В 1889 г. она вышла замуж за вел. кн. Павла Александровича (1860–1919), а спустя два с небольшим года скончалась во время преждевременных вторых родов¹⁸. Поскольку на своей новой родине она прожила совсем недолго, материальных следов ее пребывания в России почти не осталось и ее мемориальных вещей в российских музеях практически нет. Удалось найти сведения лишь об одном принадлежавшем ей предмете: это изданная во Франции в 1885 г. книга «De Nicopolis à Olympie, lettres à un ami», которая хранится в Фонде редкой книги ГМЗ «Царское Село». Ее обложку из темно-зеленого сафьяна украшает тисненый золотом вензель «АГ»¹⁹ (рис. 8). Несмотря на то, что композиция

¹⁸ Дети вел. кн. Павла Александровича и вел. кнг. Александры Георгиевны: вел. кнг. Мария Павловна Младшая (1890–1958) и вел. кн. Дмитрий Павлович (1891–1942).

¹⁹ Олимпийская тема помогла раскрыть тайну экслибриса. [Электронный ресурс] URL: <https://pushkin.ru/news/pushkin-news/olimpijskaya-tema-tajna-ekslibrisa-2662.html> (дата обращения: 14.08.2019).

букв этого вензеля отличается от композиции букв вензеля на штампе, проставленном на шкафчике (в первом случае буквы наложены друг на друга, а во втором расположены рядом), своеобразное графическое начертание одной из букв — «Г» — является идентичным на обоих вензелях. Буквы же «А» на этих вензелях не могут рассматриваться в сравнении друг с другом, так как в первом случае использован «прописной» вариант ее начертания, а во втором — «печатный».

Итак, в соответствии с обнаруженным на шкафе-бюро вензелем, его владелицей могла быть вел. кнг. Александра Георгиевна. Но как он мог оказаться в ее собственности, если был изготовлен в 1840-х гг.? Именно этот период его создания, помимо прочего, подтверждается наличием марки — вензеля «НІ» синего цвета на тыльной стороне фигурного фарфорового навершия и на ряде других деталей фарфорового декора. Он означает, что все его неотъемлемые составляющие произведены на Императорском фарфоровом заводе в С.-Петербурге в период правления императора Николая I. Кроме того, рассмотренные выше аналоги позволяют с полной определенностью заключить, что данный предмет входил в состав серии ему подобных, заказанных императорской четой придворным поставщикам братьям Гамбс в приданое дочерям и в качестве подарков близким родственникам.

Ответом же на вопрос о том, каким образом этот шкаф-бюро стал личной вещью великой княгини Александры Георгиевны, может стать предположение, что он был наследственной ценностью ее семьи (рис. 9). Подобный шкафчик могла получить в качестве свадебного подарка ее бабушка — вел. кнг. Александра Иосифовна в 1848 г., сочетаясь браком с вел. кн. Константином Николаевичем (1827–1892). И действительно, в «Описи вещам, приготовленным к бракосочетанию Ея Императорского высочества Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны» в разделе «Мебель» среди более чем четырех десятков предметов комплекта мебели для опочивальни отдельной строкой указано: «шкафов для бриллиантов — 2»²⁰. И хотя более подробную характеристику этих предметов, которая помогла бы точнее идентифицировать рассматриваемый

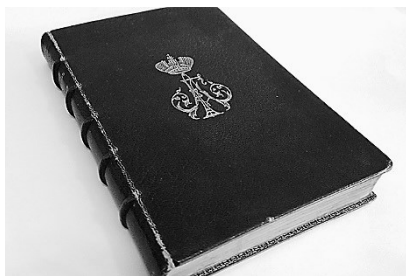

Рис. 8. Обложка книги с вензелем вел. кнг. Александры Георгиевны. ГМЗ «Царское Село». Фонд редкой книги

²⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 500. Л. 7.

Рис. 9. Вел. кнг. Александра Георгиевна, вел. кнг. Мария Павловна, вел. кнг. Александра Иосифовна (сидят слева направо), королева Эллинов вел. кнг. Ольга Константиновна (стоит)

шкаф-бюро с указанными в этой описи, она не содержит, данное предположение о том, как эта вещь оказалась личной принадлежностью вел. кнг. Александры Георгиевны, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве возможной версии.

Еще одним вопросом, который был рассмотрен в ходе уточнения атрибуции шкафа-бюро и серии его аналогов, стал вопрос об определении автора столь оригинального и высокохудожественного проекта. К сожалению, документов, которые сохранили для истории его имя, обнаружить не удалось. Однако стилистические и технологические приемы, использованные в создании этого маленького шедевра неорококо, дают основание высказать предположение, что автором мог быть выдающийся архитектор эпохи историзма, виртуоз неостилей Андрей Иванович Штакеншнейдер (1802–1865). Именно он стал создателем изящных интерьеров неорококо, в которых впервые появи-

лись предметы корпусной мебели, фанерованные шпоном розового дерева и украшенные фарфоровыми композициями²¹. К наиболее ранним из них можно отнести Розовую гостиную Зимнего дворца (1846–1847) и Собственную дачу — небольшой летний дворец в Петергофе, который в 1846–1850 гг. был перестроен архитектором для вел. кн. Александра Николаевича (1818–1881) и вел. кнг. Марии Александровны (1824–1880). Вся мебель для этих интерьеров — аналогичную по стилистике и материалам данному шкафу-бюро — выполнили в мастерской братьев Гамбс именно по эскизам А. И. Штакеншнейдера²². Учитывая ясно узнаваемый подчёрк великого архитектора и то, что равных ему в то время по высоте уровня профессионализма и таланта декоратора в создании мебели в стилистике неорококо не было, вполне вероятно предположить, что именно

²¹ Ботт И. К., Канева М. И. Русская мебель. История. Стили. Мастера. СПб., 2003. С. 298.

²² Там же. С. 299.

он и получил монарший заказ на подготовку эскизов мебели для будуара великих княжон, в которые и входили данные шкафы-бюро.

Фарфоровые пласти такого высокого качества, вправленные в откидную дверцу шкафчиков, могли быть выполнены в то время только на Императорском фарфоровом заводе, что подтверждается уже приведенными выше фамилиями работавших там художников — авторов живописных композиций на двух предметах этой серии: Николая Фролова и Павла Нестерова. Обе композиции, как выяснилось, имели прототипами полотна кисти одного из почитаемых императором Николаем I живописцев — академика Т. А. Неффа (1805–1876), которые входили в собрание картин Императорского Эрмитажа. Живописная композиция на фарфоровом пласте, украшающая дверцу интересующего нас шкафа-бюро, могла быть предположительно скопирована с одной из картин кисти бельгийского художника Базиля де Лоозе (1809–1885), которая и стилистически, и сюжетно более всего соответствует направлению именно его творчества. В собрание Императорского Эрмитажа в то время входила обширная подборка его картин, часть которых дошла и до нашего времени. Однако данная конкретная композиция ныне отсутствует: она могла быть изъята из коллекции в послереволюционный период в ходе передач художественных ценностей в другие музеи страны или известных распродаж 1920-х – 1930-х гг.

Н. В. Казанина

*Государственный Русский музей
Филиал «Мраморный дворец»*

Портреты владельцев в живописной коллекции Мраморного дворца

В Мраморном дворце в начале XX в. находилась одна из значительных живописных коллекций Петербурга. Ее собирало не одно поколение владельцев дворца. Живопись начал коллекционировать вел. кн. Константин Николаевич.

Свою собственную коллекцию собрал его сын, вел. кн. Константин Константинович, известный как поэт «К. Р.», в его собрании имелись признанные шедевры, которые он предоставлял на различные выставки. Все произведения искусств бережно хранились и передавались наследникам. Особое место в коллекции занимали портреты владельцев дворца и членов их семьи. Их берегли, как память о близких людях и напоминание о важных событиях в жизни семьи.

Летом 1918 г. Мраморный дворец был национализирован, а через год передан в ведение Института материальной культуры, со всеми его коллекциями. Для передачи художественных произведений была составлена их опись с указанием мест нахождения¹. По этому документу мы можем судить о том, какие семейные портреты находились во дворце. Согласно описи вестибюль второго этажа украшал «Портрет родителей и сестер Великой Княгини Александры Иосифовны» работы неизвестного художника. В настоящее время живописное полотно хранится в Государственном Эрмитаже, как «Групповой портрет семьи герцога Йозефа Саксен-Альтенбургского» кисти немецкого художника Йозефа Штилера². Портрет был написан в 1848 г., как памятный подарок семье вел. кнг. Александре Иосифовне в честь ее свадьбы. Альтенбургская принцесса Александра Фридрика Генриетта Полина Марианна Елизавета, принявшая после православного крещения имя Александры Иосифовны, прибыла в Петербург в 1847 г., как невеста вел. кн. Константина

¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 7. № 350. Материалы о передаче мраморного дворца в ведение ГАИМК картотеки на предметы искусства, скульптуру, фарфоровые изделия, картины, фото и др. находящиеся в Мраморном дворце.

² Йозеф Штилер. «Групповой портрет семьи герцога Йозефа Саксен-Альтенбургского». ГЭ. Инв. № ГЭ-5344.

Николаевича. После свадьбы Мраморный дворец становится домом для молодой семьи, и портреты близких украшают его залы.

На семейном портрете изображены, сидящими в креслах, родители великой княгини: мать — Амалия Вюртембергская, дочь герцога Людвиг Вюртембергского, и ее отец Иосиф Карл Фридрих Эрнест Герцог Саксен-Альтенбургский. За отцом стоят сестры: Александрина Мария Вильгельмина Екатерина Шарлотта Луиза Тереза Генриетта Полина Елизавета Фридерика Джорджина, супруга короля Ганновера Георга V, и Елизавета Паулина Александрина, ставшая женой великого герцога Ольденбургского Петра II. Рядом с матерью помещен большой портрет в золоченой раме с образом самой Александры Иосифовны, которая на момент написания картины находилась в России и готовилась к свадьбе. Перед Александрой Иосифовной стоит большая фарфоровая ваза с изображением на ней жениха — вел. кн. Константина Николаевича.

Портрет написан немецким художником Иозефом-Карлом Штилером, известным портретистом, работавшим при европейских дворах. В Мюнхене он был придворным художником при дворе Максимилиана I, где по заказу императора создал его портрет. Для короля Людвиг I И. К. Штилер создал знаменитую галерею красавиц во дворце Нимфенбург.

Портрет Альтенбургской семьи хранился как памятная реликвия и напоминал о тех событиях, когда Константин Николаевич впервые встретил принцессу Александру. Сохранилось письмо от 20 сентября 1846 г. императора Николая I к своему сыну Константину Николаевичу, гостившему в Альтенбурге: «С большой радостью мы получили сегодня твое письмо милый Костя, и видим из него, что надежды наши сбылись. Будем молить Бога, чтобы этот луч надежды осуществился тогда, когда ты к тому зрел будешь. Теперь имея Ее в виду, ты усугубишь старания бросить детские привычки, и делаться не только юношей, но и зрелым мужем, ибо иначе ты бы, не достоин был принадлежать ей, и не был бы в состоянии сделать ее счастье.

Пусть же она будет твоей звездой, твоим маяком, и мысль о ней доведет тебя через те годы, которые еще посвятить должен довершением своего воспитания. Дозволяю тебе остаться ненадолго в Альтенбурге, с условием вести себя прилично, осторожно, вежливо, и не позволять себе ничего выходящего из строгого учтивого порядка. Ежели и дойдет до объяснения, то дело может только касаться будущего, т. е. двух или трех лет. Ежели родители об этом сами говорить будут, ты можешь им изъяснить чувства, которые ты питать начинаешь, но ничего более; прибавя, что мы разрешили тебе на их вопрос отвечать, что мы с радостью об том узнали, как об залоге будущего твоего счастья; но что ты молод и ранее двух или трех лет об свадьбе и речи быть не может.

Этим должно покуда все между вами ограничиться, будущее впереди и настроится позднее»³.

С живописного полотна И. К. Штилера не раз писались портреты членов семьи. В приемной сына Александры Иосифовны, вел. кн. Константина Константиновича находился портрет бабушки, написанный с семейного портрета неизвестным художником. Рядом располагалось изображение ее супруга, в резной золоченой раме с короной, также кисти неизвестного живописца. Примечательно, что подобный портрет находился в Альтенбургском замке. Сохранилась фотография конца XIX в. одной из комнат замка, где можно видеть это полотно. Рамы у обоих портретов идентичны.

Изображения сестер Александры Иосифовны располагались в ее комнатах. Большой парадный портрет Александры Иосифовны работы Фридриха Августа фон Каульбаха находился в столовой. Полотно написано художником в Ганновере в 1857 г., когда великая княгиня приезжала навестить свою сестру Александрину Марию, супругу короля Ганновера Георга V. На портрете среди романтического пейзажа стоит Александра Иосифовна в белом бальном платье. На дальнем плане изображена скользящая по водной глади лодка, в которой сидят ее супруг вел. кн. Константин Николаевич и старший сын, Николай Константинович. Мальчик изображен в костюме-матроске. Сохранилась фотография вел. кн. Константина Николаевича с сыном, на которой мальчик запечатлен в подобном костюме. Картина экспонировалась на выставках в Мюнхене 1858 г. и Дрездене 1859 г.⁴ Сейчас живописное полотно хранится в Государственном Эрмитаже⁵.

Еще один прекрасный портрет Александры Иосифовны работы Винтергальтера находился в кабинете Константина Николаевича. Он был написан в 1859 г. во время путешествия супружеской четы по Европе. В дневнике Константин Николаевич упоминает о приезде художника в Ниццу 28 ноября 1858 г. для написания портретов его и супруги: «Винтергальтер начал портрет жены и с первых ударов кисти схватил сходство. Но долго возились с выбором места и освещения». В течение семи дней живописец плодотворно работал над портретами. В дневнике за эти дни великий князь оставил короткие записи: 1 декабря: «Винтергальтер весь день писал портрет жинки, который выходит удивительно похож», 2 декабря: «Винтергальтер начал писать мой портрет», на следующий

³ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Письма Николая I. 20 сентября 1846 г.

⁴ ГЭ. Собрание Западноевропейской живописи. Каталог Немецкая и австрийская живопись XIX–XX века. М., 1988. С. 145.

⁵ Фридрих Август фон Каульбах. «Портрет Великой княгини Александры Иосифовны». ГЭ. Инв. № ГЭ-7265.

день: «Винтергальтер продолжал мой портрет. Кажется, он будет тоже хорош», 4 декабря: «Винтергальтер писал утром жинку, после завтрака меня»⁶.

Портрет вел. кнг. Александры Иосифовны работы Винтерхальтера стал украшением кабинета Константина Николаевича в Мраморном дворе, копия этого полотна сейчас хранится в музее-заповеднике «Гатчина». Портрет Константина Николаевича сохранился только фрагментарно.

Художникам не раз заказывались копии с различных портретов великого князя. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранятся документы на оплату счетов за написание портретов Константина Николаевича художникам Ф. Клюгер, В. И. Гау, Е. И. Ботману⁷. Великому князю не раз приходилось позировать портретистам. В 1858 г. академику Н. Л. Тютрюмову был заказан портрет Константина Николаевича. Образцом послужил портретный фотоснимок, выполненный фотографом С. Л. Левицким. Н. Тютрюмов, «желая окончить портрет более удовлетворительным образом, осмеливался исходатайствовать один или два небольших сеанса, и в случае милостливого соизволения Его Высочества, назначить дни и часы, когда явиться с портретом и красками»⁸. Живописец был известен тем, что работал очень медленно и изводил своих заказчиков многими сеансами позирования. Но разрешение на сеансы от великого князя было получено.

Портрет вел. кн. Константина Николаевича, написанный художником А. Шершаковым, располагался в кабинете Константина Константиновича. Рядом с изображением отца находится портрет супруги Константина Константиновича вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны. На полотне молодая великая княгиня изображена в бальном кружевном платье. Шею ее украшает жемчужное ожерелье с большим изумрудом, на груди приколата такая же брошь. Автором полотна является дочь художника И. Н. Крамского Софья Юнкер-Крамская. К настоящему времени портрет утрачен, но сохранилась историческая фотография кабинета К. Р., где можно видеть это полотно.

Другой портрет Елизаветы Маврикиевны работы В. К. Штемлера 1909 г. размещался среди картин в приемной Константина Константиновича. Он был обрамлен в нарядную резную золоченую раму с амурами.

Супружеская чета не раз заказывала свои изображения. Портреты «Великого князя Константина Константиновича — президента Академии

⁶ Переписка императора Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем, 1857–1861; Дневник вел. кн. Константина Николаевича, 1858– 1861. / Сост. Л. Г. Захарова и Л. И. Тютюнник. М., 1994. С. 146–147.

⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 276. Лл. 25, 32, 34, 42.

⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 267. Л. 4.

наук» и портрет «Великой княгини Елизаветы Маврикиевны» были заказаны великой княгиней в 1906 г. художнику А. М. Леонтовскому. Портрет великого князя, согласно его завещанию, был передан в Академию наук, где сейчас и хранится. Портрет его супруги в данное время находится в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля.

Парные портреты Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны были заказаны художнику О. Э. Бразу для подарка сыну Олегу Константиновичу в честь его совершеннолетия. В настоящее время портреты находятся в коллекции Государственного музея-заповедника «Павловск». А. Н. Бенуа считал О. Э. Бразу одним из лучших портретистов своего времени. В Государственном Эрмитаже хранится акварельный рисунок художника. Это погрудное изображение вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны подобное портрету, подаренному князю Олегу⁹.

Живописные полотна часто меняли свое расположение во дворце. Князь Гавриил Константинович писал в воспоминаниях, что семейный портрет герцога Саксен-Альтенбургского, находившийся в 1919 г. в вестибюле второго этажа, в конце XIX в. Располагался в «семейных комнатах», где любила проживать его тетка Вера Константиновна (герцогиня Вюртембергская), когда приезжала в Петербург¹⁰.

После смерти вел. кн. Константина Константиновича, в связи с финансовыми проблемами семьи, коллекции, как и сам дворец, решено было продать в казну. Этот процесс затянулся по объективным причинам — Первая мировая война и Февральская революция. Дворец и отдельно находящиеся в нем коллекции перешли в ведение Временного правительства.

Оценка хранящихся во дворце художественных и исторических ценностей представляла особую сложность. Для осмотра художественных коллекций 13 июля 1917 г. во дворец прибыла комиссия в составе А. Н. Бенуа, В. И. Аргутинского-Долгорукова, К. П. Петрова-Водкина, С. Н. Тройницкого, С. П. Яремича. Она составила перечень художественных ценностей, которые с точки зрения экспертов, целесообразно было приобрести¹¹. В этот перечень кроме скульптуры, графики, прикладного искусства, вошли и живописные полотна, но большая часть произведений, в т. ч. семейные портреты, по мнению экспертов комиссии, не имела художественного значения.

⁹ Браз О. Э. «Портрет Великой княгини Елизаветы Маврикиевны, жены Великого князя Константина Константиновича». Акварель. ГЭ. Инв. № ЭРР-9290.

¹⁰ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: Воспоминания. М., 2005. С. 112.

¹¹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1142. О приобретении Мраморного дворца в собственность государства.

17 октября 1917 г. на заседании Временного правительства было принято решение о покупке Мраморного дворца¹². Все художественные собрания оставались на своих местах, в парадных залах второго этажа и квартирах бывших владельцев. Осуществиться этим планам помешала Октябрьская революция и последующая национализация имущества. Смена власти отразилась на истории здания и судьбе его коллекций. Указы, поступавшие в Мраморный дворец от различных Комитетов и Комиссариатов новой власти, отражены в документах, хранящихся в ЦГАЛИ СПб¹³. В октябре 1917 г. в Мраморном дворце оставалась жить Елизавета Маврикиевна с младшими детьми, а также располагались Комиссариат труда и Комиссия по управлению Мраморным дворцом.

15 ноября 1917 г. Комиссариат труда получил директиву от Совета народных комиссаров: «В виду решенного в принципе отчуждения дворцового имущества, представляющего художественную ценность и собственность народа, покорнейше прошу вас товарищ комиссар объявить владельцам Мраморного дворца, что продажа и вывоз имущества художественного характера, находящегося во дворце воспрещается. Председатель В. Ульянов (Ленин)»¹⁴. Через неделю, 12 декабря 1917 г., бывшим владельцам разъяснили, что «все имущество подлежит предварительному осмотру Художественной комиссии. Необходимо суждение о каждом предмете»¹⁵.

29 апреля 1918 г. по поручению художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце, ее представители: Н. Г. Пиатровский и П. П. Вейнер, в сопровождении тов. Э. Ерыкалова, осматривали имущество, «находящееся в квартирах, занимаемых бывшими владельцами Мраморного дворца, вдовою и детьми вел. князя Константина Константиновича, с целью выделения предметов, имеющих художественно-историческое значение и подлежащих передаче в народный музей»¹⁶. Такowymi эксперты признали только двадцать предметов живописи и скульптуры. «Остальные находящиеся в осмотренных помещениях предметы представляют исключительно рыночную ценность или столь условно-художественную, что члены художественной комиссии затрудняются допустить их пригодность для помещения в музей;

¹² Мантуров М. В. История Мраморного дворца и его владельцев в 1917 г. По новым архивным материалам. // Страницы истории отечественного искусства: Сборник статей по материалам научной конференции (Русский музей, Санкт-Петербург, 2012). СПб., 2012: Выпуск XX. С. 224.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 4.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 7.

большая же часть вещей является предметами личного обихода или семейной памяти»¹⁷.

Выводы экспертов не удовлетворили Народный комиссариат имущества республики. Поэтому, для описи вещей направили новую комиссию во главе с В. Я. Курбатовым, которая составила новый перечень на все ценные предметы, находящиеся в квартирах жильцов, после чего бывшим владельцам и членам их семей предписано было покинуть Мраморный дворец. А «дворцовое имущество, значащееся в дворцовых описях и находящееся в комнатах или квартирах бывших, или настоящих служащих дворца или частных лиц, остаются, безусловно, за дворцом. Вещи, находившиеся в таких же помещениях, имеющие художественное значение, но не внесенные в описи дворца, временно остаются на хранении во дворце»¹⁸.

Весной 1919 г. дворец со всем имуществом был передан Российской Академии материальной культуры¹⁹. Большую часть картин перенесли в помещение церкви, некоторые остались в залах дворца, где разместились рабочие кабинеты служащих академии.

Наиболее значимые в художественном отношении произведения живописи в 1930-е гг. поступили в Музейный фонд, откуда полотна направлялись в различные музеи.

Семейный портрет герцога Саксен-Альтенбургского в 1928 г. был передан в Государственный Эрмитаж. Портрет вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны кисти художника А. М. Леонтовского в 1929 г. пополнил коллекцию живописи Омского областного музея. Во дворце оставалось еще значительное количество живописных произведений, не признанных экспертами пригодными для советских музейных коллекций.

Дирекция Академии материальной культуры 22 декабря 1929 г. обратилась в финансовый отдел Народного комиссариата просвещения за разрешением реализовать «в качестве госфондов немусейного значения бывшую дворцовую обстановку»²⁰. Для этой цели был представлен полный список дворцового имущества подлежащего реализации, где каждый предмет был оценен экспертами-оценщиками Конторы «Антиквариат» Наркомторга «на предмет их продажи с целью рациональной замены их из вырученных сумм, предметами оборудования, отвечающими требованиям производства Академии»²¹.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. 1924 г.

²⁰ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 71. Л. 62. 1930 г.

²¹ Там же. Л. 62.

Портрет вел. кнг. Александры Иосифовны Ф. Каульбаха в 1931 г. поступил в Эрмитаж уже через контору «Антиквариат». Оставшиеся картины, в т. ч. почти все изображения членов семьи, были проданы частным лицам и служащим учреждения за бесценок. Проследить их дальнейшее бытование не представляется возможным.

Портреты владельцев Мраморного дворца разделили судьбу многих живописных полотен из частных коллекций. Часть из них вошла в состав коллекций различных музеев, утратила связь с Мраморным дворцом и его историей, и хранится как живописные произведения художников второй половины XIX в.

Выявленные в ходе исследования архивные документы дают возможность восстановить историю создания и бытования семейных портретов из собрания Мраморного дворца и события, связанные с этими произведениями искусства.

П. А. Головнин

Независимый исследователь

Из писем и документов Ильи Зеленого — воспитателя сыновей великого князя Константина Николаевича

14 июля 1865 г. лейтенант Илья Александрович Зеленой (1841–1906) личным приказом его императорского высочества генерал-адмирала Константина Николаевича был назначен воспитателем его сына — вел. кн. Константина Константиновича. В дальнейшем на его плечи легла обязанность воспитывать и младшего сына генерал-адмирала — Дмитрия Константиновича.

Выбор флотского офицера на роль воспитателя был неслучаен. Вел. кн. Константин Николаевич мечтал о преемнике, о сыне-моряке. И. А. Зеленой происходил из славной морской династии, которая дала России больше десяти адмиралов. Потомственные дворяне Зеленые были внесены во II часть Родословной книги Псковской губернии. Скорее всего, на флоте служить они стали еще при Петре I. Во всяком случае, оставшийся от предков офицерский морской мундир времен Анны Иоанновны отец И. А. Зеленого передал в Морское ведомство — очевидно, для музея¹. Герб Зеленых, в котором присутствует морская тематика, можно увидеть в Гербовнике 1822 г.: «Щит разделен крестообразно на 4 части; в 1-й правой — в голубом поле влево — обращенное серебряное полулуние; во 2-й левой — в золотом поле распущенное черное крыло; в 3-й правой, в серебряном поле — морские волны, на которых плавают дельфин, а за ним виднеется якорь; в 4-й левой, в зеленом поле — три золотых снопа. На щите — дворянские шлем и корона, на которой 3 белых страусовых пера. Намет справа — голубой, слева — зеленый, подложен золотом. Щитодержатели: 2 рыцаря с копьями».

Служба на российском флоте часто была семейным делом. Чтобы не путать офицеров-однофамильцев, было заведено присваивать им порядковые номера по старшинству. Отец Ильи Александровича,

¹ «2.05.1871 г. Милостивый Государь Илья Александрович. По поручению Временно управляющего Морским Министерством, честь имею принести Вам от имени Министерства искреннейшую благодарность за принесение в дар Морскому Министерству морского офицерского обмундирования времени Императрицы Анны Иоанновны. Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности. К. Манн». // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3229. Л. 3.

Александр Ильич², в «Общем морском списке» числился как Зеленой 3-ий. Окончив Морской корпус, он остался там преподавать математику и в дальнейшем всю жизнь посвятил воспитанию будущих моряков. Как свидетельствовал известный писатель-маринист К. М. Станюкович, он был «любим и уважаем несколькими поколениями кадет... Александр Ильич был добр и гуманен и не видел в отроках, хотя бы и испорченных, неисправимых преступников... Он понимал детскую натуру и умел прощать, не боясь этим поколебать свой авторитет, и на совести этого доброго человека не было ни одного загубленного существа»³. Несомненно, репутация и личные качества отца Ильи Александровича повлияли на выбор генерал-адмирала.

Илья Александрович Зеленой, который стал называться Зеленым 4-м, получил образование в Морском корпусе, а по его окончании был отправлен в кругосветное плавание на клипере «Абрек». В июне 1860 г. он был назначен флаг-офицером к начальнику эскадры контр-адмиралу Попову⁴. Однажды молодой офицер был экстренно отправлен из Николаевска-на-Амуре с докладом в Петербург к генерал-адмиралу Константину Николаевичу, а затем отослан обратно. Расторопность Зеленого 4-го была оценена по достоинству: он не только получил следующий чин, но и был награжден орденом Св. Станислава 3 ст. 15 августа 1864 г. Зеленой 4-й был назначен флаг-офицером к его императорскому высочеству генерал-адмиралу.

В послужном списке 8 Флотского экипажа капитана 2 ранга Ильи Зеленого 4-го, составленном 1 января 1877 г., отмечено: «Назначен воспитателем к великому князю Дмитрию Константиновичу и оставлен при великом князе Константине Константиновиче. 5 октября 1876 г. сопровождал по приказанию генерал-адмирала великого князя Константина Константиновича на эскадру в Смирну, служил на фрегате «Светлана» под командованием великого князя Алексея Александровича с 10 по 17 сентября 1876 г. на Смирнинском рейде, а окончив поручение,

² Зеленой Александр Ильич (1809–1892) — генерал-лейтенант корпуса флотских штурманов, член Адмиралтейств-совета. Преподаватель Морского кадетского корпуса и Офицерских классов (Николаевской морской академии), начальник Технического училища Морского ведомства. Действительный член Русского географического общества. Послужной список А. И. Зеленого: РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3655. Лл. 3–6.

³ Станюкович К. М. Маленькие моряки. Из воспоминаний о Морском корпусе. // Он же. Собрание сочинений: в 10 тт. М., 1977. Т. 4. С. 241.

⁴ Попов Андрей Александрович (1821–1898) — адмирал, флотоводец и кораблестроитель. В 1862–1864 гг. — командующий эскадрой Тихого океана, которая посетила США во время Гражданской войны. Под руководством адмирала А. А. Попова были построены первый в России броненосец «Пётр Великий», броненосцы береговой обороны «Новгород» и «Вице-адмирал Попов» («поповки»), императорская яхта «Ливадия».

прибыл в СПб 25 сентября 1876 г. Всемилоостивейше пожалован орден Св. Владимира 4 ст. 27 марта 1877 г. В 1877 г. на корвете «Варяг» под командою капитана 1 ранга Брылкина с 25 мая по 20 августа в плавании по Балтийскому морю. Состоит при великом князе Константине Константиновиче воспитателем; кавалер орденов: Св. Владимира 4 ст., Св. Станислава 2 ст. с Императорскою короною, Св. Анны 2 ст.; пожалован иностранными орденами: Греческого Спасителя командорского креста; Саксен-Альтенбургского Эрнестинского большого командорского креста; Виртембергский Фридриха командорского креста; Шведский Вазы 3 ст.; Датского Данеброга 3 ст.; Французский Почетного легиона командорского креста. Получает жалование: 900 рублей, добавочные 300 руб., от Двора великого князя генерал-адмирала 2940 руб.; по должности флигель-адъютанта 540 руб. в год»⁵.

Когда вел. кнн. Константин Константинович и Дмитрий Константинович повзрослели, генерал-адмирал поощрил их воспитателя за добросовестную службу. «Высочайшим приказом по флоту от 10 августа 1878 г. Зеленой 4-й был назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Прикомандирован для довольствия к Гвардейскому Экипажу 3 сентября; награжден орденом Почетного Легиона командорского креста 27 октября. Высочайшим приказом по флоту за отличие по службе произведен в капитаны 2 ранга с оставлением в звании флигель-адъютанта 26 ноября 1878 г.»⁶.

После этого еще некоторый период И. А. Зеленой оставался «при великом князе Дмитрие Константиновиче», а впоследствии стал гофмейстером — заведующим двором (делами) вел. кн. Константина Константиновича. В 1882 г., например, он вступил в переписку с издателями по поводу публикации стихов своего подопечного — молодого поэта, скрывавшего свое имя за криптонимом «К. Р.». При этом в обращении к издателю А. Н. Пыпину⁷ Зеленой писал: «Прилагаемое при сем стихотворение написано великим князем Константином Константиновичем. Он желал бы видеть его напечатанным в июльском номере «Вестника Европы», прошу Вас со всею откровенностью и без всякого стеснения уведомить меня и возвратить стихотворение, если найдете его или недостойным или не подходящим под программу Вашего журнала, если же печатание признаете удобным, то пожалуйста, не изменяйте ни единого слова и подпись оставьте две буквы КР.»⁸. По поручению вел. кн. Констан-

⁵ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 781. Лл. 349–354.

⁶ Там же.

⁷ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — литературовед, этнограф, вице-президент Академии наук.

⁸ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 349. Л. 1. Там же, лл. 2–5: «3 июля 1882 г. <...> Его высочество Великий князь Константин Константинович поручил мне выразить Вам Его

тина Константиновича И. А. Зеленой вел переписку с известным коллекционером Н. П. Собко⁹, историком А. В. Половцовым¹⁰, другими лицами¹¹. Также он хлопотал перед вел. кн. Дмитрием Константиновичем за офицеров, которые хотели бы поступить в Конную гвардию¹².

В период службы при вел. кн. Константине Николаевиче И. А. Зеленой женился¹³. Своего второго сына он назвал Константином

благодарность за помещение в августовской книжке стихотворения и присылку отдельных оттисков, и доставить Вам еще Его стихотворения для помещения буде найдете возможным в сентябрьской книжке Вашего журнала, если признаете их подходящими и годными для напечатания, то Его Высочеству в особенности хотелось бы чтобы они попали в сентябрьскую книжку». «17 августа 1882 г. Милостивый Государь Многоуважаемый Александр Николаевич. Его высочество Великий князь Константин Константинович ничего не имеет против того, чтобы стихотворения Его были помещены в конце отдела, лишь бы они появились в книжке, выходящей 1 сентября; то же самое, что теперь пишу. Илья Зеленой».

⁹ Собко Николай Петрович (1851–1906) — историк искусства и библиограф. Письмо от 21 ноября 1890 г. уведомляет Н. П. Собко о том, что великий князь Константин Константинович разрешает снять фотографии с картины «Осада Свято-Троицкой Лавры» из собрания Преображенского полка на Кирочной. ОР РНБ. Д. 1073. Л. 1.

¹⁰ Половцов Анатолий Викторович (1849–1905) — историк, заведующий общим архивом Министерства императорского двора. Письмо от 2 марта 1901 г.: «Великий князь Константин Константинович, получив присланные весьма интересные печатные труды Ваши, поручил мне очень благодарить Вас, и просил передать благодарность Его Высочества за фотографии с картины художнику Флейшеру». ОР РНБ. Ф. 601. Д. 418. Л. 1.

¹¹ Письмо от 16 марта 1900 г. адмиралу Н. В. Копытову: «Великий князь очень тронут Вашим вниманием, и искренне благодарит за присылку Вашего сочинения, но замедлил ответом, потому что хотелось прежде брошюру прочитать. Очень интересно и верно излагаете Вы способ обуздания англичан и тогда весьма вероятно мир и наступил бы. Пользуясь случаем свидетельствовать Вам и супруге Вашей мое почтение и душевный привет. Илья Зеленой». РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

¹² Письмо И. А. Зеленого А. И. Вакселию от 15 июня 1891 г.: «В среду в Павловске получил Ваше письмо, а в четверг приехала Королева Греческая и для Ея встречи из лагеря приехал великий князь Дмитрий Константинович, и я мог ему не откладывая сообщить о поданном Савинским прошении поступить в Конную гвардию, на встрече был и великий князь Павел Александрович, но не знаю, передал ли ему Дмитрий Константинович тотчас же или сделает это в Красном, во всяком случае я с своей стороны сделал все что мог, и теперь только сердечно и искренне делаю успеха в этом». ОР РНБ. Ф. 124. Д. 1746. Л. 1.

¹³ Из послужного списка: «Женат на дочери д. ст. с. Александре Николаевне Митусовой с 26 января 1870 г. и имеет детей: Александра (2.12.1870–), Константина (13.04.1875–), Анфису (27.06.1873–), Надежду (5.12.1876–); жена и дети православного вероисповедания». О близости к придворной конторе великого князя

в честь генерал-адмирала. Интересно, что первым в семье в честь вел. кн. Константина Николаевича был назван младший брат Ильи Александровича. Тогда генерал-адмирал был записан воспитателем его от купели и прислал матери нового крестника бриллиантовые серьги¹⁴.

В бытность воспитателем вел. кнн. И.А. Зеленой регулярно докладывал их отцу, великому князю Константину Николаевичу, о самочувствии, учебе, занятиях детей. Эти письма свидетельствуют о высокой степени ответственности воспитателя и большом доверии вел. кнн. по отношению к Илье Александровичу Зеленому.

**Письма И. А. Зеленого
вел. кн. Константину Николаевичу¹⁵**

27 июня 1869 г.

Ваше Императорское Высочество. Прежде всего, я должен успокоить Вас, что нет ничего опасного, у Дмитрия Константиновича открылась корь; еще 24 числа упросил он поехать на воды брату водную ванну, днем ходили гулять, и он весело играл, а к вечеру у него начала болеть голова и сделался маленький жар; 25 утром было немного получше, но на ванны не ездили, а после полдня жар стал очень усиливаться и он все лежал, вечером доктор начал беспокоиться, не готовится ли какая-нибудь серьезная болезнь, но ночь на 26 он спал довольно хорошо, хотя жар был сильный; 26 числа когда посылали депешу, чтобы поздравить Ваше высочество, я не упомянул о болезни, чтобы не беспокоить и не испугать Вас, сыпь уже покрыла лицо и начала показываться на теле, когда стало уже совершенно ясно, что это корь, я сегодня утром послал депешу известить Великого князя и упомянул, что послал вам письмо, не рискуя беспокоить телеграммой; 26 числа весь день Дмитрий Константинович находился в лихорадочном состоянии, празднества в городе уже заранее заготовленные по случаю для рождения Вашего высочества и необходимость хотя краткого присутствия на них Константина Константиновича, привели состояние моего духа в такое положение, что я никак не мог писать Вам; ночь с 26 на 27 число Дмитрий Константинович почти не спал, пульс доходил до 120, температура тела 40,1 Цельсия, все тело покрылось сыпью, на ногах меньше всего, более всего

Константина Николаевича говорит такое объявление: «Илья Александрович и Александра Николаевна Зеленые просят пожаловать на бракосочетание сестры их Марии Николаевны Митусовой с бароном Алексеем Эдуардовичем Рамзай 30 сего апреля в 12 ½ часов, в церковь Дворца Е.И.В. Великого Князя Константина Николаевича». // ОР РНБ. Ф. 120. Д. 694. Л. 1.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 8183. Лл. 3–6.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 361. Лл. 1–58.

на лице и шее. Доктор ни на минуту не уходил и спит в той же комнате, Константин Константинович отделен в другую комнату и продолжает купаться и занятия; сегодня к полудню Дмитрию Константиновичу стало гораздо лучше, пульс упал до 98, температура 38°, и доктор говорит, что лучше болезнь не может идти. Ваше Императорское Высочество, не беспокойтесь, пожалуйста, хотя материнских ласк мы, конечно, заменить ничем не можем, но все что только зависит от нас, то будем делать, и я надеюсь, что Дмитрий Константинович скоро поправится; он и теперь очень бодр и лежа в постели все спрашивает, когда ему можно будет встать. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

17 июля 1869 г. Старая Русса

Ваше Императорское Высочество. Здоровье великих князей теперь совершенно хорошо, в субботу 12 числа Дмитрию Константиновичу была сделана первая мыльная ванна, 14 он имел еще ванну с прибавкою перегона сосновых игл, и наконец, 15-го числа доктор выпустил его в первый раз на воздух, этого нельзя было бы сделать так скоро, если бы не стояла такая жаркая погода. Все время не менее 23° в тени, ванны продолжают ему делать и теперь из перегона сосновых игл, только дома, в вокзал он не ездил, всех ванн с нашего приезда у него будет 25; у Константина Константиновича 42, последняя будет в субботу 19 числа, а затем 23-го в среду на той недели мы возвращаемся в Павловск, я постараюсь устроить переезд так, чтобы не быть ночью в пути. Мне кажется, что после кори, Дмитрий Константинович стал бодрее и крепче нежели был; Константин Константинович после довольно долгих упражнений, наконец, выучился ездить на двухколесном велосипеде, которые ему подарила Ея Величество. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

26 июля 1869 г. Павловск

Ваше Императорское Высочество. Великие князья совершенно здоровы и благополучно прибыли в Павловск 24 в 8 часов вечера. В среду 23 в 8 часов вечера, провожаемые городским населением и толпами народа, великие князья выехали в экипажах, так как река в Старой Руссе к концу лета настолько мелеет, что пароход останавливается в 7 верстах от города; погода была великолепная, и провожание было очень трогательно, к 9 часам прибыли на пароход, великим князьям в каюте поставили кровати и они спали как дома; пароход же снялся в 3 часа ночи и к 7 часам утра 24 числа мы были в Новгороде; сейчас же отправились к городскому голове пить чай, а потом ездили в Антоньевский монастырь, в училище, где читаются педагогические курсы для приготовления сельских учителей и в детский приют великого князя Николая Николаевича, к 10 часам были на пароходе и отправились далее; губернатор

д. ст. с. Лерхе с своими маленькими сыновьями сопровождал на пароходе до Волховской станции, куда прибыли в 2 часа пополудни; в 3 часа пароход тронулся и в 7 часов мы вышли в Колпино, откуда уже в экипажах в 8 часов вечера прибыли в Павловск; вчера 25 числа совершенно устроились и сегодня начали уже занятия. Погода стоит прекрасная и Великие князья очень рады возвращению своему в Павловск. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

9 августа 1869 г.

Ваше Императорское Высочество. Великие князья совершенно здоровы, погода стоит такая хорошая и теплая, ночью не менее 15° тепла. Что доктор позволил купаться в холодной воде, и уже несколько раз купались в ванне внизу перед дворцом, температура воды готовится 17°, Великие Князья очень любят это купание, но я им позволяю оставаться в воде только от 3 до 5 минут. Сегодня был детский бал в Розовом павильоне устроенный М. П. Сумароковой, детей было очень много и все очень мило танцевали, Константин и Дмитрий тоже танцевали и кажется им было очень весело, был от 1 до 5 часов дня, с больших и маленьких брали по 1 рубля за вход, Марья Павловна сама всем распоряжалась и все время присутствовала; я очень рад, что Константину удалось повеселиться накануне дня своего рождения, который ему придется проводить нынче не очень весело в одиночестве; на днях я предполагаю свозить великих князей к великой княгине Александре Петровне, так как теперь уже кончился карантин. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

9 июля 1870 г. Царское Село

Ваше Императорское Высочество. Простившись с Вами в Колпино, великие князья поехали прямо домой, чтобы не торопясь поспеть к обеду и успеть уложиться Константину Константиновичу; 3 числа погода была довольно холодная и очень ветреная, и так как у Дмитрия Константиновича был порядочный насморк, то я побоялся взять его в Кронштадт, и он провожал брата до парохода «Стрельна», на который мы все отправились из Павловска на двухчасовом поезде, Дмитрий Константинович тотчас же возвратился в Павловск с А. И. Наманским на 4-часовом поезде, а мы пошли в Кронштадт. На «Стрельне» были: В. А. Корсаков и маленький Мольда. На большой рейд пришли в 5 ½ часов, и тотчас переправились на фрегат, причем довольно трудно было выскочить из катера на трап вследствие сильного волнения; в 6 часов обедали у Корсакова, Константин Константинович сидел по правую руку Воина Андреевича, с другой стороны коего сидел командир; начинали подавать с командира, так что Константин Константиновичу приходилось предпоследним. После обеда опять съехали с фрегата на пароход «Стрельна» на котором подошли к воротам Средней

Гавани. Здесь Воин Андреевич с Константином Константиновичем съехали на берег, чтобы идти к С. С. Лесовскому. Я же остался на пароходе и тут окончательно простился с Константином Константиновичем и отправился в СПб. На другой день 4-го числа, фрегат ушел в море, а мы к обеду перебрались в Царское Село в комнаты бывшие Павла Александровича близ Китайской; Дмитрий Константинович здесь вполне доволен, целый почти день на воздухе на маленькой ферме, ходит гулять и кататься с Государыней, которая так добра и внимательна к нему и ко всем нам; погода эти дни стояла очень хорошая и жаркая. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

19 июня 1860 г. Царское Село

Ваше Императорское Высочество. Дмитрий Константинович слава Богу совершенно здоров и все его здесь в Царском Селе очень любят. 10 числа, узнав о прибытии фрегата «Громобой» в Кронштадт, я, с разрешения Ея Величества, ездил туда с Дмитрием Константиновичем; в Кронштадт мы пришли на пароходе «Стрельна» к 2 часам, Воин Андреевич с Константином Константиновичем приехали на катере за нами на пароход; великому князю жизнь на фрегате очень нравится и он жалеет, что уже 1 июля должен возвратиться; Воин Андреевич сказал мне, что он им вполне доволен, желал бы только побольше любознательности, он мало спрашивает о незнакомых ему вещах; на фрегате мы обедали и пробыв до 4 часов возвратились в СПб. Дмитрию Константиновичу так понравилось на фрегате, что он с сожалением поехал домой; они были очень рады увидаться и рассказам не было конца, Константин Константинович, всюду совершенно самостоятельным человеком водил нас, и все показывал, при нас же прибыли на «Громобой» волонтеры, за которыми фрегат собственно и зашел в Кронштадт. Вследствие сырой погоды здесь в Царском, переезд в СПб все откладывался, теперь назначен на 21 число. Дмитрий Константинович каждый день три раза гуляет с Императрицей, остальное свободное время проводит на маленькой ферме, так что в своих комнатах бывает только во время уроков, теперь значительно уменьшившихся числом, одни бывают только одновременно с уроками Великий Князь Сергей и Павла Александровичей, которые вообще гораздо меньшего нашего учатся. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

9 июля 1870 г. Александрия

Ваше Императорское Высочество. Дмитрий Константинович немного кашляет, он переехал сюда из Царского 21 июня, помещение здесь прекрасное, нам отдали весь сельский домик, в котором собственно живет великий князь Владимир Александрович. Константин Константинович, согласно Вашему приказанию, возвратился сюда с фрегата «Громобой»

1 июля, я за ним ходил на пароходе «Стрельна» в Кронштадт вместе с Дмитрием Константиновичем и Тенгоборским и на другой день 2 июля Государь делал смотр и маневры эскадры в Кронштадте, и взял с собой Константина Константиновича, мы отправились в 10 часов утра из Александрии и вернулись только в 8 часов вечера, так что целый день провели на пароходе «Штандарт»; Государь кроме других судов был на фрегате «Громобой» смотрел каюту, где помещался Константин Константинович и его такелажные работы. Маневры были очень удачны, и Его Величество остался очень доволен. Здесь Константин Константинович поместился опять с братом в комнате и жизнь пошла по-прежнему. Великая княжна Марья Александровна с своими братьями Сергеем и Павлом отправились в 3 часа в Выборг на водопад Иматру; наших великих князей тоже очень хотели взять, но нашлись препятствия в слишком большой многочисленности общества. Погода прекрасная, начали каждый день купаться у Монплезира, учитель гимнастики Савельев присутствует при купании и учит плавать. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

23 июля 1870 г. Александрия

Ваше Императорское Высочество. За несколько дней до приезда великого князя Владимира Александровича из-за границы, а именно 18 июля, великого князя перевели из сельского домика в Александрии во второй готический дом, так что теперь сообщение с Александрией постоянно приходится иметь на экипаже. 16 числа великий князь ездил с Государыней в Ропшу, оттуда два раза ездили на маневры, вследствие всех этих переездов и торможений Дмитрий Константинович никак не может расстаться с кашлем и насморком, так что теперь доктор запретил ему выходить из комнаты позже 8 часов вечера; даже вчера 22 числа он не ездил на иллюминацию; вследствие этой меры и лекарств ему стало делаться лучше. Константин Константинович совершенно здоров, каждый день купается и выучился уже порядочно плавать. У великого князя Сергея и Павла Александровичей теперь вакансии до 1 августа, а потому и у нас почти нет никаких уроков. 22 числа они сказали Ея Величеству стихи Константина Константиновича, всю оду Державина «Бог», а к 27 они готовят Государыне сюрприз квартет, Сергей и Павел Александровичи в 4 руки на фортепьяно; Константин Константинович на виолончели, а Дмитрий Константинович на скрипке; теперь каждый день делаем репетиции; я надеюсь, что пойдет хорошо, хотя этого довольно трудно достигнуть, т. к. великие князья далеко отстали от наших в музыкальном отношении вообще. Погода здесь стоит все время жаркая и хорошая. Предполагается поездка Императрицы в Крым, до сих пор еще вследствие войны неизвестно состоится или нет. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

8 августа 1870 г.

Ваше Императорское Высочество, с того момента, как получили от Вас приказание быть готовыми к отъезду между 10 и 15 числами, начали деятельно собираться, и вслед за депешей, быть к 14 числа в Одессе, ездили ко всем прощаться и стали перебираться в СПб; все вещи были уже в вагоне ж. д. когда пришла отмена, так что все снова возвратили сюда и теперь еще не совсем устроились. Великие князья теперь оба слава Богу совершенно здоровы, кашель у Дмитрия Константиновича все несколько докторам, а именно Карелко, Здекауеру, Бютиху и Коллану вместе, исследовать причину; они не наши ничего особенного, только предписали по утрам железную воду, а по вечерам зельтерскую с молоком и носить тонкую нательную рубашку, меры эти весьма скоро привели к окончательному выздоровлению. Квартет приготовлявшийся к 27 июля выполнен был чрезвычайно удачно, Государь и Императрица были очень довольны и в особенности восхищались Дмитрием Константиновичем. Купаться дней семь как перестали вследствие холодной погоды, которая стоит с удивительным постоянством. Отмена поездки в Крым очень опечалила великого князя, вместе с тем им очень жаль, что они не приготовили к Вам писем, т. к. сами предполагали ехать, а по получении известия, уже не было возможности. Теперь по желанию ея Величества мы будем продолжать жить в СПб, и переберемся в Павловск за несколько дней до Вашего прибытия. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

10 июля 1872 г. Транзунд

Ваше Императорское Высочество. Великие князья слава Богу совершенно здоровы, 4–6 числа мы простояли на Кронштадтском рейде, фрегат грузился углем; кроме занятий на фрегате, ездили осматривать батарею Константин и фрегат «Адмирал Чичагов». 7 числа перешли под парами в Транзунд, немного покачало, так что Дмитрий Константинович чувствовал себя не совсем хорошо, но затем, по прекращении качки, быстро оправился. 9 вечером возвращались их этой поездки на Имантру, куда отправились 8 числа рано утром, а по возвращении воспитанников, которые совершают это путешествие пешком, уходим отсюда по Северным портам. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

16 июля 1872 г. Гельсингфорс

Великие князья совершенно здоровы, 10 и 11 числа продолжали стоять на Транзундском рейде и осматривали броненосные суда. С 11 на 12 в ночь ушли в Рогенсальм, куда прибыли 12 в 2 часа пополудни; ездили на Кюменский водопад и вообще осматривали все достопримечательное; 13 вечером снялись с якоря и 14 в 6 часов утра пришли

в Гельсингфорсе, погода все время благоприятствовала нам, и не было ни малейшей качки, здесь простоим до 18 числа. Между службой и занятиями у великих князей довольно времени и для развлечений, так в Рогенсальме купец Дружинин показывал свои рыбные ловли, которые весьма разнообразно и талантливо устроены. Здесь в Гельсингфорсе Ваш адъютант барон Рамзай приезжал на фрегат, просил великих князей осмотреть его имение, лежащее в 8 верстах от города; на что адмирал согласился, и мы очень приятно провели несколько часов сельской жизни. Константин Константинович плавает уже на глубине у борта, и я надеюсь, что и Дмитрий Константинович скоро выучится. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

23 июля 1872 г. Тверминне

Великие князья здоровы, продолжают купаться при всякой возможности. 16 числа в Гельсингфорсе великие князья провели вечер у Командира порта адмирала Рудакова, по окончании чая, был сожжен небольшой фейерверк, а на другой день адмирал подарил Константину Константиновичу гичку, очень хорошо отделанную шлюпку, сказав, что Вы разрешили ему это сделать. По предложению генерала Форселеса, временного начальника края, который для того прислал своего адъютанта, осматривали Университетские музеи и здание химической лаборатории. 19 числа с рассветом оставили под парами Гельсингфорс и в 1 час пополудни пришли на рейд Тверминне близ города Экекеса. 21 числа на лодке «Маребо» ходили к известному в Финляндии заводу стальных изделий Фискара, небольшую часть пути пришлось сделать бичевой на шлюпке; все работы были любезно показаны управляющим заводом англичанином, еще более любезно предложена была прогулка по великолепной живописной местности завода дамами хозяйками, лишь к закату солнца возвратились на фрегат. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

13 сентября 1872 г. Павловск

Ваше Императорское Высочество, 1 сентября пополудни я встретил Константина Константиновича на Александровской станции, он возвратился бодрым и здоровым; еще тотчас же по получении телеграммы от П. П. Вальронда, о выезде их из Берлина, я известил всех учителей о предстоящих занятиях, и на другое же утро 2 числа они и начались; великий князь занимается очень прилежно и все им довольны. 10 числа ездили в СПб к двоюродным братьям великим князьям Николаю и Петру Николаевичам, и к 5 часам возвратились обратно в Павловск. Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленой.

23 мая 1873 г. Павловск

Константин Константинович совершенно здоров. 21 числа вместе с великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами отправились

в СПб поздравить великую княгиню Александру Петровну, которая была очень этим обрадована; там завтракали и по экстренному поезду в 2 часа возвратились в Павловск. Сергей и Павел Александровичи обедали в этот день у Константина Константиновича кроме них были еще некоторые из учителей. Собаку Волк каждый день приводят к Константину Константиновичу и он его водит гулять с собой на цепи, потому что раз на свободе он тотчас же убегает домой.

1 июня 1873 г.

Ваше Императорское Высочество. Имею счастье поздравить Вас с сегодняшним новорожденным и пожелать Вам от него всегда утешения. Константин Константинович совершенно здоров, но завтра или позже мы ждем лихорадочного состояния, если примется оспа, которую ему привили 30 мая. 26 числа приезжал Мирбах, накануне возвратившийся из Ниццы в СПб. М. П. Сумарокова переехала и Константин Константинович навещал ее, часто видимся с великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами, соединяемся или у них, или у нас к обеду, также устраиваем вместе прогулки верхом; отъезд их за границу еще не назначен, приехавший вчера великий князь Владимир Александрович не привез им положительных известий. Занятия продолжают правильно, погода все время стоит теплая и ясная.

23 июля 1873 г.

Узнав, что эскадра Морского Кадетского Корпуса 15 июля пришла в Гранзунд, я на срочном пароходе «Работник», ходящем туда 2 раза в неделю к броненосной эскадре, отправился на корвете «Гиляк», я передал Константину Константиновичу, чтобы к 10 августа он закончил кампанию. Математические занятия капитан-лейтенант Хвостов заставлял производить Константина Константиновича, но как он мне сообщил, желателен был бы более удовлетворительный результат. Доктор Бютих нашел, что со стороны здоровья, пищи и прочее все было вполне, как следует. Пользуясь случаем поздравить Ваше Высочество с производством великого князя Николая Константиновича в полковники и имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленый. Брест, фрегат «Светлана».

2 июля 1875 г. Пирей, фрегат «Светлана»

Завтра уже месяц как Константин Константинович находится на фрегате, но собственно морская жизнь начнется лишь с выходом из Бреста, т. к. до сих пор можно назвать наше плавание вполне далеким, посреди штилей и тихих ветров, и кроме того еще перемешанное пребыванием в интереснейших городах Европы, как Лондон и Париж, ни одного раза не было даже самой маленькой качки, и самая обязанность которую нес на вахте Константин Константинович, была более поверкою его теоретических сведений, чем приобретением практических знаний

морского офицера, т. к. он стоял по Вашему желанию по штурманской части, и лишь с Бреста он будет при управлении парусов. Зато если силою обстоятельств это время не было проведено так полезно с исключительно морской стороны, ежели не считать ежедневные учения парусное и артиллерийское и другие, оно должно быть богато результатами с точки зрения всестороннего развития: в штатском платье при его росте, всякий считает КК за взрослого человека, и чтобы действительно быть достойным этого мнения, необходимо напрягать свои умственные силы и способности, а это крайне полезно, если происходит в известных границах. К удовольствию надо сказать, что как в Копенгагене, так и в Лондоне, Константин Константинович произвел на всех приятное впечатление, а его игра на фортепьяно и чтение нот многих удивляли, он совершенно другой юноша, когда говорят о музыке или когда ему надо бегать по музеям, лицо оживляется, являются вопросы и расспросы, чего к сожалению совершенно нет, когда говорят о морском деле; он исполняет его ровно настолько, на сколько нельзя не делать, чтобы не подвергнуться взысканию; надо ждать и заставлять, хотя и можно, но мне кажется, только окончательно испортить дело, а потому, надо предоставить времени и привычки. Великий князь Алексей Александрович чрезвычайно как добр и хорош с ним, заботится как родной отец и надо вообще удивляться, что все-таки такой молодой человек для командира фрегата, поставил себя с таким тактом и требуя строго службу, расположил к себе всех офицеров и вообще подчиненных. Все расходы, которые при поездках куда бы то ни было, вместе с великим князем Алексеем Александровичем, могли бы как доля, упасть на Константина Константиновича, Алексей Александрович берет на себя имея с собой его как подчиненного как капитан гардемарина. Во время пребывания в Дании, Его Величество Король принял Константина Константиновича в число кавалеров Ордена Слона. В Англии мы все имели счастье представиться Королеве Виктории, и наконец, из Бреста с Вашего позволения Константину Константиновичу удалось съездить в Париж повидаться с Великой княгиней, мы провели там три дня, нашли Великую княгиню бодрою и в хорошем расположении духа, она была очень обрадована прибытию сына, и несмотря на кратковременное пребывание, по совету князя Орлова послала нас в Версаль представиться маршалу Мак-Магону, который встретил Константина Константиновича в сопровождении своих министров, в парадной форме и угощал нас завтраком, на котором присутствовала и его супруга. Нечего говорить, что все достопримечательности посещенных городов были осмотрены. Здоровье Константина Константиновича хорошее, сильно расти он еще продолжает, болен не был, по неловкости несколько раз сваливался с трапа, кроме того, один раз в Копенгагене в 8 часов утра, выйдя на верх к подъему флага, вдруг упал в обморок и очнулся

только тогда, когда я с доктором Кудриным снесли его в каюту и уложили на постель. Последствий никаких не было и доктор за его здоровье не беспокоится, а прописал ему пить за едой вино. Завтра мы снимаемся для следования в Кадикс, надеюсь, что это письмо найдет Вас в добром здравии. Имею честь быть ВИБ всепреданнейший Илья Зеленый.

9 августа 1875 г.

По выходе из Бреста 4 июля Константин Константинович был назначен на вахту на баке, и ему сразу пришлось нести там действительную службу, т. к. по удалении от берега чрез 5 часов после съёмки с якоря, прекратили пары и вступили под паруса. 10 июля мы пришли в Кадикс в 6 часов утра, 11 числа пришел туда фрегат «Князь Пожарский». В Кадиксе по приглашению Алексея Александровича Константин Константинович и я ездили с ним на три дня в Херес и Севилью, смотрели фабрику табачную где работают 5000 женщин всех возрастов. 17.07. оставили Кадикс и отправились в Неаполь и 26.07. в 11 часов стали на якорь. В Неаполе все свободное время осматривали примечательности; в Помпеи сам Константин Константинович рыл лопатой, и мы отрыли в одной из комнат откопанного дома, два скелета отлично сохранившихся и несколько серебряных чайных ложек. Великому князю очень хотелось съездить в Рим и мы, взяв юнкера Арсеньева 1.08. отправились туда и пробыли с 2 по 4 число, выходили из гостиницы в 8 часов утра и приходили в 8 часов вечера. Были в катакомбах и шаре, поддерживающем на куполе Св. Петра крест. Поездка в Рим была совершена даже без Степанова, так что великому князю приходилось самому себе и все приготавливать и укладывать чемоданчик, и надо по справедливости сказать, что он управлялся всю эту поездку мастерски. Обрато ехали в самом обыкновенном купе всю ночь, где нельзя было даже хорошо вытянуться и где кроме нас сидел еще пассажир, несмотря на это Константин Константинович спал прекрасно и поездкой в Рим остался очень доволен, он описывает ее в своем журнале и говорит, что первый день для угля взял 12 страниц. Мы вышли из Неаполя 6.08. и 9 числа прибыли в Пирей. Имею счастье поздравить Ваше Высочество с новорожденным и пожелать, чтобы он всегда был утешением Вам и всему семейству, как то было до сих пор; по счету это 11 раз, что я праздную с ним день его рождения, так как 14 июля исполнилось 10 лет, что мы с ним познакомились и с тех пор дружно живем. 8 числа Король и Королева были у нас на фрегате, Они пробыли с час и уезжая взяли с собой Константина Константиновича, а завтра утром и Алексей Александрович с нами отправится туда. Надо было видеть радость брата и сестры при свидании, Королева здорова и еще похорошела если только то возможно. Имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Илья Зеленый.

4 сентября 1875 г. Корфу, фрегат «Светлана»

С 9 августа дня прихода нашего в Пирей, мы находились в Греческих водах, до 26.08. стояли на якоре в Пирее, а в 8 часов утра вышли оттуда и 28.08. в 4 часа пополудни пришли в Корфу. Придя сюда Константин Константинович получил от Вас телеграмму возвратиться чрез Триест и быть к октябрю; еще в бытность фрегата в Пирее Алексей Александрович получил разрешение адмирала из Корфу сходить для практики в Венецию и предполагалось уйти отсюда 11 числа, так что великий князь не лишается случая сделать на фрегате плавание по Адриатическому морю. Как в Афинах, так и здесь великий князь проводил очень много времени в кругу своих милых родных, которые не только его и Алексея Александровича окружали и окружают самыми сердечными заботами и вниманием, но и нас всех офицеров фрегата, я который все-таки чаще других бываю в Королевской семье, положительно таю в своих чувствах каждый раз, как вижу Короля и Королеву, окруженных своими прелестными детьми. На КК пребывание в семействе своей сестры влияет самым прекрасным образом. Из учений на фрегате в настоящее время производится свозка десанта, т. к. здесь в Корфу довольно удобные для этого бухточка и перед ней площадь, Константин Константинович командует полувзводом и свозится на полубаркас, на берегу производится ученье. Кроме учений на фрегате были и празднества, в Пирее был большой обед, который Алексей Александрович давал Королю и Королеве 21.08, фрегат был убран: растения, ковры, флаги, фонтаны — все было в изобилии и обедали на левой стороне шанцев, было более 40 человек.

8 октября 1881 г. Санкт-Петербург

Ваше Императорское Высочество. В письме Вашем к великому князю Дмитрию Константиновичу Вы выражаете сожаление, что поступление Его в Академию если и не совсем отменилось, то отложилось на неопределенное время, и высказываете желание исправить это упущение, если есть возможность еще в нынешнем году; Вы также хваля Его за службу в полку рассчитываете, что Он будет продолжать ее также доблестно и лишь опасаетесь, достаточно ли она одна поглотит Его времени, чтобы отсутствовали праздности матери всех пороков, избавить Его от соблазнов СПб жизни, и затем рекомендуете Ему переговорить со мной о всем вышеописанном. Дорого чту Ваше внимание, но знаю из прошлогодних разговоров Ваш образ мыслей об этом. Я уже давно вел переговоры с генералами Драгомировым и Лером и другими профессорами великого князя, как устроить Его занятия и объявившихся к тому предположениях, имел намерение сообщить Вам на выбор и утверждение, по окончательном выздоровлении Великого Князя; который как Вам известно, прихворнул; доктора (Здекауер и Ланге) приписывая эту болезнь наступлению

возмужалости с неодновременным и неравномерным развитием отдельных органов, желали бы на предстоящую зиму избежать для Него ущемление умственных занятий, только на днях Он вполне оправившись, начал снова службу в полку и вести обычную свою жизнь, и я могу изложить это предположение о ведении занятий которые обсуждались до Его болезни.

- 1- Держать экзамен и поступать на общих правилах слушателей в Академию, и затем, по окончании курса воспользоваться всеми преимуществами Его своим воспитанникам представляемыми;
- 2- Не держав экзамена, ездить в Академию на лекции на правах вольнослушателя, не искать никаких преимуществ, а лишь знания и по окончании курса участвовать в решении самостоятельной задачи дающейся каждому слушателю для суждения приобретенных им в Академии познаниях;
- 3- приглашать профессоров к себе на дом и пройти с ними тот же академический курс, в один или два года, конечно в более сжатом виде, но за то и с меньшими умственными напряжениями, и затем, смотря по степени освоенности пройденного, может быть предпринять решение одной из имеющихся быть к тому времени предложенных слушателям задач.

Из всех этих трех предположений, на основании нижеследующих соображений, приходится избрать последнее. Невозможность первого, отбросив сопротивление докторов, обуславливается тем, что время экзамена миновало, и, хотя его все-таки можно было бы устроить, и я уверен, что Дмитрий Константинович выдержал бы его хорошо, уверенность в этом не только моя, но и Его профессоров, для Него не убедительна и Он подчинился бы только категорическому приказанию экзаменоваться, Сам же по сильной Своей добросовестности потребовал бы много времени на приготовление. Второе невозможно по той же причине, сопротивления занятиям докторов, а еще потому, что посещая аккуратно лекции в Академии, пришлось бы оставить службу в полку; конечно, как и в первом случае, поступая в Академию по экзамену, и тогда каждый день, начиная с 3 часов, явилось бы свободное для СПб жизни и удовольствий время, которого Вы так справедливо желаете избежать. Остается третье, вполне осуществимое; полковые занятия берутся как базис, и между ними распределяются лекции, два артиллерии, два фортификации, три тактики вместе с военной историей, одна администрация и две топографии, еще несколько лекций музыки и русской литературы; занятий хотя и немало, но все-таки не настолько, чтобы заставить ворчать докторов, которые на первые два предположения наложили свое Veto, если Вашему Высочеству будет угодно согласиться на такой план занятий, то по получении письма, не будете ли так добры выразить это телеграммой, дабы не откладывая, можно было собрать конференцию под председательством генерала Лера и начать лекции. Имею счастье быть Вашему Императорскому Высочеству всепреданнейший слуга Илья Зеленой.

Н. М. Букштынович

Российский государственный военно-исторический архив

**Из истории реформирования
преподавания Закона Божия в кадетских корпусах
при главном начальнике военно-учебных заведений
великом князе Константине Константиновиче**

*...Вера и знание Закона Божия
составляют основу нравственного воспитания.*
Вел. кн. Константин Константинович¹

События Первой русской революции 1905–1907 гг. вовлекли в водоворот массовых протестов и забастовок учащуюся молодежь, прежде всего — студенчество. В 1905 г. в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других университетских городах студенческие беспорядки были особенно бурными и массовыми. Учащиеся не только выступали за демократизацию всей системы народного образования, но и выражали свою солидарность с рабочими, требуя в своих политических протестах установления в России демократической республики. «Студенчество активно подхватило призыв социал-демократов о проведении всеобщей студенческой политической стачки»².

Учащиеся Духовных учебных заведений также не явились исключением. В феврале 1905 г. произошли массовые волнения в Витебской, Московской, Ярославской, Екатеринославской и Кавказской семинариях, а осенью к ним присоединились Полтавская, Пензенская, Черниговская, Воронежская и Тамбовская. «Далее семинарские бунты приобрели стихийность»³. К концу октября 1905 г. занятия были прекращены в 43 семинариях.

В это смутное время главным начальником военно-учебных заведений вел. кн. Константин Константинович, видевший свою миссию прежде

¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 103. Л. 33.

² Тебиев Б. К. Студенческая и учащаяся молодежь в революции 1905–1907 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/studencheskaya-uchaschayasya-molodezh-v-revoljutsii-1905-1907-gg> (дата обращения: 25.06.2019).

³ Филиппов Ю. Революционное движение и духовные школы России в конце XIX — начале XX вв. Ч. VIII. [Электронный ресурс] URL: <https://pravoslavie.ru/2232.html> (дата обращения: 25.06.2019).

всего в ограждении своих питомцев от влияния революционных идей, приложил немало усилий, чтобы удержать их от участия в стихийных выступлениях и беспорядках.

Константин Константинович часто обращался к своему ближайшему сподвижнику и наставнику, генералу от артиллерии П. Е. Кеппену, чтобы получить от него «верную оценку переживаемых событий». В начале июля 1905 г. Павел Егорович подготовил записку для великого князя, где высказывал опасения, что возвратившиеся из летнего отпуска кадеты под влиянием происходящих событий в обществе будут делиться с товарищами всем увиденным, услышанным и прочитанным. В связи с этим он предлагал после возвращения кадет в корпуса «<...> созвать педагогические комитеты, чтобы обсудить и установить образ действия, которого должны держаться все воспитатели и преподаватели в видах успокоения кадет и в случаях проявления некоторыми из них усвоенных в отпуску вредных влияний»⁴.

В 1906 г. революционная пропаганда, проникавшая в армию, достигла войск гвардии. В июне 1906 г. в 1-м батальоне л.-гв. Преображенского полка происходило брожение, затем митинг, о чем Константин Константинович очень скорбел. В 1891–1900 гг. он был командиром л.-гв. Преображенского полка, который полюбил всей душой и за судьбой которого всегда пристально следил. 15 июня великий князь записал в дневнике: «Среди Преображенцев — бунт... Какой ужас! Прав Старицкий⁵, что пропал Преображенский полк. Я плакал слезами стыда и глубокого горя»⁶.

В 1906 г. по приказанию великого князя была образована Комиссия по организации бесед с юнкерами на темы современных событий. В нее вошли 22 представителя: начальники и инспекторы военных училищ, директоры Пажеского Его Императорского Величества и кадетских корпусов, лица, состоящие при главном начальнике военно-учебных заведений, и директор Женского педагогического института профессор С. Ф. Платонов⁷. 3 июля 1906 г. вел. кн. Константин Константинович оставил запись в дневнике: «Советовался с Павлом Егоровичем о составе комиссии при моем Гл[авном] Управлении для обсуждения обучения юнкеров приемам борьбы с революционной пропагандой в войсках»⁸. П. Е. Кеппен предлагал «ознакомить юнкеров, будущих офицеров, с кругом

⁴ РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 5969. Л. 47.

⁵ Командир 4-й роты 1-го батальона л.-гв. Преображенского полка капитан Михаил Иванович Старицкий (зд. и далее комментарии к цитатам мои. — Н. Б.).

⁶ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. / Сост., автор пред., коммент., биограф. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 85.

⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 5969. Л. 97, 97 об.

⁸ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 97.

революционных идей, убедить молодежь в их научной несостоятельности и практической неосуществимости и разоблачить все приемы революционной пропаганды в войсках; утвердить юнкеров в правильном понимании современного политического и правового строя, определить тот характер отношений офицера к службе и к солдату (братских и учительных), которыми обуславливается успех борьбы с революционными влияниями»⁹.

Во время посещения летнего лагеря Киевского военного училища в июле 1906 г. великий князь узнал, что в училище были юнкера из студентов, которые распространяли среди товарищей антимонархические идеи, и переговорил об этом с начальником училища генерал-майором Л. И. Коссовичем. Покидая лагерь, Константин Константинович «<...> вошел в середину толпы юнкеров и сказал несколько слов о важности верного служения <...> воинскому долгу, о непринадлежности ни к каким партиям и верности святым понятиям — Бог, царь, родина, без которых нельзя быть истинным воином»¹⁰. Великому князю хотелось ободрить юнкеров, оставшихся непоколебимыми в своих убеждениях, «поддержать их в борьбе со смутьянами». В ответ послышались дружные крики «ура!», и затем юнкера еще долго бежали вслед за коляской своего главного начальника по мосту через Днепр до Аскольдовой могилы¹¹.

Вместе с тем, Константин Константинович считал, что одна из главных причин восприимчивости учащихся к революционным идеям — формальный подход к их религиозному воспитанию. Самого великого князя отличала глубокая религиозность, и к религиозному воспитанию собственных детей он подходил и внимательно, и строго. Его сын вел. кн. Гавриил Константинович вспоминал: «По вечерам, когда мы, дети, ложились спать, отец с матушкой приходили к нам, чтобы присутствовать при нашей молитве. Сперва мой старший брат, Иоанчик, а за ним и я становились на колени перед киотом с образами в нашей спальне и читали положенные молитвы, между прочим, и молитву Ангелу-Хранителю, которую, по семейному преданию, читал ребенком император Александр II. Отец требовал, чтобы мы знали наизусть тропари двенадцатых праздников и читали их в положенные дни. Часто и дяденька (младший брат отца, великий князь Дмитрий Константинович) присутствовал при нашей вечерней молитве; когда мы ошибались, родители или дяденька нас поправляли. <...> В молельной у отца, в Мраморном дворце, между кабинетом и коридором висело много образов и всегда теплилась лампадка. Каждый день приносили в молельню из нашей домово́й церкви [во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. — Н. Б.] икону того святого, чей был день. <...> когда мы подросли и уже самостоятельно приходили к отцу

⁹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 5969. Л. 100.

¹⁰ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 107.

¹¹ Там же.

здороваться, дежурный камердинер нам говорил, что нельзя войти, потому что “папа молится”»¹². «Нас часто водили в Дворцовую церковь и причащали»¹³. Младшая дочь, княжна Вера Константиновна, вспоминала: «Братья мои с юных лет прислуживали и читали в церкви, а у старшего моего брата, Иоанна, отличавшегося особой религиозностью, был собственный церковный хор. Словом, жизнь нашей семьи зиждилась на твердых основах православной веры»¹⁴.

Накануне производства в офицеры в июне 1907 г. старшие сыновья великого князя Иоанн и Гавриил говели и причастились Святых Христовых Тайн, что глубоко тронуло их отца. «Много ли в наши дни молодых людей, — записал Константин Константинович в дневнике, — проникнуто таким истинным благочестием?»¹⁵.

В начале XX в. ослабление религиозного воспитания в учебных заведениях становилось все более очевидным. В это время Франция уже находилась в преддверии принятия закона о разделении церкви и государства (принят 9 декабря 1905 г.).

Помощник главного начальника военно-учебных заведений генерал С. А. Будаевский в письме от 6 августа 1904 г. описывает Константину Константиновичу случай, происшедший в 1904 г. и получивший широкую огласку в газетах. Один юнкер Сен-Сирской школы¹⁶ стал открыто проповедовать безбожие и космополитизм. Преподаватель на

¹² Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: воспоминания. М., 2005. С. 8.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Вера Константиновна, кнж. Мой отец. Цит. по: Исаков Е. П. Военная быль: О доблести, добре и красоте. Книга для чтения по истории Российских кадетских корпусов. М., 2000. С. 66.

¹⁵ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 377.

¹⁶ Сен-Сирская военная школа (*École spéciale militaire de Saint-Cyr*) — одно из самых престижных во Франции военно-учебных заведений, которое готовило молодых людей для службы офицерами в пехоте и кавалерии. Основана в 1803 г. в Фонтенбло; в 1808 г. переведена в Сен-Сир, близ Версаля. Принимаются по конкурсному экзамену окончившие курс среднего учебного заведения в возрасте от 17 до 21 года, а также нижние воинские чины, прослужившие не менее 6 мес., в возрасте не старше 25 лет. Предметы преподавания: топография, фортификация, география, артиллерия, законоведение, военная администрация, военное искусство, военная история, гигиена, французская литература, рисование и немецкий язык. По окончании курса воспитанники производятся в подпоручики. Выходящие в кавалерию переводятся для завершения образования в Со-мюрскую кавалерийскую школу. До 1905 г. в составе Сен-Сирской военной школы был католический духовник-священник и протестантский пастор. См.: *Annuaire de l'Armée Française pour 1905*. Paris, 1905. P. 880.

лекции сделал намек в защиту этого юнкера, чем вызвал шумный протест класса. Дело дошло до военного министра генерала Л.-Ж.-Н. Андрэ. В результате и «проповедник» и четыре юнкера, участвовавшие в столкновении с ним, были отчислены в полк. «Газеты находят несправедливым, — сообщает Будаевский, — отчисление этих четверых юнкеров и замечают, что они — защитники религии и национального сознания — получили общее образование в гражданских учебных заведениях, где Закону Божию не обучают, а проповедник-юнкер получил общее образование в духовной иезуитской коллегии, под руководством священников»¹⁷. Было над чем задуматься.

В апреле 1906 г. на конференции в Женском педагогическом институте¹⁸ даже была поставлена под вопрос необходимость обязательного преподавания Закона Божия в институте. На конференции, которая длилась пять часов — с 7.30 до 12.30, присутствовал почетный попечитель института — вел. кн. Константин Константинович. В дневнике он отметил: «Наши левые настаивают, чтобы этот предмет не был обязательным, так же как русский язык, но им не удалось этого провести»¹⁹.

Во время инспектирования военно-учебных заведений главный начальник вел. кн. Константин Константинович всегда уделял особое внимание вопросам религиозного воспитания будущих офицеров, считая его фундаментом нравственного воспитания. Он присутствовал на богослужениях, посещал уроки Закона Божия, беседовал с воспитанниками на темы из Священного Писания, при случае — любил дарить Святое Евангелие. 14 декабря 1901 г. кадет Владимирского Киевского кадетского корпуса Дионисий Земцов пишет в письме вел. кн. Константину Константиновичу, с которым ему довелось ехать в поезде от Киева до ст. Сумы: «<...> От искреннего сердца благодарю Ваше Императорское Высочество, за присланное мне через подполковника Бенедиктова Евангелие с Вашей на нем надписью: приказание Ваше “читать ежедневно” буду, по возможности, исполнять. Отец мой, прочитавши Вашу надпись, был сердечно тронут Вашим родительским попечением и тут же сказал мне: “Помни, сынок, это Августейшего твоего начальника к тебе внимание. Храни этот подарок и будь предан Его Высочеству до гробовой доски!” Я же был и буду таковым всегда. <...>»²⁰.

¹⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 5969. Лл. 22а–23.

¹⁸ Основан 23 июня 1903 г. на базе Педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях, открытых в системе Ведомства учреждений императрицы Марии (1859). Институт готовил преподавательниц жен. уч. заведений и мл. классов муж. гимназий, а также домашних и классных наставниц. В 1909 г. Женский педагогический институт получил статус Императорского.

¹⁹ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 52.

²⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 55. Д. 35. Л. 3, 3 об.

Однако, инспектируя военно-учебные заведения, Константин Константинович с большим сожалением отмечал, что нередко в кадетских корпусах Закон Божий преподается сухо, воспитанники имеют слабые знания не только Священного Писания и Нового Завета, но даже Святого Евангелия, рассеяны на богослужениях. Впоследствии эти впечатления великого князя нашли отражение в приказах по военно-учебным заведениям.

В 1905 г., побывав на уроке Закона Божия в Ташкентском Наследника Цесаревича кадетском корпусе, Константин Константинович отметил, что, как и в большинстве кадетских корпусов, этот предмет преподается здесь «мало увлекательно, сухо и схоластично», что воспитанники пренебрегают ежедневным чтением Святого Евангелия, а это, по мнению великого князя, для христианина является столь же необходимым «как для всякого воспитанного человека напр[имер] умовение лица и рук»²¹.

Побывав на богослужении в кадетском храме, Константин Константинович записал: «<...> молитвословия и возгласы настоятеля (диакон в корпусе еще не имеется) слышны плохо, или, когда закрыты Царские врата, из Алтаря совсем почти не слышны, что лишает кадет возможности ощущать на себе глубокое воздействие наших прекрасных церковных служб. Если в любой приходской церкви желательно, чтобы каждое слово священнослужителя было явственно и вразумительно, то в церкви учебного заведения это не только желательно, но просто обязательно. Чтение кадетами Апостола, шестопсалмия и пр. весьма хорошо и производит самое отрадное впечатление»²².

Инспектируя в октябре 1906 г. Нижегородский кадетский графа Аракчеева корпус, Константин Константинович, отметил: «<...> в VII классе, V–м и III–м Закон Божий проходит рутинно и бесцветно. Недостаточно оттеняется существенное от менее важного. Даже в выпускном классе весьма плохо ознакомлены со Св. Евангелием. Не могли ответить, у какого евангелиста и где, в начале или конце, говорится об установлении Таинства крещения. Во всем VII классе ни один ученик не умел мне ответить, который евангелист приводит беседу Спасителя с Никодимом. Ясно, что кадеты никогда или слишком редко заглядывают в Евангелие. А между тем, я уже не в первый раз указываю на этот существенный и прискорбный пробел. Кадет бойко ответил на вопрос законоучителя, как совершалось богослужение вскоре по изгнании из рая; а когда я спрашивал, в какое время Литургии совершается Таинство или из каких частей составлена Всенощная, мне в V и III классе или вовсе не могли ответить или отвечали несообразности»²³.

²¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 103. Лл. 190, 203, 204, 205, 206.

²² Там же. Лл. 202, 203.

²³ Там же. Лл. 139, 140.

9 ноября 1906 г. Константин Константинович записал в дневнике: «Почти весь день отдал 2-му Московскому Имп[ератора] Николая I корпусу. <...> В VI-2 на Законе Божиим, у прекрасного священника и законоучителя о. Михаила [Михайловича Воздвиженского. — *Н. Б.*], одного из лучших в нашем ведомстве, очень плохо отвечал Субботин, правда, имеющий по Закону Божию только 7 баллов. Он не знал какое название, кроме Апокалипсиса, имеет последняя книга Нов[ого] Завета, и никогда ее не читал; не мог сказать, каким лицам писал послания ап[остол] Павел и, когда товарищи подсказывали — “Тимофею”, ответил: Матвею. Другой, 12-ти бальный, Пахомов, отвечал недурно, но не читал Деяний апостольских. Незнание Священного Писания поразительно, что с горечью выговаривал кадетам, с сокрушением священнику, и строго директору»²⁴.

Константин Константинович обращал внимание начальствующего и учебно-воспитательского состава кадетских корпусов, что в корпусах «на отправление вверенными нам детьми и юношами их религиозных обязанностей внимание обращается далеко недостаточно. Если после богослужения спросить не только маленького, но и выпускного кадета и даже вице-унт[ер] офицера или вице-фельдфебеля, какое на Литургии или Всенощной читалось Евангелие, почти никогда не получишь удовлетворительного ответа. В церкви кадеты стоят если и смиренно и прилично (что, впрочем, тоже не везде и не всегда соблюдается), то безучастно и рассеянно: крестятся где попало и некстати, не кланяются и не наклоняют головы, когда это полагается. Значит, никто не руководит этой важнейшей и священнейшей частью воспитания <...> Предлагаю начальникам заведений, а за ними и их воспитательскому составу принять к сердцу эту запущенную часть воспитания и непременно постараться заполнить этот прискорбный пробел»²⁵.

Как мудрый педагог, Константин Константинович понимал, что только изданием приказов по отдельным кадетским корпусам делу не поможешь. Нужно было коренным образом пересмотреть сам подход и методы преподавания Закона Божьего в кадетских корпусах, услышать от законоучителей, воспитателей и педагогов о трудностях и успехах на этом поприще, проанализировать и обобщить положительный опыт и распространить его затем на все кадетские корпуса.

В Приказе по военно-учебным заведениям № 17 от 19 февраля 1907 г. начальникам заведений было предложено на собрании педагогических комитетов обсудить и принять необходимые меры, «дабы знание Св. Писания или, по крайней мере, Нового Завета, и, главным образом, Евангелия, было поднято на надлежащую высоту»²⁶.

²⁴ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 1906–1907 гг. С. 185.

²⁵ РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 103. Лл. 190, 204–206.

²⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 264. Л. 227.

Воспитание «благоговеющего отношения к Слову Божию» было возложено не только на законоучителей, но и на весь учебно-воспитательский состав заведений. После обсуждения вопросов, связанных с религиозным воспитанием кадет на общих собраниях корпусных педагогических комитетов, их журналы были направлены в ГУВУЗ.

В сентябре 1907 г. все письменные предложения от военно-учебных заведений были собраны. По свидетельству педагогических комитетов вопрос о том, как поднять религиозно-нравственное состояние учащихся, принадлежал к числу самых трудных в деле воспитания подрастающего поколения. Воспитание религиозных чувств детей и юношей требовало очень деликатного и осторожного подхода, где не должно быть места «формализму и безучастному анализу, часто переходящему в мертвую схоластику»²⁷.

Отзывы педагогических комитетов были разнообразны и подчас диаметрально противоположны, однако в них засвидетельствовано искреннее и настойчивое желание законоучителей, воспитателей, преподавателей привить кадетам живой интерес и любовь к изучению Священного Писания и Святого Евангелия, чтобы уроки Закона Божия для них были осознанно необходимыми.

В отдельных журналах педагогических комитетов были указаны меры, принятые в корпусах для более глубокого и вдумчивого изучения Святого Евангелия еще прежде издания Приказа № 17 от 19 февраля 1907 г. Так, в Псковском кадетском корпусе с назначением нового законоучителя и настоятеля корпусной церкви священника Василия Иоанновича Беллавина, с октября 1906 г. был введен порядок: дежурный кадет перед каждым уроком Закона Божия в каждом классе, после прочтения молитв и рапорта, прочитывал дневное Евангелие или апостольское послание на русском языке, а затем рассказывал прочитанное. После этого законоучитель о. Василий давал разъяснение и делал «нравственный вывод, применительно к возрасту и пониманию слушающих»²⁸.

В Пажеском Е. И. В. корпусе с начала 1906/1907 учебного года всем пажам стали выдавать «в собственность» Святое Евангелие на церковно-славянском и русском языках «в виде благословения от корпуса». Это имело очень благотворное влияние на воспитанников корпуса. Законоучитель отец Михаил Андреевич Лисицын сообщал: «<...> наблюдалось любовное отношение к выданным Евангелиям, многие завернули их переплеты в белую бумагу; пажи, имея их всегда под руками, часто читали и, готовясь к урокам Закона Божьего, постоянно обращались к своим

²⁷ Там же. Л. 261.

²⁸ Там же. Л. 11.

Евангелиям за справками, например, относительно переводов текстов в катехизисе»²⁹. В спальнях всех рот перед образом был устроен аналой, где хранилось ротное Евангелие, которое читали ежедневно во время общей молитвы. Перед богослужением проводились беседы на тему Евангелия, положенного для прочтения в этот день. Отец Михаил отметил, что предпринятые меры оказывали «очень хорошее влияние на пажей. Многие пажи после чтения вечером Евангелия и после бесед обращались на ближайших уроках за разъяснением к законоучителю»³⁰.

Законоучитель Симбирского кадетского корпуса, протоиерей Михаил Федорович Смирнов, обращал внимание, что на религиозное воспитание кадет очень влияли те духовные задатки, которые они получили в семье, поэтому ребенок, не наученный в семье, зачастую не только равнодушен к религиозным обязанностям, «но и не в состоянии бывает воспринимать религиозное влияние, оказываемое на него в школе»³¹. Законоучитель поставил на обсуждение ряд важных вопросов из области религиозного воспитания кадет: об особом внимании к благоговейному совершению крестного знамения, чтобы оно совершалось «хотя и редко, но <...> было истовым, а не беспорядочным двиганием руки в несоответствующем месте, что в обыкновенной речи называется “чисткой пуговиц”, и пусть они не видят ничего подобного в действиях их начальников <...>»³²; о совместной стройной неторопливой молитве перед принятием и после принятия пищи; о внушении кадетам бережно обращаться с хлебом, «как с даром Божиим»; о совместном участии с кадетами в богослужении не только дежурных, но и «по возможности» всего персонала «начальствующих и учащих, подавая пример должного стояния в храме <...>. Прискорбно было бы видеть, — отмечал отец законоучитель, — если бы человек, которому поручено святое дело воспитания, сам не знал, как именно следует держать себя в известные моменты богослужения»³³. По его мнению, хороших результатов можно было ожидать лишь в случае дружных и согласованных действий всего начальствующего, воспитательского и учащего состава учебного заведения³⁴.

Законоучитель Тифлисского кадетского корпуса протоиерей Евфимий Александрович Рыбчинский обратил внимание на роль личности законоучителя в деле религиозного воспитания учащихся, что именно «пример и живое слово оказывают могучее действие». Затем,

²⁹ Там же. Л. 51.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 1, 1 об.

³² Там же. Л. 3.

³³ Там же. Лл. 2, 3.

³⁴ Там же. Л. 1 об.

он заметил, что особенно дети «должны чувствовать, что священник совершает именно богослужение, служит Богу», и что если некоторые священники забывают об этом, то все остальные мероприятия не смогут привить любовь к участию в богослужении и чтении Священного Писания. Далее отец протоиерей сказал, что считает долгом об этом заявить, поскольку «неоднократно слышал заявления о поспешности и небрежности богослужения от детей, посещавших приходские храмы гор. Тифлиса»³⁵.

20 сентября 1907 г. Константин Константинович через своего помощника генерал-майора Г. М. Яковлева поручил законоучителю Николаевскому кадетского корпуса священнику Николаю Степановичу Александрову, как лицу «вполне компетентному в религиозных вопросах», дать свое заключение по предложенным педагогическими комитетами мерам. После их критического обсуждения, было намечено затем составить из них свод правил и указаний, которые можно было бы предложить к исполнению всем комитетам.

Протоиерей Николай Стефанович Александров (1874 – ?) был воспитанником Казанской духовной академии, окончившим курс со степенью магистра богословия. Его магистерская диссертация «История еврейских патриархов — Авраама, Исаака и Иакова» была опубликована в Казани в 1901 г. С 17 августа 1900 г. о. Николай служил законоучителем Омской мужской гимназии, откуда был «перемещен к церкви при Николаевском кадетском корпусе Санкт-Петербурга, с назначением на должность законоучителя корпуса»³⁶. Он был сторонником коренной реформы в постановке изучения Закона Божия в средней школе, считая, что этот предмет носит прежде всего воспитательный характер, а не учебный.

26 октября 1907 г. о. Николай передал генерал-майору Г. М. Яковлеву «свой посильный труд». Он отмечал, что все педагогические комитеты военно-учебных заведений признают необходимость чтения Священного Писания на уроках Закона Божия, и что большинство из них ставит целью «<...> не формальное, чисто теоретически-научное знание Свящ[енного] Писания, а знание практическое, жизненное, не столько умом, сколько сердцем, чтобы сделать чтение Свящ[енного] Писания религиозной потребностью, чтобы, путем привычки ежедневно читать Свящ[енного] Писание, приблизить источник Божественного Откровения к повседневной жизни человека, как высшего жизненного руководства и возбудителя высших религиозных чувствований <...>»³⁷.

Великий князь внимательно изучил труд священника Николая Александрова и по целому ряду особенно волновавших его вопросов,

³⁵ Там же. Л. 139.

³⁶ РГВИА. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1963. Л. 62 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 264. Л. 261.

подчеркнутых в тексте, оставил на полях карандашные комментарии. Константин Константинович и о. Николай были единомышленниками: они считали, что «религиозно-нравственное воспитание должно быть краеугольным камнем всего школьного воспитания или, лучше сказать, воспитания вообще»³⁸.

Основной причиной слабого знания учащимися Священного Писания, по мнению педагогических комитетов, была «неудовлетворительность существующих программ Закона Божия в разных классах и почти полное отсутствие в корпусных библиотеках книг религиозно-просветительского содержания, которые могли бы интересовать учащихся и содействовать повышению их религиозно-нравственного уровня вообще и религиозного образования в частности»³⁹. В первых шести классах программы по Закону Божию были настолько обширны, что чтение и объяснение Священного Писания на уроках почти нигде не практиковалось. До последнего времени «самая Свящ[енная] Книга «Новый Завет» имела среди кадет весьма слабое распространение. И только теперь комитеты поставили убеждать кадет приобретать в собственность Новый Завет, а некоторые гораздо проще и рациональнее решили выдать всем кадетам в собственность казенные экземпляры Нового Завета»⁴⁰.

О. Николай отметил, что «на обновление богословского отдела корпусных библиотек должно быть обращено самое серьезное внимание», в связи с чем считал полезным Главному управлению военно-учебных заведений (ГУВУЗ) при содействии петербургских отцов-законоучителей «составить примерный каталог книг религиозно-нравственного содержания для руководства заведующим корпусными библиотеками» и периодически его пополнять. На это Константин Константинович заметил на полях: «Все это очень хорошо, но едва ли улучшение отделов книг религиозно-нравств[енного] содержания послужит большому ознакомлению с Евангелием. Скорее наоборот: знакомство с Евангелием, быть может, побудит иных кадет заняться религиозно-нравственным чтением»⁴¹.

Полное одобрение главного начальника получили следующие предложения педагогических комитетов: при прохождении в I классе Священной истории Ветхого Завета «прочитывать отдельные главы из свящ[енных] книг Ветхого Завета, которые по образности и красоте изложения не могут быть заменены никаким пересказом и имеют непосредственное влияние на ум и чувство, создавая религиозное настроение»; во II классе Священную историю Нового Завета «проходить полностью по

³⁸ Там же. Л. 264.

³⁹ Там же. Л. 260.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 261.

Евангелию»; в III классе выделить время на объяснение воскресного Евангелия и Апостола, а также на чтение Псалтири; в IV и V классах при изучении катехизиса «всегда иметь под руками Новый Завет» для того, чтобы изучаемые тексты прочитывать в подлиннике в контексте речи; в VI классе изучение Христианской Церкви в апостольский период проходить по книге Деяний Святых Апостолов, «а вместо повторения Свящ[енной] истории Ветхого Завета прочитать все Четвероевангелие»⁴². Когда педагогическими комитетами было высказано опасение, что в VII классе при существующей программе вряд ли удастся выделить время на чтение Священного Писания, Константин Константинович на полях сделал запись: «Можно жертвовать программой Св[ященному] Писанию — но отнюдь не наоборот»⁴³.

Константин Константинович одобрил практику одного из преподавателей кадетских корпусов: давать в VII классе каждому кадету одну из книг Нового Завета для обстоятельного изучения и последующего доклада в классе. «Прекрасно», — отметил он.

По поводу того, на каком языке читать Евангелие — на русском или церковно-славянском, — Константин Константинович на полях оставил комментарий: «Предпочитаю славянский, к которому, если он иным и непонятен, надо обязательно приучать. Лучше всего пользоваться изданием славяно-русского Нов[ого] Завета, читать по-славянски, а непонятное пояснять параллельным русским текстом»⁴⁴.

На вопрос, в какое время дня читать Евангелие, комитеты дали три ответа: на утренней или на вечерней молитве и в каждом отделении в конце вечерних занятий. «Трудно установить неподвижные правила во всем ведомстве, — записал Константин Константинович. — Ставится общее для всех требование: ежедневно читать Евангелие, предоставив корпусам исполнять это по местному усмотрению»⁴⁵.

О. Николай Александров поддерживал мнение педагогических комитетов о том, что читать Святое Евангелие лучше не главу за главой, а соблюдая порядок Его ежедневного чтения за Литургией. «Сочувствую», — отметил Константин Константинович.

Большинство педагогических комитетов указывали, что чтение за богослужением Апостола и Святого Евангелия плохо усваивается кадетами в том числе и по причине «невнятного чтения», «которое всемерно должно быть преследуемо и выводимо», — написал Константин Константинович.

Начальник одного из военно-учебных заведений выразил желание,

⁴² Там же. Л. 62 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 264 об.

⁴⁵ Там же. Л. 263.

«чтобы у высшей церковной власти было испрошено разрешение читать Евангелие за всенощной не в Алтаре, а посреди храма»⁴⁶. О. Николай на это предложение заметил, что так читают Евангелие за Всенощным бдением принят во всех храмах Казанской и Омской епархий и Николаевском кадетском корпусе, и предложил рекомендовать именно такой способ чтения. «Да, — записал Константин Константинович. — Во избежание кривотолков или недоразумений, я мог бы испросить благословение Св[ятейшего] Синода на такое нововведение во вверен[ном] мне ведомстве»⁴⁷.

О. Николай предложил, чтобы у всех кадет были «собственные экземпляры Нового Завета на славяно-русском языке. Кадетам I класса пред началом занятий, при возможно более торжественной обстановке, раздавать в дар от корпуса каждому кадету по экземпляру Нового Завета». На что Константин Константинович ответил: «Да», — и через весь подчеркнутый текст: «Непременно». 31 октября 1907 г. вел. кн. Константин Константинович через генерала Г. М. Яковлева попросил «выразить о. Николаю свою сердечную благодарность».

Многие мысли, изложенные священником Николаем Александровым в его труде, были почти дословно внесены в изданный вел. кн. Константином Константиновичем 25 ноября 1907 г. Приказ по военно-учебным заведениям № 116:

«Мне отрадно отметить то единодушие, — отмечено в Приказе, — какое проявили в этом деле все военно-учебные заведения, так как всякая воспитательная мера может быть проведена в жизнь только в том случае, когда весь воспитательный и учебный состав заведения проникнут сознанием ее важности и когда все лица, окружающие воспитанников, сами являют собою живой пример убежденного исполнения тех требований, которые они предъявляют своим питомцам»⁴⁸.

Великий князь отметил, что знакомство питомцев со Словом Божиим имеет и образовательное, и воспитательное назначение. В данном Приказе он не касался образовательной цели изучения Священного Писания, о чем собирался дать особые указания, но остановился на мерах по воспитанию в кадетях «благоговейного отношения к Слову Божию, о развитии в них склонности ежедневно черпать из Священного Писания душевспасительные наставления и прибегать к нему, как к Слову утешения и любви <...>»⁴⁹ и на том, что забота об этом «одинаково лежит как на законоучителе, так и на всем воспитательном и учебном составе заведения»⁵⁰. В Приказе

⁴⁶ Там же. Л. 265 об.

⁴⁷ Там же. Л. 266.

⁴⁸ Там же. Л. 282 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

было отмечено, что законоучитель в этом отношении может многое сделать не только на уроке Закона Божия, но и на внеклассном чтении и проникновенном толковании Слова Божия, главное «<...> чтобы такие беседы были поставлены как дело серьезное, как дело святое»⁵¹.

Вел. кн. Константин Константинович отмечал важное значение уже установившегося в некоторых заведениях порядка ежедневного чтения Евангелия лицами воспитательского состава. Единого порядка для чтения на этот раз введено не было. «<...> Все равно, — было записано в Приказе, — будет ли читаться Евангелие утром или вечером во время молитвы, либо вечером по окончании дневных занятий, будет ли это дневное Евангелие или в последовательности Евангельского изложения, будет ли оно прочитываться ротными командирами всей роте или офицерами-воспитателями в своем отделении, но надо твердо помнить, что воспитательное значение такого чтения будет достигнуто только тогда, когда оно будет ведено с сознанием высокой его важности и с подобающим ему благоговением. Желательно бы очень, чтобы лица, прочитывающие Евангелие, подготавливали себя к выяснению нравственного значения прочитанного текста. В этом отношении им может прийти на помощь законоучитель указанием одобренных Святейшим Синодом толкований на Четвероевангелие. Уверен, что подведомственные мне военно-учебные заведения приложат все старания для выполнения преподанных мною указаний»⁵².

В дополнение к упомянутому Приказу был изданный Циркуляр по военно-учебным заведениям № 63 от 27 ноября 1907 г. «О мерах к поднятию религиозного образования и воспитания кадет». В нем главный начальник дал «указания относительного классного изучения Священного Писания в кадетских корпусах и других мер к поднятию религиозного образования и воспитания наших кадет».

Главная мысль, нашедшая отражение в Циркуляре: «В основу преподавания Закона Божия во всех классах должно быть положено Слово Божие». Поэтому у всех кадет должны быть собственные экземпляры Нового Завета на славяно-русском языке. Кадетам 1 класса перед началом занятий, при возможно более торжественной обстановке, раздавать в дар от корпуса по экземпляру Нового Завета. «Законоучитель должен выяснить значение этой священной книги, — записано в Циркуляре, — ее происхождение и общее содержание, сказать о необходимости ежедневного ее чтения, как самостоятельного, так и под руководством воспитателя, и сам начать с ним чтение»⁵³. Далее подробно излагалось направление и особенности изучения Священного Писания в каждом классе

⁵¹ Там же. Л. 283.

⁵² Там же. Л. 283–283 об.

⁵³ Там же. Л. 288–288 об.

кадетского корпуса и при изучении богослужения Православной церкви.

В Циркуляре были также отражены вопросы организации внеклассного чтения Священного Писания лицами воспитательского состава, указано на необходимость принятия мер к четкому и громкому чтению Евангелия и Апостола за богослужением и с благословения местного епархиального начальства предлагалось установить чтение Евангелия на Всенощном бдении посреди храма. Кроме того, было высказано пожелание о пополнении богословского отдела ротных библиотек, «в том числе и теми ценными трудами, которые появились в духовной литературе последнего времени»⁵⁴.

6 октября 1907 г. директор Николаевского кадетского корпуса генерал-майор В. В. Квадри в рапорте главному начальнику военно-учебных заведений писал: «Отличная, усердная и полезная служба законоучителя и настоятеля церкви вверенного мне корпуса священника магистра богословия отца Николая Александра и несомненное доброе влияние его на кадет побуждает меня ходатайствовать перед Вашим Императорским Высочеством о награждении его саном протоиерея вне очереди»⁵⁵.

9 мая 1909 г., ко дню рождения государя императора Николая II, священник Николай Александров был награжден саном протоиерея и возведен в этот сан митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским). 1 марта 1909 г. по распоряжению митрополита он был назначен на должность помощника наблюдателя за преподаванием Закона Божьего в Санкт-Петербургских военно-учебных заведениях.

О. Николаю Александрову, пожелавшему составить книгу извлечений из Библии для чтения кадетам I класса на русском и церковно-славянском языках, вел. кн. Константин Константинович поручил подготовить и напечатать таковую, на что из средств ГУВУЗа ему было отпущено 200 руб.⁵⁶

«Священная история Ветхого завета в извлечениях из Библии» была издана в 1909 г. и разослана во все кадетские корпуса. В конце следующего 1910 г. была издана еще одна книга, составленная прот. Николаем Александровым: «Пособие к изучению Священного Писания Нового Завета для школы и семьи». По желанию автора эта книга была «поднесена» через военного министра и министра императорского двора наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу. «<...> Государыня Императрица повелеть соизволила просить военного министра благодарить протоиерея Александра от имени ее величества за поднесение, оставленное ее величеством у себя»⁵⁷, — сообщил генерал-лейтенант

⁵⁴ Там же. Лл. 288 об.–291.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1963. Лл. 15 об.–16.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 264. Лл. 335–335 об.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1963. Лл. 66–66 об.

Г. М. Яковлев в Николаевский кадетский корпус 30 декабря 1910 г.

7 октября 1913 г. директор Орловского Бахтина кадетского корпуса генерал-лейтенант Р. К. Лютер направил Константину Константиновичу экземпляр Нового Завета с просьбой передать его от корпуса сыну великого князя — кадету I класса I отделения корпуса князю императорской крови Георгию Константиновичу «для назидательного чтения»⁵⁸.

Знаменательно, что в то время, как во всей Российской империи бушевали революционные события, педагогический и воспитательный состав всех военно-учебных заведений по инициативе и при непосредственном участии их главного начальника вел. кн. Константина Константиновича были заняты обсуждением вопросов, как привить воспитанникам кадетских корпусов любовь к изучению Священного Писания и Святого Евангелия, к церковному богослужению и ежедневной молитве, чтобы эти занятия стали для них потребностью души, сопровождали бы их затем и в военной службе, и в самостоятельной жизни, всегда указывая верный путь. Безусловно, такой глубокий подход к вопросу воспитания христианского сознания питомцев военно-учебных заведений в сочетании с патриотическим воспитанием принес замечательные плоды.

25 августа 1905 г. законоучитель Симбирского кадетского корпуса протоиерей Елпидифор Алексеевич Успенский в письме к вел. кн. Константину Константиновичу затронул болезненную тему массового увлечения учащихся революционными идеями и, как следствие, вовлеченности их в революционные события: «<...> Да дарует Господь милость после скорби дней сих в тяжелую годину испытаний, ниспосланных Проведением Престола и Отечеству нашему <...> Уж сильно опостыли всякого рода забастовки, а особенно учащейся молодежи, целый год слонявшейся без дела и цели, даже наши духовные семинарии, поставленные быть свещником народу, как учебные заведения, назначенные к воспитанию будущих пастырей и учителей церковных, — и те, к стыду нашему, увлеклись общим духом отрицания и протестов, ударили себя в грязь и осрамили... Одни военно-учебные заведения, сдерживаемые дисциплиной, растворяемой любовью, удержались на должной высоте и не уклонились от своих священных заветов. Да послужит сие утешением и ободрением Вам, как их Августейшему начальнику, в понесении многотрудных забот о благе любимых и близких Вашему сердцу детищ!»⁵⁹

Действительно, главный начальник военно-учебных заведений вел. кн. Константин Константинович сумел так организовать работу

⁵⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 5969. Л. 327–327 об.

⁵⁹ Там же. Лл. 58 об.–58а об.

учебно-воспитательного состава подведомственных ему заведений, что общими усилиями они «с успехом выдержали тяжкое испытание, выпавшее на долю отечественной школы, и заблуждению, приведшему гражданскую школу к забастовкам, был дан <...> дружный отпор», — отмечено в рескрипте от 29 сентября 1906 г.⁶⁰

В бумагах вел. кн. Константина Константиновича сохранилась записка начальника 5-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Д. С. Шуваева (будущего военного министра Российской империи) «О причинах упадка в войсках дисциплины и о мерах к поднятию таковой» от 14 декабря 1907 г., где содержатся мысли, созвучные великому князю. Вот что пишет Шуваев: «<...> Причины ослабления дисциплины в армии я вижу две. Первая — лежит преимущественно вне армии, это — упадок религиозного верования, а вторая — ослабление и неточное соблюдение правил, предписанных военными законами, — внутри ее. <...> Религиозное же верование, имеющее своим источником Господа Бога, призывает к почитанию Его, Царя Небесного, к почитанию Царя земного и почитанию родителей, Начальников и старших; призывает к исполнению заповедей Божиих, призывает положить душу за други своя. Оно, это верование, дает силу и крепость владеть собою, не распускаться, отодвигать свои личные желания, свои личные интересы на задний план во имя интересов Государя, Родины, во имя общего блага. И эту-то великую силу народную, долженствующую лечь в основу воспитания нашего солдата, повторю еще раз, поколебали в простом народе; поколебали, чтобы не сказать больше, и в классе сравнительно образованном.

Там, где с детских лет не преклоняются перед Царем, где не признают авторитета отца, матери, учителя, наставника, старшего; там, где удовлетворение желаний своего Я ставится выше всяких законов Божиих и Царских, где понятие о грехе исчезло; там трудно, конечно, если невозможно совсем, создать дисциплинированную армию, стоящую на высоте своего положения. К счастью для нас, деревня наша еще далеко не в таком отчаянном положении. Нужно только проникнуться великим значением религии всем, ведущим за собой темный народ, нужно и нам в армии, в особенности начальствующим лицам, поддерживать и укреплять ее словом, делом и личным примером, который всегда будет оказывать самое сильное влияние на подчиненных.

Да послужит нам примером и образцом в этом, как и в других делах, Великий сердцевец Русского солдата, А. В. Суворов»⁶¹.

⁶⁰ Военные училища и кадетские корпуса Русской императорской армии в Москве. XIX — начало XX вв. Сборник документов. / Под ред. И. О. Гаркуша; сост. С. А. Харитонов, В. М. Шабанов и др. М., 2009. С. 451.

⁶¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 5969. Лл. 194–195 об.

Кадеты очень дорожили Святым Евангелием, подаренным им при поступлении в корпус, и считали Его благословением вел. кн. Константина Константиновича.

Будучи уже в эмиграции, кадет 13-го выпуска Воронежского Михайловского кадетского корпуса А. Л. Марков вспоминал, что через несколько дней после его прибытия в корпус офицер-воспитатель вручил ему «портативное, изящно оформленное и изданное Евангелие в черном коленкором переплете. И на первой его странице были напечатаны стихи:

Пусть эта Книга Священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.

Пусть эта Книга Спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

К. Р.»⁶²

Покидая Родину, многие из кадет взяли Святое Евангелие «с собой в изгнание среди немногих вещей, напоминающих им дорогое прошлое». В семье А. Л. Маркова бережно сохранялись три экземпляра Святого Евангелия с великокняжеским стихотворным наставлением, подаренные в кадетском корпусе каждому из трех братьев⁶³.

В статье «Памяти Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича» (к годовщине со дня Его кончины) автор — незаменимый помощник главного начальника военно-учебных заведений генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Бутовский — с благодарностью и сердечным теплом рисует дорогой ему образ великого князя.

«<...> И в общественной и в частной жизни, где бы он ни появлялся, он так бывал всегда на месте, он был всегда таким <...> необходимым, таким незаменимым, что и теперь, когда нам приходится быть в такой же обстановке, в такой же среде, его образ сам собою встает перед

⁶² Марков А. Л. Серебряная дощечка. Цит. по: Исаков Е. П. Указ. соч. С. 94–95.

⁶³ Там же.

нашими духовными очами и переживаем невозвратное, но дорогое, полное светлых воспоминаний и всегда богатое содержанием прошлое.

Входите вы в храм Божий, в корпусную или училищную церковь; вот то место, где он обыкновенно стоял во время богослужения: средний проход между ротами, против царских врат, почти по линии задних взводов.

Тому, кто не служил в то время по военно-учебным заведениям, трудно даже представить себе, какое влияние оказывало на воспитанников присутствие великого князя в церкви. Для всех он был примером благоговейного отношения к богослужению, и какой это был высокоучительный пример.

Редко можно было встретить человека, так проникновенно относящегося к службе Божией. <...> Он стоял прямо, как человек военный, он представительен по своей внешности, но вы чувствуете, что он далек от всякой суетной мысли и весь погружен в молитвенное созерцание. Кто из нас, знавших его, не замечал, с каким сосредоточенным вниманием следит он за ходом богослужения; в самом крестном знамении, которым он осенял себя, не частом, не показном, но всегда своевременном и истовом, видна была его глубокая вера...

Я имел счастье сопровождать великого князя и его семейство в чудесном путешествии вниз по Волге, от Твери до Владимира на Клязьме, предпринятом им в 1908 г. для поклонения русским святыням и для ознакомления с русскими древностями.

Я состоял при нем во время его выездов по Высочайшему повелению, в 1901 г., во Владимир-Волынский, для освящения нового собора, а в 1910 г. в Полоцк, для встречи мощей княгини Ефросинии Полоцкой. Во время этих путешествий я всегда с умилением наблюдал его глубокую и трогательную по своей искренности набожность. <...> Не могу забыть здравицы Государю, провозглашенной им во Владимире-Волынском, на большой соборной площади, многим тысячам народа.

Не раз с таким же гармоническим сочетанием молитвенного настроения и величия присутствовал он при освящении новых знамен, жалованных военно-учебным заведениям. <...> Как внимательно слушал он ответ кадет по Закону Божию, особенно в старших классах; его не удовлетворяло заучивание одной только догматической стороны нашего вероучения; урок Закона Божия, по его убеждению, должен был быть прежде всего уроком воспитания в вере и в духе христианской нравственности. <...> Для многих из его питомцев воспоминания о нем будут путеводною звездой на предстоящем им жизненном поприще. <...>⁶⁴.

⁶⁴ Бутовский А. Д. Памяти Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича» (к годовщине со дня Его кончины). Пг., 1916. С. 3, 4, 6, 12.

Великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Страницы биографии

Имя вел. кн. Константина Константиновича (1858–1915) хорошо известно широкому кругу историков. Любители поэзии почитают его как поэта, подписывавшего свои творения инициалами «К. Р.».

В этом году исполнилось 135 лет с того дня, как он женился на принцессе Саксен-Альтенбургской, получившей в России имя Елизаветы Маврикиевны. Их свадьба состоялась 14 апреля 1884 г. в Петербурге. В семье родилось 9 человек детей, князей и княжон императорской крови: Иоанн (1886–1918); Гавриил (1887–1955); Татьяна (1890–1979); Константин (1890–1918); Олег (1892–1914); Игорь (1894–1918); Георгий (1903–1938); Наталия (10.03.1905–10.05.1905); Вера (1906–2001). В отличие от знаменитого супруга Елизаветы Маврикиевны, ее биография практически не изучалась.

Исследователи биографии вел. кн. Константина Константиновича обходили эту тему «стороной», а материалы о ней, опубликованные в интернете, в большинстве своем тенденциозны, субъективны и противоречивы. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно познакомиться с этой мало исследованной темой. В предлагаемой вниманию читателей работе автор сделал попытку на основании документов Константиновской ветви дома Романовых набросать штрихи к портрету супруги великого князя. Частично вопросы взаимоотношений великого князя с супругой уже затрагивались в материалах Гатчинской конференции¹.

Вел. кнг. Елизавета Маврикиевна (ее полное имя — Елизавета-Августа-Мария Агнесса), принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская (*рис. 1*) родилась 13 (25) января 1865 г. в Мейнингене в семье принца Морица Саксен-Альтенбургского и принцессы Августы-Луизы Саксен-Мейнингенской. Ее отец — принц Мориц, по материнской линии

¹ Андреев В. Е. Сердечные тайны (Отрывки из писем и дневников великого князя Константина Константиновича как иллюстрации некоторых аспектов семейной жизни рода Константиновичей) // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций: сб. материалов конференции / ГМЗ «Гатчина». Гатчина, 2012. С. 3–15.

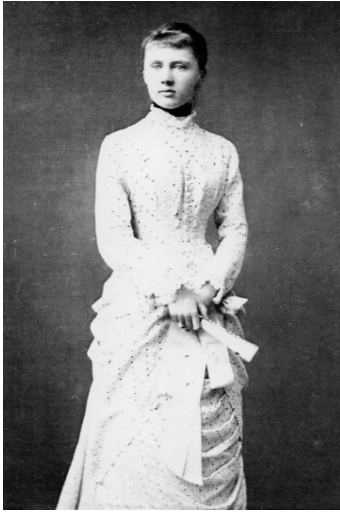

Рис. 1. Принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская Елизавета. 1880 г. ГА РФ

являлся внуком великой княгини Елены Павловны и правнуком российского императора Павла I, а по отцовской — приходился двоюродным братом вел. кнг. Александры Иосифовны (матери вел. кн. Константина Константиновича, до замужества Александрины-Фредерики-Генритты-Паулины-Марианны-Елизаветы принцессы Саксен-Альтенбургской). Следовательно, невеста приходилась троюродной сестрой своему жениху. Такое родство не является препятствием для заключения церковного брака.

Вспомним историю знакомства Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны. Молодые люди познакомились в июне 1882 г., когда великому князю пришлось отправиться в Альтенбург в качестве представителя семьи на похороны своей троюродной сестры Маргариты. Молодые люди понравились друг

другу. Однако возникли трудности иного плана: родители девушки не хотели, чтобы их дочь уезжала в Россию, где в то время происходили политические волнения. (Прошло всего полтора года, как от рук террористов погиб император Александр II). Возможно, именно на это обстоятельство указывает вел. кн. Константин Константинович в своем письме из Афин от 22 февраля 1883 г. к другу и двоюродному брату вел. кн. Сергею Александровичу: «...я невольно строю... воздушные замки. Там (в Альтенбурге. — *В. А.*) не хотят меня и вместе с тем, не перестают говорить, справляться и писать обо мне»². Спустя несколько месяцев, в письме от 9 октября, уже из Петербурга он отмечает: «Я возлагаю большие надежды на конец октября или начало ноября: вероятно, удастся съездить в Старгород (так иногда великий князь называл Альтенбург. — *В. А.*). Кажется, препятствий нет»³. 1 ноября 1883 г. Константин Константинович сообщает, что его официально пригласили в Альтенбург: «Счастье мне улыбнулось;

² Цит. по: Письма великого князя Константина Константиновича великому князю Сергею Александровичу 1882–1884 гг. / Сост. Лобашкова Т. А. М., 2016. С. 131. (В издании опубликованы документы из: ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 64).

³ Там же. С. 152.

я добился, чего желал: меня пригласили в Старгород ... Родители согласны, все довольны, и меня ждут»⁴. 12 ноября в письме к вел. кн. Сергею Александровичу Константин Константинович делится своими впечатлениями о невесте: «Она не обманула моих ожиданий: своею внешностью она мне даже более нравится, чем в прошлом году»⁵ (рис. 2). Однако от великого князя не укрылся факт психологического давления матери на дочь: «Я сразу заметил, что она страшно боится матери, и кидает на нее испуганные взоры; та, кажется, не спускает с дочери глаз, наблюдает за нею, и наводит на нее смертельный ужас... Впрочем, я верю, сам Господь вмешается в мое дело!»⁶

Рис. 2. Вел. кнг. Елизавета Маврикиевна и вел. кн. Константин Константинович. 1884 г. ГА РФ

15 ноября 1883 г. в Альтенбурге состоялась помолвка. Вопрос решен и 26 ноября следует запись в дневнике: «Я люблю невесту. Без увлечения, без страсти, без восторгов, но люблю. Мне Бог ее послал, я не сам ее выбрал...»⁷ Сходные чувства и в записи от 30 ноября: «Теперь я окончательно убедился, что люблю невесту более из чувства долга, по обязанности, чем... по влечению. Это меня огорчает, но не мучит как первые дни после помолвки»⁸.

Был еще один аспект, который мешал духовному сближению супругов. Великий князь являлся православным человеком. Но невеста отказалась перейти в православную веру. За несколько дней до свадьбы принцесса сообщила, что обещала отцу-лютеранину не переходить в православие. Для жениха это было сильным потрясением: «У нас был тяжелый разговор. Она наотрез отказалась прикладываться ко кресту и иконам и исполнять наши обряды... Она утверждала, что если приложится ко кресту, то покажет этим людской страх и пожертвует страхом Божиим.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 159.

⁶ Там же. С. 159–160.

⁷ Вострышев М. И. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М., 2001. С. 93.

⁸ Там же.

Я не хотел насилловать ее убеждений. Но мне было... так больно, что я не знал, куда деваться от тоски и обращался с молитвой к Богу»⁹. Единственное, что успокаивало великого князя — это вера в то, что Елизавета послана ему Богом.

14 апреля 1884 г. около полудня в Зимний дворец стали съезжаться представители императорской фамилии, высшие сановники, члены дипломатического корпуса и те, кто имел право «приезда ко двору». Торжественно пройдя по парадным залам, свадебная процессия вошла в Большую церковь Зимнего дворца. Венчание сначала состоялось по православному обряду. «Началось богослужение... я видел уже в Елизавете свою жену, которая мне дана навеки, которую я должен любить, беречь, холить, ласкать»¹⁰. Затем свадебная процессия переместилась в Александровский зал, где молодых обвенчал лютеранский пастор.

С первых дней пребывания в России новоиспеченная великая княгиня стремится установить дружеские отношения с родственниками мужа и в первую очередь заручиться покровительством своего свекра. Вел. кн. Константин Константинович в письме к отцу от 19 мая 1884 г. отмечает: «Лиленька, — так я называю жену, сама пишет тебе. Это она сама сочинила, я ей нарочно не упоминал об этом. Меня радует видеть, как она тебя полюбила и как скоро и легко к тебе привязалась... Семья очень полюбила Лиленьку, и она уже почти свой человек»¹¹. У Елизаветы достаточно быстро установились хорошие отношения со своей свекровью — вел. кнг. Александрой Иосифовной и сестрой мужа — королевой Греции Ольгой Константиновной.

Молодой супруг помогал жене привыкать к российскому менталитету. Он много занимался с ней русским языком. 10 октября 1885 г. в письме к вел. кн. Сергею Александровичу Константин сообщает подробности: «Ежедневно гуляем с женою пешком, и говорим по-русски... Я заставлял ее читать... Лермонтова “Парус”, она знает его наизусть, “Воздушный корабль”, “Утес”, “Молитву”, “Выхожу один я на дорогу”... Все незнакомые слова записываю ей, и она учит их наизусть»¹². Осенью 1886 г. великая княгиня с мужем уже постоянно между собой говорили по-русски. Надо заметить, что вел. кн. Константин Константинович на

⁹ Там же. С. 101.

¹⁰ Там же.

¹¹ Цит. по: Переписка великого князя Константина Константиновича с родителями и няней В. Михайловой 1863–1908 гг. / Сост. Лобашкова Т. А. М., 2017. С. 261. (Опубликованы документы из: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 780).

¹² Цит. по: Письма великого князя Константина Константиновича великому князю Сергею Александровичу... С. 218.

протяжении всей семейной жизни читал жене художественную литературу на русском языке, знакомил ее с творчеством А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева. Муж понимал, что супруга провела свое детство в знатной, но не столь обеспеченной с финансовой точки зрения семье. Он знакомит жену с выдающимися достижениями европейской культуры. Во время их путешествия из Венеции он пишет своему отцу: «Жена в восторге от поразившей ее необыкновенной обстановки; мало-помалу в ней развивается если не охота к изящному искусству, то чувство прекрасного»¹³.

Как уже ранее отмечалось, вел. кнг. Елизавете Маврикиевне посвящено не так уж много исследований к тому же, большей частью, опубликованных в интернете. Так анонимный автор в своей статье «Елизавета неизвестная» утверждает: «Елизавета обладала ровным характером, была приветлива, обладала хорошим чувством юмора»¹⁴. Однако, переписка ее супруга со своим отцом, показывает нам, что характер молодой женщины был далек от идеала. В письме от 11 июня 1885 г. он отмечает: «Теперь приступаю к самому трудному вопросу твоему, а именно: is she improved¹⁵? Это ты говоришь про мою Лиленьку. По-моему, скорее да, чем нет. За время путешествия мы не всегда бывали приятны: капризничали, волновались, жаловались без всякой причины. Скажу в свое обвинение, что в начале поездки я еще был нервен, раздражителен, вспыльчив... Я замечаю, что на Лиленьку более всего действуют наставления в проповедническом духе: она перед ними стихает и *смиряется до новой вспышки* (курсив мой. — В. А.)»¹⁶. Обратим внимание, что это все происходит спустя год после начала семейной жизни, и молодые люди еще недостаточно «притерлись» друг к другу. Вполне возможно, что эти «сцены» были вызваны разным уровнем духовного развития супругов, сказалась видимо некая «провинциальность» в воспитании немецкой принцессы. Ее больше интересовали придворные сплетни, новости высшего общества и прочая мирская суета — все то, к чему ее супруг был совершенно равнодушен. Став женой великого князя, она не смогла проникнуться философскими вопросами, которые были ему особенно близки: размышлениями о смысле жизни и месте человека в этом мире.

¹³ Переписка великого князя Константина Константиновича с родителями и няней В. Михайловой... С. 265–266.

¹⁴ Елизавета неизвестная. Часть первая. [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b3dc778d150d600a93665bb/elizaveta-neizvestnaia-chast-pervaia-5b61bbf6d908d200a9e200fb> (дата обращения: 02.08.2019).

¹⁵ она улучшилась (англ.).

¹⁶ Переписка великого князя Константина Константиновича с родителями и няней В. Михайловой... С. 269.

«Со мною у нее редко бывают настоящие разговоры... В ней есть общая Альтенбургскому семейству подозрительность, безграничная боязливость, пустота и приверженность к новостям, кажущимся мне не стоящими никакого внимания. Переделаю ли я ее на свой лад когда-нибудь?»¹⁷, — цитирует историк А. Н. Боханов запись Константина Константиновича, сделанную через несколько месяцев после свадьбы. Великий князь, подобно Пигмалиону, пытался воплотить в своей жене образ, созданный в своем воображении: единомышленицы, умной, тонкой натуры, хорошо разбирающейся в искусстве. Вот этого неизвестный автор (судя по стилистике — это женщина), «простить» великому князю никак не может. Она встает грудью на защиту Елизаветы Маврикиевны: «...а Константин не задумывался, что пытаться переделать человека “на свой лад” вообще занятие бесперспективное?... Ему не приходило в голову, что жена, которая знала о том, что он постоянно изменяет ей с мужчинами, прощала его, продолжала его любить, заслуживает, как минимум, хорошего к себе отношения и уважения со стороны супруга, а не презрения, за то, что она не дотягивает до его возвышенных идеалов? Да, возможно она была обычной женщиной, интересовавшейся модой, салонными разговорами, а также своей семьей... А если еще к этому прибавить... его вечную занятость... то картина семейной жизни Елизаветы совсем уж безрадостная...»¹⁸. Таким образом, вывод напрашивается сам собой: муж — тиран, жена — невинная жертва, которой уготована роль многодетной матери, в обязанности которой входит лишь угождение своему супругу и ведение домашнего хозяйства. Схожие взгляды содержатся и в короткой исторической заметке исследователя И. Азарова¹⁹. Примечательно, что оба автора не только указывают на нетрадиционную ориентацию Константина Константиновича, но утверждают, что этот факт был известен членам его семьи. Думается, что это большое заблуждение. Это сейчас, особенно на Западе, нетрадиционная сексуальная ориентация считается чуть ли не в порядке вещей. То, что сам великий князь доверял своему дневнику, отнюдь не означало, что об этом его грехе знал кто-то другой, помимо его духовника. Свидетельством этому является следующая запись великого князя: «Суббота 13 марта... У нас завтракала Елена Альтенбургская. Разговор шел о ее приятелях, принадлежащих к высшему обществу Берлина, появившихся в скандальном процессе, вызванном их противоположными наклонностями. Елена должна была

¹⁷ Боханов А. Н. Романовы. Сердечные тайны. М., 2000. С. 176.

¹⁸ Елизавета неизвестная. Часть первая...

¹⁹ Азаров И. Мавра из Мраморного дворца. [Электронный ресурс] URL: https://историк.рф/special_posts/мавра-из-мраморного-дворца/ (дата обращения: 02.08.2019).

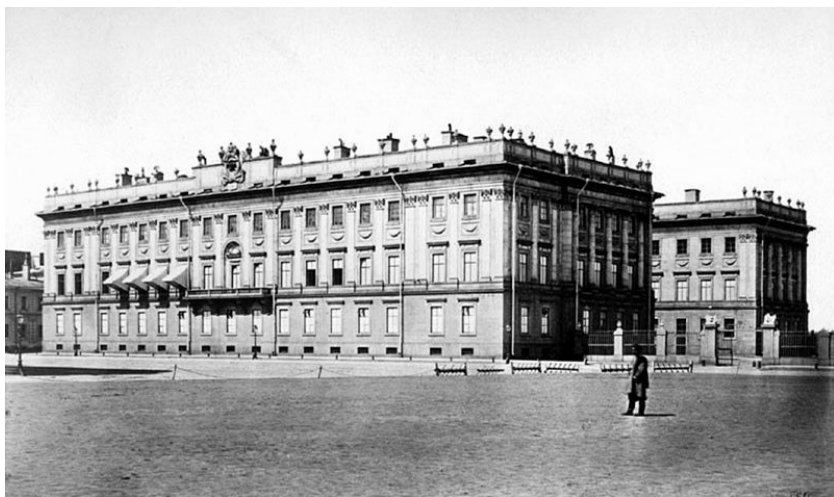

Рис. 3. Мраморный дворец в начале XX века. ЦГАКФФД

разнакомиться с этими господами, из которых иные отцы семейства. Она высказывала, что они ради детей должны бы наложить на себя руки или как-нибудь навсегда исчезнуть. И я поневоле задумался: и что, если и я буду обнаружен?»²⁰

Утверждение, что великий князь уделял мало внимания жене и относился к ней с презрением, также не выдерживает критики. Страницы дневника содержат многочисленные сведения о прогулках супругов по Петербургу, Павловску, Стрельне. Неоднократно упоминается, что родители вместе с детьми завтракали или обедали в Малой гостиной Мраморного дворца (рис. 3, 4). Вместе с мужем великая княгиня обустроивает Малую гостиную мебелью, купленной весной 1892 г. в Париже. 25 сентября примечательная запись: «Петербург. Мраморный дворец. Вчера мы сюда переехали и водворились в своем уютном гнездышке на всю долгую зиму»²¹. Супруги постоянно бывали на официальных приемах у императорской четы, посещали театры, выставки. Случалось, что семейство великого князя посещало императора и императрицу, что называется, в «неформальной обстановке». 20 января 1907 г. великий

²⁰ Дневник великого князя Константина Константиновича 1909–1910 гг. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 264. (Опубликованы документы из: ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 62).

²¹ Дневник великого князя Константина Константиновича 1892 г. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 193.

Рис. 4. Малая гостиная в стиле Людовика XV. С негатива нач. XX в. НА ИИМК РАН. Нег. № П-6414

князь делает запись в дневнике: «После всеобщей с женой, Митей и шестерыми старшими детьми, поехали в двух экипажах в Царское, куда Их Величества пригласили нас обедать. Там никого из чужих не было. Царь с Царицей были с нами и детьми необыкновенно милостивы и ласковы; после обеда смотрели в круглом зале кинематограф. Было забавно и весело, не заметили, как прошло время до полночи»²².

В начале февраля 1908 г. у Константина Константиновича обнаружили дифтеритные палочки. Врачи, опасаясь распространения инфекции, ввели карантин и переселили больного из Павловска в Мраморный дворец. Великая княгиня решила последовать за мужем. В Мраморном супруги поселились не в своих апартаментах на первом этаже окнами, выходящими на Миллионную улицу, а наверху, в комнатах, расположенных на набережную Невы и Мраморный переулок: «Вторник. 5 февраля... В Мраморный въехали с переулка в ворота, под которыми налево подъезд и лестница в наше временное помещение. Угловая комната, окном в переулок и двумя на набережную, служит нам гостиной и столовой; следующая, двумя окнами на Неву, — мой кабинет; рядом, опять двумя окнами на Неву, — моя спальня. Комната во двор — женина уборная, а подле нее в темной комнате с умывальником и удобствами, — моя уборная с двумя выходами... Мило, удобно и уютно. Прекрасно устроились. Точно медовый м[есяц] справляем»²³. Вынужденный карантин продолжался достаточно долго — с 4 февраля по 21 марта. Супруги оказались «пленниками» Мраморного дворца, доступ к ним был ограничен — помимо доктора Д. А. Муринова, еще 3–4 человека прислуги. Находясь в сравнительно небольшом замкнутом пространстве, супруги много времени проводили вместе. И если бы великий князь испытывал раздражение к жене, то, безусловно, это было бы отражено в дневнике. Но этого нет, более того, делая очередную запись в дневнике касательно 13 февраля, Константин Константинович

²² Дневник великого князя Константина Константиновича 1906–1907 гг. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 264.

²³ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907–1909 гг. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 137.

вновь обращает внимание на ту атмосферу, которая сложилась между ними: «Жене очень нравится “наш медовый месяц”; нас друг от друга никто не отнимает»²⁴.

Великая княгиня была хорошей, заботливой матерью, когда кто-нибудь из детей заболел, она не отходила от постели больного, завтракала и обедала у него. Но помимо «материнских» или «домашних» обязанностей, согласно традиции Дома Романовых, на ней лежали еще и представительские функции, которыми ни одна особа из членов императорской фамилии не пренебрегала. Достаточно привести сведения только за январь 1908 г. Великий князь указывает в своем дневнике: «Четверг. 10 января. <...> У жены в Мраморном был дамский прием... Суббота. 12 января... Пригласили Heinrich'a Кюндингера, которому по нашему представлению пожалована Анна с бриллиантами на шею. Жена сама вручила ему орден к великому его изумлению и радости... Пятница. 18 [января]. К завтраку поехали с женой в город, где у нас был дипломатический прием»²⁵.

В апреле 1909 г. праздновалась серебряная свадьба вел. кн. Константина Константиновича и вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны (рис. 5). К этому знаменательному событию муж приготовил жене несколько подарков, одним из которых был купленный у Фаберже серебряный браслет с двумя сапфирами. В первый день торжеств в лютеранской церкви св. Доротеи в Павловске прошло торжественное богослужение. А вечером в Греческом зале состоялся большой семейный обед. «Когда все разъехались, я подарил жене аквамариновую диадему, а она мне синий эмалевый овал с миниатюрными портретами своим и детей, подвешенной на бронзовой стопке»²⁶. Юбилейные торжества продолжились

Рис. 5. Вел. кн. Константин Константинович с супругой вел. кнг. Елизаветой Маврикиевной и герцогом Эрнстом Саксен-Альтенбургским (братом великой княгини) в окружении детей. 23 апреля 1909 г. Фотограф Городецкий. ГА РФ

²⁴ Там же. С. 141.

²⁵ Там же. С. 118, 119, 122.

²⁶ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 47, 48.

вечером 15 апреля в Мраморном дворце. Великий князь отметил, что поздравляющих было более тысячи человек. «Мы... никак не рассчитывали, что соберется в Мраморный чуть-ли не весь город. Мы были умилены и тронуты до слез»²⁷.

Закончились юбилейные торжества, и вскоре на повестку дня встал вопрос о необходимости устраивать семейную жизнь старшего сына Иоанна Константиновича, человека скромного, влюбчивого и очень неуверенного в себе²⁸. Вел. кнг. Елизавета Маврикиевна, зная о том, каким нервным и впечатлительным ребенком рос Иоанчик, решила взять вопрос о выборе для него невесты в свои руки. Именно она предложила кандидатуру дочери сербского короля Петра I Карагеоргиевича — принцессу Елену. Свадьба состоялась 21 августа 1911 г. А через 3 дня родители выдали замуж свою старшую дочь Татьяну. Вскоре вел. кн. Константин Константинович и его супруга были награждены внуками.

Никто тогда не подозревал, что судьба готовила великой княгине тяжелые испытания. 29 сентября 1914 г. в Вильно в госпитале от ран скончался сын, корнет л.-гв. Гусарского полка, кн. Олег. 19 мая 1915 г. в бою под Львовом убит зять — поручик Кавалергардского полка, князь Константин Багратион-Мухранский, оставивший вдову с двумя маленькими детьми. А вечером 2 июня 1915 г. в Павловске скоропостижно скончался от сердечного приступа супруг — вел. кн. Константин Константинович. Согласно духовному завещанию покойного, вдова получила в пожизненное пользование его капитал и все недвижимое имущество. Но 24 февраля 1916 г. великая княгиня подписывает «Акт отречения от наследственных прав на имущество почившего великого князя Константина Константиновича» в пользу своих детей, оставив за собой только право владения Мраморным дворцом²⁹.

Вскоре произошла Февральская революция, затем — Октябрь 1917-го. 26 марта 1918 г. был опубликован декрет СНК о высылке членов бывшего императорского дома Романовых. В этом списке были трое сыновей вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны — Иоанн, Константин и Игорь. Младший брат покойного вел. кн. Константина Константиновича — вел. кн. Дмитрий Константинович был сослан в Вологду. Татьяна Константиновна не могла бросить на произвол судьбы своего больного дядю. Она, взяв своих маленьких детей, поехала вместе с ним в ссылку. Елена

²⁷ Там же. С. 50.

²⁸ Подробнее см.: Андреев В. Е. Указ. соч. С. 3–15.

²⁹ Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 836. (Опубликованы документы из: ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 344).

Петровна, оставив на попечение свекрови сына Всеволода и дочь Екатерину, тоже покинула Петроград, отправившись вслед за своим мужем. Ввиду болезни князь Гавриил Константинович временно был оставлен в Петрограде, но к этому времени он переехал на Каменноостровский проспект Петроградской стороны в квартиру своей жены, бывшей балерины Мариинского театра А. Р. Нестеровской. Таким образом, к маю 1918 г. из всего многочисленного семейства в Мраморном дворце осталась лишь вел. кнг. Елизавета Маврикиевна с младшими детьми — сыном Георгием, дочерью Верой и внуками.

18 мая 1918 г. закончился срок, отведённый советской властью для проживания бывшим владельцам в Мраморном дворце. Вел. кнг. Елизавете Маврикиевне вместе с детьми и внуками пришлось переехать в дом № 10 на Дворцовой набережной известный как «дом Жеребцовой».

В ночь на 18 июля 1918 г. в шахте Селинская, недалеко от Алапаевска были казнены трое сыновей великой княгини — Иоанн, Константин и Игорь, а также вел. кн. Сергей Михайлович, вел. кнг. Елизавета Федоровна, ее келейница Варвара и кн. Владимир Палей. А 15 августа 1918 г. по распоряжению ЧК был арестован кн. Гавриил Константинович.

И даже после всего этого великая княгиня отказывалась от эмиграции. По воспоминаниям ее младшей дочери кнж. Веры, она руководствовалась принципом своего покойного супруга: «...если Россия в нужде, то Русский Великий Князь ее не покидает»³⁰. И все же уехать пришлось. Младший сын — Георгий — подрастал и в любой момент мог быть арестован, а однажды ночью у них был проведен обыск. Осенью 1918 г. великая княгиня через шведское посольство получила письмо от шведской королевы Виктории, с которой она была дружна. В нем содержалось приглашение перебраться в Швецию. Большую помощь в этом вопросе, по воспоминаниям кнж. Веры Константиновны, сыграли шведские дипломаты и протестантский епископ в Петрограде — Фрейфельд. В ноябре на корабле «Онгерманланд» великая княгиня покинула Россию вместе со своими детьми Георгием и Верой, а также внуками Всеволодом и Екатериной, и их ирландской бонной. Семейство Романовых сопровождали бывший управляющий двором вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны, в прошлом адъютант вел. кн. Константина Константиновича князь В. А. Шаховской с супругой и камеристка великой княгини Эмма Карловна Шадевиц³¹.

Находясь в эмиграции, Елизавета Маврикиевна осенью 1919 г. навестила вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Эта встреча зафиксирована в дневнике государыни: «В 4 часа дня приехала бедняжка

³⁰ Из воспоминаний княжны Веры Константиновны // Княжна Вера Константиновна. К 100-летию со дня рождения. СПб., 2007. С. 64.

³¹ Там же. С. 65.

Рис. 6. Вел. кнг. Елизавета Маврикиевна с детьми кн. Георгием, кнж. Верой, кнг. Татьяной и ее детьми Теймуразом и Наталией. Брюссель. 1921 г. ГА РФ

Мавра, с головой погруженная в свое жуткое горе. Она не изменилась, только в волосах появилась седина. Она горюет по сыновьям, но ведь она лишилась еще и любимой сестры... и многие ее родственники ушли из жизни за то время, когда они были разлучены. Она рассказала много интересных вещей о пережитых ею ужасных событиях»³².

Около двух лет великая княгиня прожила в Швеции, а в 1920 г. она переехала в Бельгию и поселилась в Брюсселе (*рис. 6*). В 1922 г. герцог Саксен-Альтенбургский Эрнст пригласил сестру в Альтенбург, где она и поселилась со своей младшей дочерью, кнж. Верой.

Позднее, вспоминая свой отъезд из России, Вера Константиновна обращала внимание на следующий факт: «На каждого из нас полагался один сундук. На пристани все осмотрели. Запретили вывозить серебро и золото. Даже осматривали медную оправу моих очков»³³.

Финансовые вопросы и связанные с ними материальные проблемы были характерны для многих эмигрантов. Вел. кнг. Елизавета Маврикиевна и ее четверо детей не были исключением из этого правила. А. А. Беляева, бывшая няня Иоанна и Гавриила, в письме к своему бывшему питомцу от 21 декабря 1921 г. сообщает ему о своем посещении великой княгини: «... сказала мне, что у нее с вещами почти крах, что не умеет мне объяснить, в чем дело, но знает, что случилось что-то ужасное, боится, что она и сама скоро должна будет просить... Советовала тоже... что нужно всем работать...»³⁴. И все же, каким-то невероятным образом,

³² Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы) / Сост., рук. пер. коллектива и науч. ред. Ю. В. Кудрина. М., 2005. С. 398.

³³ Из воспоминаний княжны Веры Константиновны... С. 65.

³⁴ Константиновичи императорского дома Романовых в изгнании. 1919–1966. Документы. / Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2017: Книга 1. С. 267. Опубликованные документы хранятся в Доме Русского Зарубежья им. А. Солженицына в личном фонде вел. кн. Гавриила Константиновича. (ДРЗ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 40. Лл. 16–198 об.).

возможно, используя дипломатические каналы, часть фамильных драгоценностей, которые удалось ранее скрыть от большевистской «инвентаризации», была великой княгиней вывезена за рубеж. На такой вывод наводит текст письма князя Шаховского (который фактически вел дела вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны в эмиграции), к жене кн. Гавриила Константиновича — А. Р. Нестеровской от 7 февраля 1921 г. «... меня надоумили обратиться к обществу ювелиров Парижа, ведущему торговлю камнями “on gros”*: это люди — знатоки и торговцы-профессионалы — с ними, нам, смертным, не бороться... Вел[икая] Княгиня вступает в их предприятие пайщиком (акционером), внося свой взнос вещами и получает взамен временно (в источнике подчеркнуто красным карандашом, и рядом поставлен «?»). — В. А.), акций общества на эту сумму по их номинальной цене; таким образом, при ликвидации вещей прибыль общества (дивиденд), падающий на каждую акцию, делается доходом и Вел[икой] Княгини... По ликвидации вещей, общество выкупает акции у Вел[икой] Княгини, уплачивая ей чистые деньги, т. к. им интересно самим быть вершителем судеб дела, имея больше голосов на общих собраниях...»³⁵ Деньги великой княгине были нужны не только для себя. Она оказывала финансовую помощь и своим детям, переводя им денежные средства. Финансовая операция, о которой пишет князь Шаховской, очень беспокоила Гавриила Константиновича. Так, в письме от 30 (17) июля 1922 г. он пишет: «Милая мама! Наконец, собрался написать тебе по делу о твоих драгоценностях. Кульман, рассмотрев отчет Общества Linzeler, в моем присутствии беседовал с кн[язем] Ливеном... выяснилось, что твои драгоценности, к величайшему сожалению, были помещены в дело в то время, когда уменьшение капитала предприятия стало уже очевидным... в самый момент заключения сделки ты, в сущности получила акций не на 3400000 франков, а на 40 % меньше, то есть, сразу потерпела убыток на 1360000 вместо обещанных больших прибылей. Кн[язь] Ливен говорит, что сам был введен в заблуждение... Если дело в течение ближайшего времени не поправится, то несомненно, твои акции потеряют всякую ценность, и твои вещи надо будет считать погибшими...Твой Гавриил»³⁶. В письме от 21 декабря 1922 г. (3 января 1923 г.) Гавриил Константинович вновь сообщает матери: «Я только что узнал из источника, не подлежащего никакому сомнению (здесь и далее подчеркнуто в источнике. — В. А.), что дело Linzeler'a на краю гибели. Нужно сделать все возможное, чтобы избежать разорения. Самое лучшее,

* большие (фр.)

³⁵ Там же. С. 174–175.

³⁶ Там же. С. 30.

поручить это дело адвокату. Я уверен, что Шаховской, как преданный тебе человек, с этим справится. Его обманули, и продолжают обманывать. Я знаю, дорогая Мама, что тебе неприятно получать от меня подобные письма. Но я должен спасти тебя. Это мой долг перед тобой и твоими детьми.... Милая Мама я же не враг тебе. Ради Бога, послушайся меня. Я сообщу все, что нужно, если ты согласна...Твой Гавриил»³⁷. С большой долей вероятности, можно считать, что, скорее всего, речь идет о существовавшей в то время во Франции фирме «Linzeleg-Marchak», образованной французским художником-ювелиром Робертом Линзелем и его компаньоном Александром Маршаком.

Переписка сына с матерью сохранилась лишь частично, да и то в копиях. И, тем не менее, можно говорить о том, что некоторые люди сознательно пытались «вбить клин» между великой княгиней и ее сыном Гавриилом. Во всяком случае, такое впечатление складывается из текста копии письма Гавриила от 17 января 1923 г. «Дорогая Мама! Русская пословица гласит: “Не сделай добра — не получишь зла”. Это случилось со мной... Я твой сын, все силы направлю к тому, чтобы прекратить все недоразумения... приведения дела в ясность... а вместо этого, я встречаю одни лишь неприятности... Мама, я потрясен всем происшедшим, и вижу, что вы все видите во мне врага, даже ты — моя мать. Ты пишешь, что тебя просили предостеречь меня от лишних разговоров по этому делу, т. к. якобы порчу Обществу. Это ложь, т. к. ...по приезде в Париж... со всех сторон приходили ко мне люди и умоляли меня предупредить тебя о гнилости и конечном крахе этого дела... Папа никогда бы не позволил унижать своего сына, что ты так часто и легко делаешь. Я слишком много пережил... постоянно доказывая тебе что я никому не врал, тебе только верный сын и хочу лишь мира и спокойствия. Храни тебя Бог. Твой Гавриил»³⁸. Читая этот текст, понимаешь, что это горькое послание к матери написано с глубокой болью и обидой. Гавриил, получивший прекрасное воспитание, пытается быть в создавшейся ситуации тактичным, но, тем не менее, осознает, что своей прямоотой причиняет боль родной матери.

Неясным остается вопрос: была ли это сознательная афера или простое стечение обстоятельств, но деньги великая княгиня, судя по всему, потеряла. Это видно из письма Н. К. Кульмана кн. Гавриилу Константиновичу: «...князь Шаховской оказался знатоком, предупреждая, что бумаги могут превратиться, по его образному выражению “в пипифакс”... Великая Княгиня самоотверженно спасла чужое гнилое дело, губя одновременно, тогда только 40 %, помещаемое в дело свое

³⁷ Там же. С. 31.

³⁸ Там же. С. 31–33.

имуущество. Кто был недобросовестен, я само собой, не знаю... Однако... с юридической стороны сделка была обставлена правильно. Поэтому адвокат, по-моему, делу не поможет»³⁹. Далее следует совет, что единственный выход, если, как утверждают, что «дело идет хорошо» — это продать акции великой княгини какому-нибудь ювелиру. Весьма интересно заключение письма: «...откровенно должен сказать Вашему Высочеству, что я, конечно, готов все сделать для Великой Княгини, но предпочел бы к этому делу не прикасаться, по возможности»⁴⁰. Вероятно, Гавриил Константинович не хотел афишировать ситуацию, сложившуюся из-за этих несчастных денег, но все же не исключал возможности ее «обнародования» в последующем. Скорее всего, к этому его побуждала защита своего честного имени. Наверное, именно этим можно объяснить факт снятия им копий не только со своих писем к матери, но и копий ее писем к нему. Именно благодаря этому обстоятельству мы знаем позицию вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны по данному вопросу. Вот выдержки из копии ее письма от 20 июня 1923 г., собственноручно снятой Гавриилом: «Милый Гаврилушка... Как мне больно..., что именно ты можешь думать, что я на тебя смотрю, как на врага. Можешь говорить и спросить кого угодно, как я всегда о тебе отзывалась: Тот и тот говорил мне то, и то. Тогда бы не было недоразумения... Нельзя сказать: “Все обманывают”, и потом молчать и оставить, как будто ничего не случилось. Надо довести дело до конца, и люди, которые тебя предупредили из-за преданности нам, должны делать это открыто и не прятаться... Я все время молюсь, чтобы только ничего не стало между тобою и мною. Я тебе писала, что я знаю, что ты все делаешь из доброго чувства, и не понимаю, что ты можешь думать, что я смотрю на тебя, как на врага. Приезжай скорее. Папа бы конечно, очень огорчен всем этим, но вряд ли счел бы виновною только меня... Папа сказал бы: приезжай, поговорим. + М[ама]»⁴¹.

Несмотря на все финансовые проблемы и связанные с ними материальные трудности, великая княгиня продолжала заботиться о своих детях и внуках. В это трудное для нее время именно общение с младшими поколениями ее семьи являлось для нее «лучом света в темном царстве». 28 декабря 1925 г. в письме к А. А. Беляевой она пишет: «Наслаждалась эти дни со своими чадами. Не могу довольно благодарить Бога, что они между собою так дружны. Я каждый раз больше люблю Нину Рафаиловну. Бедная Татяна очень утомляется слишком много бегаёт из-за Союза православных женщин, себя не бережет! <...> Муразик

³⁹ Там же. С. 200.

⁴⁰ Там же. С. 201.

⁴¹ Там же. С. 35, 36. Знаком «+», в семье великого князя на письме обозначался воздушный поцелуй.

прелесть. Школа, по-видимому, хорошо влияет на него. Натуся была про-
стужена, лежала, и я очень мало ее видела до сих пор»⁴².

Постоянные волнения за судьбы своих близких, стеснение фи-
нансовых средств — все это подтачивало здоровье великой княгини.
В своем письме к А. А. Беляевой, написанном в январе 1925 г., она сооб-
щает некоторые подробности состояния своего здоровья: «Я все еще не
совсем здорова все эти недели. Была у известного профессора в Leipzig'e,
и 13-го еще туда поеду. Он думает, что это все больше нервы. Но мне
кажется, что от желудка»⁴³. В начале следующего 1926 г. Елизавета
Маврикиевна, обращаясь все к тому же адресату, замечает: «Я чувствую
себя гораздо лучше, только немного слаба»⁴⁴. Однако болезнь не отсту-
пала. 25 ноября 1926 г. в письме к той же Беляевой, она сообщает неуте-
шительные известия: «Благодарю Вас сердечно за молитвы и участие
в моем недуге. Но знаете, как отвратительно себя чувствовала в сентябре.
Мне нужно еще несколько раз вернуться в Лейпциг, в клинику, чтобы
лечиться лучами»⁴⁵.

Но побороть болезнь ей было не суждено. Великая княгиня скон-
чалась от рака 11 (24) марта 1927 г. пережив своего мужа на 12 лет. Вспо-
минала ли она Россию, в которой провела половину своей жизни и где
похоронены ее супруг и пятеро детей? Однозначно — да! Вместе с тем
она не питала никаких иллюзий, что ее поколению эмигрантов предста-
вится возможность ее увидеть. Об этом она сообщала А. А. Беляевой еще
в первые годы своей вынужденной эмиграции: «Увидим ли мы когда-ни-
будь Россию, более чем сомнительно»⁴⁶. Перед смертью великая княгиня
письменно завещала, когда это будет возможно перезахоронить ее прах,
чтобы упокоится рядом с ее горячо любимым супругом в великокняже-
ской усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге.
Ее последняя воля по-человечески понятна, однако, в ее исполнении есть
одна, но очень серьезная проблема: супруги, как мы помним, принадле-
жали к разным конфессиям, а в православном соборе (Петропавловский
собор и великокняжеская усыпальница — единый комплекс) по право-
славным канонам нельзя хоронить иноверцев, пусть даже и христиан.

⁴² Там же. С. 407. Речь идет о Нестеровской Антонине Рафаиловне (1890–
1950) — супруге кн. Гавриила Константиновича, и внуках: детях кн. Татьяны
Константиновны — кн. Багратион-Мухранском Теймуразе Константиновиче
(1912–1992), кнж. Багратион-Мухранской Наталье Константиновне (1914–1984).

⁴³ Там же. С. 404, 405.

⁴⁴ Там же. С. 407.

⁴⁵ Там же. С. 408.

⁴⁶ Там же. С. 402.

**Празднование серебряной свадьбы
великого князя Константина Константиновича
и великой княгини Елизаветы Маврикиевны
(к 110-летию со дня события)**

Серебряная свадьба — это не просто юбилей. Эта целая веха в жизни супругов. Ведь семейная жизнь — это не только радость и счастье, это и хлопоты, и заботы, и семейные кризисы, которые подстерегают каждый брак. Много уже пройдено вместе, супруги научились понимать, прощать, дарить заботу и бескорыстное уважение друг другу.

Триумфом вел. кн. Константина Константиновича и вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны была их серебряная свадьба, отмечавшаяся 15 апреля 1909 г.

В семьях членов императорской фамилии в число официальных торжеств серебряная свадьба не входила. Празднование юбилея не выливалось в какие-либо серьезные официальные мероприятия. Она отмечалась в домашнем кругу, когда рядом с юбилярами собирались дети и родственники.

Описание такого торжества в подробностях несложно проследить только для царствующих особ по камер-фурьерским журналам. По-другому складывается дело с поиском документов о праздновании серебряной свадьбы в великокняжеских семьях, в конторах которых не велись журналы с ежедневными записями о времяпрепровождении членов семьи.

Источниками исследования, дающими конкретные сведения по организации и устройству проведения серебряной свадьбы Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны, являются архивные материалы Российского государственного исторического архива (Ф. 537), а также дневниковые записи самого великого князя и его сыновей Гавриила и Олега Константиновичей.

Празднование юбилея продолжалось несколько дней. Отмечали торжество в Павловске, перешедшем великому князю в 1892 г. в составе майората, и в столичном Мраморном дворце.

За день до торжества великокняжеский двор Константина Константиновича начал принимать гостей. 14 апреля на станцию Александровская¹ прибыл брат Елизаветы Маврикиевны — Эрнст II Саксен-Альтенбургский. Его сопровождали гофмаршал Альтенбурга К. фон Брейтенбурх и флигель-адъютант В. В. Свечин, назначенный состоять при герцоге. Для службы при гофмаршале откомандировали из императорского Зимнего дворца лакея Эрнста Постнека. Высоких гостей на платформе встречали придворные императорского двора и почетный караул.

В начале первого часа было совершено богослужение в Павловской евангелическо-лютеранской церкви Св. Доротеи², поскольку Елизавета Маврикиевна не приняла христианскую веру греческого обряда. В час дня состоялся торжественный завтрак в Павловском дворце. К богослужению и завтраку великокняжеская чета пригласила 33 человека. Среди приглашенных были как чиновники двора великого князя: заведующий шталмейстерской частью Р. Ю. Минкельде, гофмейстерина двора великой княгини баронесса Л. К. Корф, генерал-майор М. Н. Дашковский, бароны П. А. Рауш фон Траубенберг и К. К. Буксгевден с супругами, так и люди, связанные с семьей великого князя дружескими отношениями: пианист и композитор Р. В. Кюндингер, управляющий городом Павловск Э. Э. Геринг, флигель-адъютант В. В. Свечин³.

После завтрака приехал вел. кн. Андрей Владимирович и от всей царской семьи преподнес 48 серебряных тарелок, украшенных рисунком с великокняжеским гербом. На обороте каждого блюда было выгравировано полное имя дарителя.

В восемь часов вечера в Павловске состоялся фамильный обед, на котором присутствовали их величества Николай Александрович и Александра Федоровна. Прежде чем сесть за стол, они удалились с великокняжеской четой в туалетную комнату рядом с парадной спальней императора Павла Петровича и благословили их образом. Великой княгине

¹ Первая по счету станция от Санкт-Петербурга. Сначала называлась Царское Село. В 1860 г. была переименована в Александровскую. 6 августа 2013 г. постановлением № 671 «О переименовании географического объекта в городе федерального значения Санкт-Петербурге» было возвращено ее первоначальное название.

² Евангелическо-лютеранская церковь Св. Доротеи (Госпитальная ул., 22). Основание церкви относится к 1794 г. (арх. Ю. М. Фельтен). Уничтожена пожаром 15.07.1875 г. Основание новому зданию положено 13.08.1876 г. (арх. И. Я. Потолов, придворный архитектор двора вел. кн. Константина Николаевича). При церемонии закладки присутствовали: вел. кнн. Константин Николаевич и Константин Константинович, его величество король эллинов Георг I и его супруга Ольга Константиновна. В настоящее время утрачена.

³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1111. 1909 г. Лл. 32, 182.

преподнесли брошь с большим аквамаринном, окруженным бриллиантами. Во время обеда играли балалаечники л.-гв. Измайловского полка.

После трапезы дочь юбиляров, Татьяна, с братьями устроили собственный концерт в картинной галерее Павловского дворца. Они дули в чайники, наполненные водой и «таким образом очень прилично сыграли несколько вещей. После концерта государь и государыня уехали, а за ними спешно стали разъезжаться и другие»⁴.

Накануне торжественного дня дети великого князя, Гавриил и Татьяна, распорядились установить на занавес в спальню родителей гирлянду из живых цветов более 9 метров в длину. Кабинеты великого князя и великой княгини садовники Павловского дворца превратили в цветники. За окно в рабочей комнате Константина Константиновича, затянутого сеткой, дети напустили 8 снегирей.

В самый день свадьбы, утром 15 апреля, Гавриил и Татьяна встретили родителей в кабинете свадебным маршем из оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин», сыгранным на рояле в четыре руки. После чего все вместе пошли пить кофе в столовую. Затем началось преподнесение подарков. Особо тронувшим сердца юбиляров стал дар от детей. В своих мемуарах князь Гавриил Константинович вспоминал «Мы поднесли родителям в этот день сделанные на серебре наши профили, вроде того, как императрица Мария Федоровна, жена императора Павла, нарисовала своих детей. Профили наши писал художник [Михаил Викторович] Рундальцев, остальное делал ювелир [Петер Карл Густавович] Фаберже»⁵.

Великий князь преподнес жене раскрашенные фотографии в серебряной раме в стиле ампир. На снимках были запечатлены Константин Константинович и все дети. Кроме фотографий в ту же раму К. Фаберже вставил изображения Мраморного, Павловского и Стрельнинского дворцов и дома в имении Осташево — то есть тех мест, где протекала жизнь великокняжеской четы в течение 25 лет⁶. Елизавета Маврикиевна подарила супругу миниатюры с портретами детей и себя.

В начале двенадцатого юбиляры поднялись в залы, где их уже ждали поздравляющие. В картинной галерее собрались представители

⁴ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Воспоминания. М., 2005. С. 93.

⁵ Там же.

⁶ Серебряная рамка в стиле ампир работы К. Фаберже. 1909 г. Серебро, чеканка 18,1 x 31,8. В тимпане фронтона портрет вел. кн. Константина Константиновича. Первый ряд: Иоанн, Гавриил, Татьяна. Второй: Павловский и Мраморный дворцы. Третий: Константин, Олег, Игорь. Четвертый: Стрельнинский дворец и дом в имении Осташёво. Пятый: Георгий, Вера. Между ними венок с вензелем «Н» под звездой, символ памяти Наталии. Находится в Свято-Троицкой духовной семинарии.

Павловского гарнизона, приютов и училищ, в маленькой круглой комнате, расположенной между галереей и Большой Парадной столовой — духовенство. Не остались в стороне и простые служащие: нижние служители, городовые, пожарные, садовники, сторожа и пр. ожидали в большой зале. От всех них Э. Э. Геринг, управляющий городом Павловском, поднес виновникам торжества хлеб-соль на серебряном блюде⁷.

Затем был торжественный молебен в Большой церкви дворца. Кн. Гавриил Константинович вспоминал: «Мы все были в парадной форме и альтенбургских лентах. После завтрака поехали в Петербург, в Мраморный дворец. Тут собралось множество народу. Залы во втором этаже, выходящие окнами на Дворцовую набережную, были переполнены депутациями и поздравителями. <...> Старшие в депутациях говорили речи. <...> родителям было оказано столько внимания, они увидели к себе столько любви. Тут можно было воочию убедиться, какой популярностью и каким уважением они пользовались!»⁸ Отмечали редкую человечность, обаяние и притягательную силу юбиляра. Много теплых слов было сказано Елизавете Маврикиевне как жене, матери, благотворительной деятельнице, обладательнице замечательного дара видеть, прежде всего, хорошее и настоящее в людях и всегда это выявлять. Депутация л.-гв. Преображенского полка встретила своего командующего, вел. кн. Константина Константиновича и его супругу букетом алых роз и бюстом Петра I.

В контору двора Константина Константиновича на имена юбиляров приходили телеграммы и письма с разных концов России. Их поздравляли множество организаций, августейшими патронами которых они были. В Мраморный дворец доставляли подарки для поднесения их высочествам. Среди них были письменный стол для Елизаветы Маврикиевны и мольберт с портретом Константина Константиновича. Оба эти предмета собственноручно сделали кадеты Владимирского Киевского кадетского корпуса. Портрет великого князя написал их учитель рисования М. А. Клюквин⁹. Впоследствии эти работы великий князь распорядился отправить в Павловский дворец¹⁰.

⁷ Дневник вел. кн. Константина Константиновича. 15 апреля 1909 г. Цит. по: Великий князь Константин Константинович Романов. / Сост. Р. Р. Гафифуллин. Павловск, СПб., 2000. С. 46.

⁸ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 93–94.

⁹ Клюквин Михаил Александрович. Закончил Санкт-Петербургскую Академию Художеств (1889–1894), затем преподавал в Киевском Владимирском кадетском корпусе.

¹⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1111. 1909 г. Лл. 62, 63.

Фотографы Ф. Г. Буассон и Ф. О. Эгглер по случаю серебряной свадьбы подарили юбилярам альбом с видами Санкт-Петербурга¹¹. Художник Г. П. Кондратенко, как знак благодарности за постоянное внимание при устройстве выставок, поднес Константину Константиновичу картину «Павловский вид»¹².

Подарков было много. Близкие родственники великокняжеской четы: Александра Иосифовна, Дмитрий Константинович, Ольга и Вера Константиновны вручили виновникам торжества общий подарок — серебряную бульотку для чая. Однако вышло недоразумение: «предполагалось подарить серебряный самовар, но получилась вместо русского самовара — заморская “булетка”»¹³. Дарение закончилось помпезно: ювелир К. Фаберже преподнес Константину Константиновичу и Елизавете Маврикиевне по платиновому кольцу, которые они носили до конца своей жизни.

В семь часов вечера состоялся семейный обед, и юбиляры с детьми вернулись в Павловск.

По традиции тех дней, по случаю знаменательного события в семье члена Дома Романовых делались подарки, оформлялись представления к орденам, выдавались денежные награды.

15 апреля 1909 г. «Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович по случаю 25-летия бракосочетания, а также за благотворительную и общепользную деятельность пожаловал награды: ...золотую медаль для ношения на груди на Аннинской ленте камер-фрау великой княгини Елизаветы Маврикиевны Э. Шадовиц, золотые медали для ношения на шее на Александровской ленте камерди-нерам Д. Фокину и А. Аракчееву»¹⁴.

В этот день звание потомственных почетных граждан получили: поставщик двора вел. кнг. Александры Иосифовны И. Шлейфер, изготовивший в 1884 г. первые меховые вещи для Елизаветы Маврикиевны, рейткнехт при комнатах вел. кн. Константина Константиновича

¹¹ Фототека научного архива ИИМК РАН. Альбом с видами Санкт-Петербурга. Boissinns and Egger. (F. 85).

¹² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1111. 1909 г. Лл. 62. Кондратенко Гавриил Павлович (1854–1924) — русский и советский художник. Учился в Императорской Академии художеств (1873–1882). Его работы находятся в Государственной Третьяковской галерее и Государственном Русском музее, а также в экспозициях музеев и художественных галереях страны: Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева, Пензенская областная картинная галерея им. К. А. Савицкого, Нижегородский художественный музей и др.

¹³ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 93.

¹⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1111. 1909 г. Лл. 5, 14.

Д. Марков и гоффурьер Павловского дворца Г. Прошкин. Их императорские высочества вел. кн. Константин Константинович и вел. кнг. Елизавета Маврикиевна пожаловали серебряные жетоны в память дня серебряной свадьбы священнику С. С. Руженцеву, смотрителю Стрелинского дворца В. И. Степанову, доктору Р. И. Отто, архитектору двора Д. Д. Зайцеву и унтер-штальмейстеру А. К. Джоргули. Жетонами также были награждены еще 278 придворных служителей Мраморного, Павловского и Стрелинского дворцов¹⁵. Служащим при дворе и лицам, находящимся в услугах со дня свадьбы великого князя, выплачивались премиальные деньги. Из сумм великокняжеской четы раздавались пожертвования неимущим.

16 апреля в девять часов вечера в Павловском дворце был дан концерт, на котором выступали соединенные немецкие хоры. К сожалению, не удалось установить состав коллектива и произведения каких композиторов исполнялись.

В заключение серебряного празднества днем 17 апреля в балльном зале Павловского дворца был дан домашний спектакль, состоявший из трех отделений, на который пригласили Николая Александровича, Александру Федоровну, цесаревича, великих княжон и еще 66 человек. Для их приезда в Павловск заказали экстренный поезд с отдельным вагоном для высочайших особ.

Представление началось в три часа дня исполнением юбилейной кантаты для соло, хора и оркестра сочинения Н. И. Привалова¹⁶. Выступал хор И. А. Смолина¹⁷ и великорусский оркестр Н. И. Привалова под управлением автора¹⁸. В главных партиях солировали певцы придворной певческой капеллы И. А. Левченко и Н. М. Тихомиров.

Праздничный спектакль продолжила пьеса П. С. Соловьевой¹⁹ «Свадьба Солнца и Весны». Впервые эта музыкальная пьеса-сказка в стихах была напечатана в детском литературном журнале «Тропинка» и предназначалась для разыгрывания в домашних театрах. Драматургия ее проста: сначала появляется один персонаж, затем его сменяет другой.

¹⁵ Там же. Лл. 233, 245, 254, 281.

¹⁶ Привалов Николай Иванович (1868–1928) — музыкант-этнограф, инструментовед, дирижер и композитор. Ближайший сподвижник В. В. Андреева, создателя первого оркестра русских народных инструментов. Привалов Н. И. управлял великорусским оркестром с 1896 по 1914 гг.

¹⁷ Смолин И. А. (1895–1955) — хоровой дирижер, регент народного хора при Троицкой церкви в Санкт-Петербурге.

¹⁸ Хор И. А. Смолина вместе с оркестром Н. И. Привалова не превышал 40 человек.

¹⁹ Поликсена Сергеевна Соловьева (1867–1924) — русская поэтесса (псевдоним Allegro); переводчица и художница; издатель детского журнала «Тропинка». Дочь историка С. М. Соловьева, сестра философа, поэта и публициста В. С. Соловьева.

Режиссером постановки в Павловском дворце выступил Н. Н. Арбатов²⁰. По его эскизам художник Д. Раздобурдин написал декорации, менявшиеся во время действия. За механическую часть отвечал П. Матвеев. Театральные реквизиты для пьесы изготовили П. Матвеев и Г. Кроч. Яркие наряды маленьких актеров по рисункам фрейлины императрицы Александры Федоровны Татьяны Васильевны Олсуфьевой были выполнены мастером театрального костюма А. В. Лейфертом²¹. Музыка к пьесе Поликсены Соловьевой написал поэт, прозаик и композитор Михаил Алексеевич Кузмин²². Музыкальное сопровождение постановки взял на себя профессор Санкт-Петербургской консерватории А. М. Миклашевский²³. Он чудесно аккомпанировал на рояле.

В спектакле было задействовано 52 ребенка, в том числе дети юбиляров. Князь Олег Константинович подробно описал день премьеры в своем дневнике от 19 апреля: «Главные роли “Солнца” и “Весны” исполняли Татьяна и Константин, роль зимнего ветра взял на себя Игорь, а я (Олег. — *О. Н.*) вышел в роли весеннего дождя. Кроме этих представителей весны и зимы, было множество ролей, как яблони, сирень, жаворонки, головастики, ласточки, снежинки и разные цветы. Все были одеты в очень красивые костюмы. Еще 12 апреля, в воскресенье, была сделана генеральная репетиция. Она сошла очень слабо, так что между днем самого спектакля и генеральной репетицией пришлось опять повторить пьесу, которая на этот раз сошла лучше. <...> И вот пьеса пошла. Раздались аккорды, под которые должен был выбежать ветер... <...> После его слов снежинки начали одна за другой бегать по сцене под очень красивую музыку. Я слышу, что раздаются последние аккорды: сейчас мне надо будет выходить. На меня вдруг налетает

²⁰ Арбатов Николай Николаевич (по сцене; настоящая фамилия Архипов (1868–1926) — режиссер, актер, педагог. Был актером и режиссером в обществе искусства и литературы, которой руководил К. С. Станиславский. В 1908–1915 гг. — главный режиссер в театре Литературно-художественного общества в Санкт-Петербурге (театр Суворина). Был модным режиссером.

²¹ Лейферт Александр Васильевич (1867–1931) — один из самых известных мастеров сценического и маскарадного костюма. Его торговый дом «Братья А. и Л. Лейферты», располагавшийся на ул. Караванной, 18. Работал с лучшими театрами императорского Петербурга и зарубежными труппами. Практически все столичные семьи заказывали у него наряды для маскарадов.

²² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1111 (1909). Лл. 195–196.

Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) — литератор (поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик) и композитор серебряного века.

²³ Миклашевский Александр Михайлович (1869–1935) — пианист, педагог, профессор Санкт-Петербургской Консерватории, преподаватель Александровского института и Демидовской женской гимназии, заведующий музыкальными курсами М. А. Лохвицкой-Скалон, свободный художник.

какое-то торжественное настроение весеннего дождя... Я расправляю руки, с которых падают зеленовато-серебряные ленты, наподобие воды, и выхожу тихо и медленно на сцену. <...> Я иду и говорю под музыку... <...> На представлении за кулисами было очень тесно. Кроме актеров, там стояли еще рабочие, которые поднимали на блоках заднюю движущуюся декорацию. Татяна, Игорь, Старицкий, Муханов и я были сценаристами. <...> В общем, представление сошло хорошо и публика была очень довольна»²⁵.

В заключение первого акта прозвучала песнь «Слава» сочинения Н. И. Привалова для хора в сопровождении великорусского оркестра под руководством автора. После 20-минутного антракта концерт продолжил А. М. Миклашевский и хор И. А. Смолина, исполнив «Заздравный хор» (Да здравствует наш князь молодой) из оперы А. С. Даргомыжского «Русалка». Затем последовала одноактная комедия Георга Берна «Duval» (Le 2228), в которой участвовали актеры петербургской французской драматической труппы Михайловского театра Поль Роберт и Чарльз Андрие²⁶.

Третье отделение состояло из двух живых картин. Первая — «Сватовство» представляла сватовство русских витязей с альтенбургскими крестьянами. Вторая — семью императора Павла I по картине К.-Ф. фон Кюгельхена «Семья Императора Павла I».

Живая картина — это мизансцена, в которой заняты один или несколько актеров, застывших в экспрессивной позе, напоминающих статую или живописное полотно. Мода на живые картины восходит к концу XVIII в. Став популярными в России, они пользовались особым успехом у посетителей концертов, входили в репертуар петербургских площадных и императорских театров, их можно было увидеть в Дворянском собрании, а также на придворных торжествах.

Для представления выбирали картины, хорошо известные публике. На просмотр каждой композиции отводилось короткое время, чтобы публика могла рассмотреть картину во всех деталях, а также получить эстетическое удовольствие. После небольшой паузы сцена повторялась. Для мизансцен писалась и исполнялась музыка.

В первой и второй живых картинах были задействованы дети юбиляров: Иоанн, Гавриил, Олег, Константин, Татьяна и Георгий.

Неизвестно кто выстроил первую мизансцену, но в постановке «Семья императора Павла I»²⁷ участвовал академик Э. К. Липгардт.

²⁵ Цит. по: Гавриил Константинович. Указ. соч. С. 94–97. Фотографии детей вел. кн. Константина Константиновича в сценических костюмах (фотографы Л. Городецкий и П. Жуков. 1909 г.) хранятся в ГА РФ.

²⁶ Ежегодник Императорских театров. СПб., 1909. Вып. 3. С. 98–99.

²⁷ Фотоснимок живой картины «Семья Императора Павла I» (н.ф. 1909 г.) хранится в ГА РФ.

Между постановками картин читали стихи заслуженные артистки Императорских театров В. В. Стрельская, М. Д. Каменская и актеры петербургской французской драматической труппы П. Роберт и Ч. Андрие.

По окончании спектакля юбиляры и гости собрались в картинной галерее, где началось шествие яблонь, цветов, жуков, птиц — полный состав героев пьесы, которые, проходя мимо Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны, бросали к их ногам цветы. По окончании процессии всех позвали обедать. В шести залах стояли круглые столы, за которыми сидели дети, их матери и много других приглашенных.

В последний день праздника — 19 апреля в Манеже Мраморного дворца состоялся прием приютов Синего креста²⁸, августейшей покровительницей которых являлась вел. кнг. Елизавета Маврикиевна.

Сразу после торжества вел. кн. Константин Константинович отправился в инспекционную поездку по корпусам и училищам в Сибирь, Дальний Восток, Омск, Иркутск и Хабаровск.

Предлагаемое исследование, выполненное на основании ранее не привлекавшихся архивных материалов, а также мемуарной литературы, позволило осветить малоизвестные страницы истории проведения одного из юбилеев²⁹ в великокняжеской семье. Дало возможность ввести в обращение новые исторические факты, выявить имена людей, участвовавших в проведении торжества, а также получить сведения об уникальных фотографиях, посвященных этому событию. Было установлено, какие подарки подносили юбилярам. Кроме того, удалось определить имена ювелиров и художников, изготовивших некоторые дары.

Изучение эстетики праздника позволили проникнуть в эмоциональный мир общества, многогранно представить духовную культуру начала XX столетия, что позволило дополнить культурно-исторический срез эпохи.

Автор выражает благодарность за консультации заведующему сектором работы с иллюстративными материалами Отдела справочной и научно-библиографической работы Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки Т. Г. Никитиной.

²⁸ «Синий Крест», или «Общество попечения о бедных и больных детях». Название было дано обществу по внешнему виду его эмблемы. Возник в Петербурге в 1882 г. по инициативе благотворительницы А. С. Балицкой. Имел отделения во всех районах города. С 1893 г. «Синий Крест» находился под покровительством вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны.

²⁹ Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Празднование серебряной свадьбы великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в Царскосельских дворцах // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца. Сборник статей. СПб., 2016. С. 288–296.

М. В. Запорина

Независимый исследователь

Осташёвская усадьба — творческая мастерская поэта К. Р.

...Домой, где ждет пленительный, любимый,
За письменным столом вседневный труд...

*К. Р. Элегия «Осташёво»
20 августа 1910 г. Осташёво¹*

В дневниках вел. кн. Константина Константиновича для меня, краеведа, наиважнейшими стали страницы, отмеченные пребыванием августейшего поэта в нашем селе Осташёве². В настоящее время я живу на земле, которую воспел августейший князь. «Милое сердцу» Осташёво любо было всему семейству Константиновичей.

Наступающий 1910 год и Рождество Христово семья Константина Константиновича решила встретить в Осташёве. «Суббота. 26 [декабря] Пишу в милом Осташёве, вечером 27 дек[абря]. Из Мраморного от Мама были хорошие вести. Решили, что поедем в Осташёво, где хотим пробыть до 7 января. <...> Едем: жена, Татiana, Костя, Олег, Игорь, Ермолинский и 26-летний студент-немец Дитрих Альберт[ович] Буксгевден (детям для практики в немецком языке) <...>³.

«Пятница. 1 января 1910. За ночь немного подморозило. Весь день сыпались поздравительные телеграммы; это единственное темное пятно, а то жизнь здесь, среди тишины — наслаждение. Обедню стояли — мальчики на клиросе, а я в алтаре. <...> Начали 2-й том биографии Чайковского; очень занимательно. Попытаюсь приступить сегодня к давно задуманной евангельской поэме.

¹ Цит. по: К. Р. (Константин Константинович Романов). Стихотворения и драма «Царь Иудейский». М., 2011. С. 75.

² Осташёво — село в Волоколамском районе Московской области России; в 1903 г. усадьба Осташёво была приобретена вел. кн. Константином Константиновичем. В 1914 г. в Осташёво был похоронен умерший от ранения на фронте князь императорской крови Олег Константинович.

³ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. Сост. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 187–188

Суббота. 2 [января]. (Осташево. 3 янв[аря]). В первые два дня наступившего года подвинул немного “Царя Иудейского”. Но очень опасаюсь, что это будет слабое, неудачное произведение. <...> — Ходили на лыжах. И что был за вечер: на бледно-голубом небе сиял узкий серп нового месяца, и горела вечерняя звезда. А внизу везде белый, белый снег <...>⁴.

Именно в Осташёве был задан творческий настрой на весь наступивший 1910-й год — знаменательный в творчестве августейшего поэта. Успешно продвигается евангельская драма «Царь Иудейский». Написана элегия «Осташёво». Продолжается работа над поэтическими переводами. Создаются рецензии на творчество поэтов-современников, а также разборы стихов, написанные самим президентом Императорской Академии наук для представления к премии.

По записям в дневнике августейшего поэта любопытно следить за творческим процессом. В сборник «Критические отзывы» (изд. 1915 г.)⁵, вошли 23 статьи 1906–1913 гг. Десять из них написаны в Осташёве. Наиболее продуктивный — 1910-й: четыре статьи датированы маем — июлем. Особое, искренне заинтересованное и деятельное внимание августейший президент обратил на судьбу и творчество крестьянского поэта-самоучки Спиридона Дрожжина. «Среда. 16 [июня]. (Осташёво. 17 июня.) <...> Прочел книжку “Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1848–1900 гг.), описанная им самим”. С.-Петербург, 1900. Эту книжку и несколько сборников стихотворений Дрожжина дал мне академик Котляревский⁶, прося написать разбор и представить к какой-либо премии»⁷.

Среди других поэтов, рецензируемых К. Р., имя Спиридона Дмитриевича Дрожжина выбрано мной неслучайно. Его стихи мне знакомы с детства, из школьных учебников для начальной школы. Маленький деревянный музей в селе Завидово в Калининской, ныне Тверской, области — это тоже детские воспоминания. Домашнее чтение вслух маленького томика стихов крестьянского поэта, моего земляка. А деревня

⁴ Там же. С. 228–229.

⁵ К. Р. Критические отзывы. Пг., 1915.

⁶ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — историк литературы, литературный критик, публицист. Первый директор Пушкинского Дома. 8 ноября 1906 г. избран в почетные академики по Рязряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности. 1 февраля 1907 г. избран в члены Комиссии по изданию сочинений Пушкина при II Отделении АН, 14 февраля 1909 г. избран в ординарные академики по Отделению русского языка и словесности. С 10 июня 1910 г. — первый директор Пушкинского Дома (зд. и далее прим. к цитатам из Дневника мои. — М. В.)

⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. С. 307.

Низовка близ Завидова — родина и место упокоения поэта-самородка Спиридона Дрожжина.

«Пятница 18 [июня] (утром 19 июня) Чудный теплый день. Полтора часа бродил по парку, изучая пешеходные дорожки, которыми он изрезан во всех направлениях. <...> Опять приступил к евангельской драме. Читаю стихи Дрожжина, чтобы написать рецензию»⁸.

Серьезная работа над высоко духовным произведением «Царь Иудейский». И в это же самое время — стихи незамысловатые, но идущие, казалось, из сердца самого народа:

Мне доля скромная дана
Певца полей, —
Как птица песнь моя вольна,
Я весел с ней.
Люблю тебя, родная Русь,
И за тебя я не боюсь
Всю жизнь отдать.
Пусть о тебе мой каждый стих
И песнь моя
Летят стрелой из уст моих
Во все края <...>⁹.

«Суббота 19 [июня] (Днем 20-го) Перевожу с немецкого из Елены Энгельгардт длинное стихотворение *Sangesleben* («Жизнь песни». — М. 3.). Начал еще в Павловске. Вчера на прогулке к Красному Яру удалось перевести 4 строки. — Днем читал стихи Дрожжина, сидя в парке на скамейке, в самой темной и тенистой его части; кругом ели и сосны; земля устлана опавшей хвоей. Сквозь деревья виднеется кое-где ярко-зеленая трава и блестящая поверхность реки <...>¹⁰.

Все приносит радость вдохновения: и переводы с немецкого, и чтение стихов поэта, о которых необходимо написать не просто отзыв, а обстоятельный литературоведческий анализ. А творческая мастерская — живописные окрестности Осташёвского дворца.

«Воскресенье. 20 [июня] (Осташёво. 21 июня.) <...> Дочитывал Дрожжина. Есть хорошие вещицы»¹¹.

⁸ Там же. С. 308.

⁹ Цит. по: К. Р. Критические отзывы. С. 341–342.

¹⁰ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. С. 307.

¹¹ Там же. С. 309.

Без довольства я доволен,
Без богатства я богат,
Потому что мои песни
Громче золота звучат.
Потому что в моем сердце
Дар поэзии святой,
И я в небо уношуся
С ней крылатою мечтой¹².

Уже на следующий день в дневнике:

«Понедель[ник]. 21 июня. <...> Начал разбор Дрожжина <...>»¹³.

«Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина. (Из Сборника отчетов о премиях и наградах за 1910 г. Премия имени М. Н. Ахматова):

1) «Стихотворения С. Д. Дрожжина. 1866–1888». 3-е издание с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии. Москва, 1907 г.

2) «Заветные песни. Стихотворения Дрожжина. 1904–1906». Москва. 1907 г.

3) С. Д. Дрожжин. «Новые русские песни». Москва. 1909 г.

4) «Баян. Стихотворения Дрожжина». Москва. 1909 г.»¹⁴.

По приведенным Константином Константиновичем сведениям для критической оценки о сборниках стихов Дрожжина становится очевидно, что поэзия крестьянина издается и переиздается, а значит, востребована читателем. Это уже не просто публикации в литературных журналах и альманахах. Это книги. Это признание поэта-самородка в литературных кругах.

«Спиридон Дмитриевич Дрожжин, поэт-крестьянин, родился 6 декабря 1848 г. на берегу Волги, при впадении в нее р. Шоши, в деревне Низовке, Тверского уезда, где живет и поныне. Из его автобиографии («Стихотворения», стр. 3–96) мы узнаем, что на седьмом году дед стал учить его церковной и гражданской азбуке. На восьмом году он уже свободно читал. Первой, не один раз прочитанной маленьким Спиридоном книгой, была Священная История Ветхаго и Новаго Завета; после нея — подаренная отцом книжка «Шемякин суд» Продолжаю словами автобиографии: <...>»¹⁵.

Передавая своими словами историю жизни Дрожжина, августейший критик сопровождает свое повествование выдержками из автобиографии поэта. Занимательно наблюдать изложение с прямой речью.

¹² Цит. по: К. Р. Критические отзывы. С. 342.

¹³ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. С. 310.

¹⁴ К. Р. Критические отзывы. С. 324.

¹⁵ Там же. С. 324.

«Когда мальчику пошел 10-й год, мать отдала его в школу дьячку. Грамота давалась ученику хорошо, но в арифметике он не успевал, за что дьячок часто хлестал его плеткой. Это ученье продолжалось две зимы. 12-ти лет его отвез в Петербург двоюродный дядя Касаткин и определил мальчика в номера гостиницы “Европа” (у Чернышева моста)»¹⁶.

«Среда. 23 июня. (Иванов день). К переводу с немецкого прибавил только 4 стиха, больше не давалось. <...> Работать над Дрожжиным пока скучновато, ибо разбору надо предпослать выдержки из длинной автобиографии; это списывание с книги причина тому, что труд подвигается медленно <...>»¹⁷.

«Четверг. 24 [июня]. (Осташево. 25 июня) <...> Перевод из Елены Энгельгардт подвигается, и, надеюсь, удачно передает прекрасные мысли этого милого стихотворения <...>. К разбору Дрожжина еще не приступил, а все еще занят жизнеописанием <...>»¹⁸.

Из Елены Энгельгардт

ЖИЗНЬ ПЕСНИ

I

Раз над детской колыбелью
На серебряных крылах
Пролетал посланник рая
С арфой ангельской в руках.

Зорко зренье у ребенка —
Блеском неба озарен
На виденье неземное
Устремляет очи он,

С гостя светлого не сводит
Их и к арфе золотой
Он протягивает ручки,
Восхищен ее игрой.

С нежной лаской ниспустился
Из лазоревой дали
Неба посланный к ребенку,
Сыну бедному земли.

¹⁶ К. Р. Критические отзывы. С. 325.

¹⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. С. 310–311.

¹⁸ Там же. С. 311.

Он простер, благословляя,
Крылья над его головой;
Уст его коснувшись, молвил:
«Пой, что прожито тобой»¹⁹.

<...>

Осташёво 26 июня 1910²⁰

Этот перевод, на мой взгляд, стал своеобразным эпиграфом ко всему творческому пути августейшего поэта, да и к творчеству крестьянского поэта. Впрочем, лирический герой этого перевода «Из Елены Энгельгардт. ЖИЗНЬ ПЕСНИ» — обобщенный поэтический образ человека-творца.

«Воскресенье. 27 июня. <...> В своей работе о Дрожжине кончил скучные выписки из автобиографии и приступил к разбору стихов»²¹.

«К лакейской должности Дрожжин никогда не имел ни призвания, ни охоты. Помещик в шутку говаривал ему: “Ты, братец, отличный человек, но как лакей ни к черту не годишься!” Уволившись от помещика, осенью 1873 г. Спиридон Дмитриевич решил отнести в редакцию народного журнала “Грамотей” в Москве тетрадку своих стихотворений, из которых в декабрьской книжке этого журнала и была напечатана

Песня про горе добра-молодца (написана в 1871 г.).

Ах, ты, горе, горе горькое,
Где ты, горе, зародилось?!
Отчего в избе крестьянина
В темный угол приютилось?!
Не даешь ты света-волюшки,
Вяжешь крылья соколиные,
Заглушаешь во беседушке
Речи-песни соловьины! <...>»²².

«Вторник 29 июня. <...> Прибыли два офицера с квартирными
<...> Это помешало мне окончить разбор Дрожжина»²³.

¹⁹ К. Р. (Константин Романов). Избранное: Стихотворения, переводы, драма. М., 1991. С. 165.

²⁰ К. Р. (Константин Романов) Избранное. С. 165–167.

²¹ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. С. 312.

²² К. Р. Критические отзывы. С. 330–331.

²³ Там же. С. 313.

Любят августейшие хозяева принимать гостей в своем подмосковном имении. Готовятся к встрече, продумывают все до мелочей. А визиты товарищей по службе всегда особенно радуют великого князя. И все-таки маленькое неудовольствие закралось: гости помешали закончить рецензию — помешали «любимому, за письменным столом вседневному труду».

«Среда 30 [июня]. С. 314 <...> Кончил разбор Дрожжина»²⁴. «Я кончил. — Из вышеизложенного, надеюсь, станет ясно, что несовершенства, указанные мною в произведениях г. Дрожжина, весьма невинного свойства и, конечно, бледнеют в сравнении с достоинствами его поэзии. Самобытный, своеобразный, не поддающийся под чужие влияния, не заражающийся модными течениями, не увлекающийся подражанием современному декадентству, автор почти неизменно остается верен себе и поет от души, просто, искренно и часто вдохновенно.

Мне скажут, может быть, что многие его вещи навеяны Кольцовым и Никитиным. Я отвечу на это, что оба названные поэта подражали народной песне, или, вернее, воспроизводили ее. Итак, она, а не они образ его подражаний или воспроизведений.

Нельзя не признать за г. Дрожжиным весьма почтенной заслуги перед нашей литературой. Принимая же во внимание отсутствие школьного образования, высокую степень начитанности, неимоверный труд, приложенный Спиридоном Дмитриевичем к приобретению знаний среди самых неблагоприятных условий жизни и общественного положения, нельзя не поражаться его даровитостью и силою духа, победившего всевозможные препятствия и затруднения и поднявшего простого крестьянина-пахаря до высоты крестьянина-поэта.

Убедительно ходатайствую перед Разрядом изящной словесности о присуждении Спиридону Дмитриевичу Дрожжину одной из премий, состоящих в распоряжении Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии наук. Осташёво, 30 июня 1910»²⁵.

С 16 июня по 30 июня в подмосковном Осташёве К. Р. работал над критическим отзывом на стихи Спиридона Дмитриевича Дрожжина. 29 декабря поэт-самородок получил литературную премию Императорской Академии наук. Ее размер составлял 500 рублей.

«Премия за сборники “Стихотворения. 1866–1888” (3-е изд. М., 1907), “Заветные песни. Стихотворения 1904–1906” (М., 1907), “Новые русские песни” (М., 1909) и “Баян. Стихотворения” (М., 1909) была присуждена на основании “Отзыва о сочинениях С. Д. Дрожжина” почетного

²⁴ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. С. 314.

²⁵ К. Р. Критические отзывы. С. 353–354.

академика, великого князя Константина Константиновича (псевд. К. Р.), опубликованного в “Сборнике отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией наук” (Т. 5 за 1910 г.; Пг., 1915. С. 167–195), а также в кн.: *К. Р. Критические опыты* (Пг., 1915. С. 324–354). Беловой автограф статьи находится в архиве К. Р. (ИРЛИ. Ф. 137. Оп. 1. № 38). Вторым “ходатаем” Дрожжина в Академии был Н. А. Котляревский, которому поэт писал 9 января 1911 г.: “Не нахожу слов и выразить Вам моей благодарности за Ваше представление в Академию моих стихотворений. Такая славная награда и хороший отзыв Великого Князя, конечно, для меня дороже всякой медали, на которую я только и рассчитывал” (ИРЛИ. Ф. 135. № 304. Л. 8)²⁶.

В «милом сердцу» имени Константин Константинович в июле — августе 1910 г. продолжал плодотворную литературную работу. Воспевая свою творческую мастерскую в элегии «Осташёво» (20 августа 1910 г.), поэт благодарит судьбу:

О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!²⁷

²⁶ Иванова Л. Н. Архив С. Д. Дрожжина. // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественной мысли (ИРЛИ РАН). СПб., 1994. С. 93 (прим. 81). (С. 67–93). Российская академия наук Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 93.

²⁷ К. Р. (Константин Константинович Романов). Стихотворения и драма «Царь Иудейский». М., 2011. С. 75.

Е. А. Саламатова

Санкт-Петербургская академическая филармония

**Полевая книжка корнета
лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка
князя императорской крови Олега Константиновича
(1892–1914): опыт прочтения**

Среди документов и вещей семьи вел. кн. Константина Константиновича, августейшего поэта К. Р., поступивших из Мраморного дворца в Пушкинский Дом¹ в 1920 г.², мы находим полевую книжку князя императорской крови Олега Константиновича — корнета л.-гв. Гусарского Его Величества полка, умершего 29 сентября 1914 г. от ранения, полученного в Восточной Пруссии 27 сентября (даты приведены по старому стилю. — *Е. С.*) накануне своего двадцатидвухлетия. Этот документ — свидетельство тяжелых будней Первой мировой войны 1914–1918 гг., Великой войны народов (более 35 государств приняли в ней участие), перекроившей весь мир: ведь рухнули четыре империи, и неизвестно точное количество жертв. Информация об этой войне замалчивалась в годы советской власти, поэтому любой документ той эпохи важен для ее изучения.

¹ Основанию Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге предшествовали: выставка, организованная Императорской Академией наук 15–26 мая 1899 г. к столетнему юбилею А. С. Пушкина; создание и деятельность Комиссии по изданию сочинений Пушкина и Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге (собранные по подписке средства на увековечивание памяти великого поэта она употребила на создание «Дома Пушкина» 15 (28) декабря 1905 г.). А 14 (27) июля 1907 г. император Николай II утвердил Положение о Пушкинском Доме: «1. Пушкинский Дом учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, для собирания всего, что касается Пушкина, как писателя и человека; 2. Пушкинский Дом предназначается также для хранения всего, что касается жизни и деятельности представителей русской изящной словесности; 3. Собrania, принадлежащие учреждениям, обществам и частным лицам, могут поступать в Пушкинский Дом, оставаясь их собственностью; 4. Пушкинский Дом составляет государственное достояние и находится в ведении Императорской Академии наук». Заведование учреждением возлагалось на Совет под председательством Президента Императорской Академии наук вел. кн. Константина Константиновича. См.: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: 1905–1930–1980: (исторический очерк). Л., 1980. С. 23.

² РО ИРЛИ. Ф. 137. Оп. 1. № 249.

Отметим, что записи полевой книжки князя Олега Константиновича частично процитированы в мемуарах его брата — вел. кн. Гавриила Константиновича (1887–1955)³, воевавшего в рядах того же полка. Сама полевая книжка, как документ-первоисточник, оставалась вне поля зрения исследователей жизни кн. Олега, при ее цитировании по упомянутым нами воспоминаниям встречаются неточности в тексте и ошибки в написании географических названий Восточной Пруссии, которые впервые нами исправлены с помощью топографической карты корнета Олега, приложенной к полевой книжке. Мы частично прокомментировали некоторые записи в данном документе. Даты приводятся по старому стилю.

Кожаная полевая книжка коричневого цвета размером 15 x 20 см издана Гвардейским экономическим обществом и предназначена для написания фронтовых донесений под копирку в двух экземплярах (для этого листы сложены вдвое, с перфорацией на сгибе — для удобного отрывания листа), по определенному образцу, и нанесения схем на миллиметровую бумагу. Записи велись простым (или химическим) карандашом, который прикреплялся к ней на кожаной петле (здесь карандаш отсутствует). Документ хранится в фонде кн. Олега Константиновича Романова в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН⁴.

Кн. Олег Константинович, корнет Олег, успел заполнить небольшую часть книжки: лл. 1–9 заполнены с двух сторон, следующие с 10-го по 19-й — чистые; мы видим на л. 20 донесение кн. Голицыну от графа Игнатьева; л. 42, миллиметровка, со словами, написанными рукой кн. Олега, — эта запись повторена и окончена на л. 2; лл. 43–45, также миллиметровка, чистые; л. 46 не заполнен, а вот на л. 47 написано донесение корнета Олега начальнику штаба полковнику Богаевскому (см. ниже); на л. 48 — наспех нарисованная схема одного из сражений. Особый интерес для исследователей Великой войны представляет подробная карта части Восточной Пруссии, на которой владелец подчеркивал названия мест, где останавливались на биваки или сражались гусары. Сложенная карта (л. 49) лежит в кармашке полевой книжки. Л. 50 — это конверт с напечатанными словами для донесений, доставляемых кавалеристами. Его лицевая часть:

³ Первое издание: Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк, 1955.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 214. № 96. 51 лл.

Кому.....

Куда.....

№.....

Аллюр.....

Получено:

191...г. “.....”

“Ч.” “М.

(у. д. в. н.)

Подпись.....

Конверт возвращается подателю.

Оборотная часть конверта:

Читал:

Аллюр обозначается:

x — переменным аллюром.

xx — как можно скорее.

Далее мы видим большой, сложенный, с желтыми пятнами, заламами, надрывами л. 51. Здесь нанесена в спешке и не совсем разборчиво, видимо, князем Олегом, схема боя, по нашему предположению, под Сталлупененом (варианты написания Сталупенен, Сталлюпенен, Шталлупенен)⁵.

В Манифесте от 20 июля 1914 г. об объявлении России войны со стороны Германии, подписанном императором Николаем II, прозвучал призыв к населению Российской империи: «Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну (Сербию. — Е. С.), но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные»⁶. Ненависть к немцам и патриотический угар охватил всю Россию, о чем позднее, уже в эмиграции, с болью вспоминал о. Георгий Шавельский, с 1911 г. протопресвитер военного и морского духовенства: «Тогда все — и молодые и старые, и легкомысленные и мудрые — неистово рвались в это страшное, неизвестное будущее, как будто только в потоке страданий и крови могли обрести счастье свое»⁷. Священник за исключительную доблесть, организаторские способности во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. был награжден орденами Св. Георгия и Св. Владимира с мечами: с риском для

⁵ Современный город Нестеров в Калининградской области Российской Федерации. 4 августа 1914 г. войска перешли государственную границу и отбросили 1-й германский корпус вражеской 8-й армии от Сталлупенена, 7 августа также одержана первая значительная победа под Гумбиненном. См.: Оськин М. В. Первая мировая война. М., 2010. С. 77.

⁶ Летопись войны 1914 года. 1914. № 1. С. 4.

⁷ Шавельский Г., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота // Бежин луг. 1996. № 1–6. № 1. С. 164.

жизни посещал передовые позиции, был дважды контужен; а перед Первой мировой войной о. Георгий как протопресвитер много ездил по России и доподлинно знал состояние армии и флота, истинное положение солдат и офицеров: «Солдат 1914 года не утратил прежних исконных качеств русского воина: мужества, самоотвержения, верности долгу, необыкновенной выносливости. Но в солдатской массе теперь стало гораздо больше грамотных, более толковых, сметливых, способных разумнее выполнить нужный приказ или поручение. У русского солдата еще не доставало инициативы, самостоятельности (за это армия заплатила дорогой ценой, очень скоро потеряв массу кадровых офицеров), но это объяснялось и тем, что при тогдашней системе воинского воспитания недостаточно заботились о развитии таких качеств. <...> Русский офицер был существом особого рода. <...> Офицер был изгоем царской казны. Нельзя указать класса старой России хуже обеспеченного, чем офицерство. Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. <...> русский офицер последнего времени не утратил прежних героических качеств своего звания. Рыцарство оставалось его характерной особенностью. <...> Сам нуждающийся, он никогда не уклонялся от помощи другим <...> Русский офицер считал своим долгом вступить за оскорбленную честь даже малоизвестного ему человека; при разводе русский офицер всегда брал на себя вину, хотя бы кругом была виновата его жена и т. д. В храбрости тоже нельзя было отказать русскому офицеру: он шел всегда впереди, умирал спокойно. Более того: он считал своим долгом беспрерывно проявлять храбрость, часто подвергая свою жизнь без нужды и пользы, иногда погибая без толку. Его девизом было: Умру за Царя и Родину. Тут заключался серьезный дефект настроения и идеологии нашего офицерства, которого оно не замечало»⁸. Если бы к словам батюшки прислушались! Сколько жизней было бы спасено! Однако рассказ священника о его выступлении в Морском собрании г. Либавы в 1911 г. свидетельствует об обратном. Он вспоминает свой призыв к офицерам — и их ответную реакцию: ««Ваша готовность пожертвовать собою весьма почтенна и достойна того звания, которое вы носите. Но все же задача вашего бытия и вашей службы — не умирать, а побеждать. Если вы все вернетесь невредимыми, но с победой, царь и Родина радостно увенчает вас лаврами; если же все вы доблестно умрете, но не достигнете победы, Родина погрузится в сугубый траур. Итак, не умирайте, а побеждайте!» Как сейчас помню, эти простые слова буквально ошеломили всех. На лицах читалось недоумение, удивление: какую это ересь проповедует протопресвитер?»⁹

⁸ Там же. № 2. С. 165–166.

⁹ Там же. С. 166.

«Летопись войны 1914 года» — официальный журнал о военных событиях в России и за рубежом, богато иллюстрированный фотографиями, картами, планами, рисунками, издавался редактором-издателем Дм. Дубенским (Пг.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг). Сведения этого издания о ходе военных событий в Восточной Пруссии мы также приводим в качестве комментариев к записям полевой книжки. Так, в «Летописи войны 1914 года» сообщается: «Глубоко трогает также сердце русского солдата участие в военных действиях великих князей: Кирилла Владимировича, Бориса Владимировича, Дмитрия Павловича, Николая Николаевича, Петра Николаевича, Александра Михайловича и Николая Михайловича, а также князей: Иоанна, Гавриила, Олега и Игоря Константиновичей (они выступили на войну 23 июля, а князь Константин Константинович-младший — 3 августа. — *Е. С.*) и Александра Георгиевича Романовского, герцога Лейхтенбергского. “Вместе кровь проливать будем”, — говорил по этому поводу один из унтер-офицеров. “Значит, тоже мобилизовали”, — прибавил другой: “по теперешним временам каждая шашка на счету”. При этом солдаты выражали искреннее опасение по поводу той опасности, которой подвергаются великие князья, все, без исключения, пожелавшие служить в передовых линиях»¹⁰.

Князья Константиновичи делили все тяготы фронтовых будней с русскими солдатами и офицерами. Напомним, что на Северо-Западном фронте полки князей Константиновичей входили в состав 1-й армии под командованием генерала П. К. Ренненкампа¹¹: кнн. Иоанн (1886–1918) — л.-гв. Конный полк; Гавриил (1887–1955), Олег (1892–1914) и Игорь (1894–1918) — в составе л.-гв. Гусарского Его Величества полка; Константин (1890–1918) — л.-гв. Измайловский полк. И об этом с гордостью и юношеской горячностью кн. Олег писал в своем дневнике: «Все пять братьев пошли на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, т. к. это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте своего положения. Пишу, и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы

¹⁰ Н-чин С. На Руси // Летопись войны 1914 года. № 2. 30 августа 1914 г. С. 32.

¹¹ Ренненкампа Павел Карлович (1854–1918) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии и командующий 1-й армией Северо-Западного фронта, один из главных виновников поражения русских войск в Восточной Пруссии. В ноябре 1914 г. после неудач под Лодзью отставлен от командования. 3 октября 1915 г. уволен со службы. См.: Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, записки. 1874–1918 гг. / авт. предисл., коммент. и сост. Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 399.

все впятером Константиновичи на войне. В полку отношения сразу изменились»¹².

Перед войной кн. Олег Константинович перенес сильное воспаление легких с плевритом, лечился в Крыму и долго жил в деревне — в любимом Осташёве Московской губернии, а также гостил у своего воспитателя (1908–1913) и близкого друга «Николауса» — генерал-майора Николая Николаевича Ермолинского (1869–1919) в имении Домниха¹³. Слабое здоровье и незнание строевого дела были причиной того, что сначала кн. Олега назначили в штаб вести дневник лейб-гвардии Его Величества Гусарского полка, пообещав при хорошем самочувствии назначить в строй. Ермолинский настоятельно уговаривал своего воспитанника не торопиться. Обеспокоенный военными событиями, вел. кн. Константин Константинович «поднял хлопоты, чтобы Ермолинский, совершенно поправившийся, был прикомандирован к штабу Ренненкампфа (командующего 1-й армией Северо-Западного фронта. — *Е. С.*)» (дневниковая запись от 22 июля 1914 г.)¹⁴, на следующий день 23 июля «телеграфировал Ренненкампфу, прося о прикомандировании к его штабу Ермолинского <...> Он ответил, что Ермолинский будет желанным гостем <...>»¹⁵.

Кн. Гавриил Константинович вспоминал, что «Олег был очень энергичен и добросовестно вел полковой дневник, для чего расспрашивал офицеров об их действиях»¹⁶. Это были тяжелые дни Восточно-Прусской операции (4 августа — 2 сентября), после побед русских войск под Сталлупененом и Гумбиненом 4–7 августа германское командование сняло с Западного фронта 2-го корпуса и 1-ю кавалерийскую дивизию, что облегчило положение наших союзников, французских войск, в битве на Марне. В результате тяжелых боев и потери значительной части 2-й армии под командованием генерала А. В. Самсонова, застрелившегося,

¹² Дневник князя императорской крови Олега Константиновича. 1900–1914 гг.: текст / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2016. С. 290.

¹³ См.: Саламатова Е. А. «Он жаждал подвига — и подвиг совершился»: корнет лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка князь Олег Константинович // Великая война. Последние годы империи: сб. научн. ст. XX Царскосельской конференции. СПб., 2014. С. 459.

¹⁴ Дневник вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 / отв. ред., сост., авт. вступ. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 331.

¹⁵ Там же. С. 331.

¹⁶ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Воспоминания. М., 2005. С. 232.

не вынеся позора поражения, а также преступного бездействия командующего 1-й армией генерала П. К. Ренненкампа, наши войска с боями отступали за Неман, потеряв все склады и обозы. Об этих днях в мемуарах пишет брат князя Олега — кн. Гавриил Константинович.

По настоятельным просьбам 25 августа корнет Олег из штаба назначен командующим 3-м взводом 2-го эскадрона¹⁷ л.-гв. Гусарского Его Величества полка, входящего во 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию под командованием генерал-лейтенанта Г. О. Рауха, об этом с радостью сообщает в письме к отцу от 26 августа, описывая военные будни: «Самого интересного, к сожалению, писать нельзя, место — где мы стоим, что делаем и др.»¹⁸.

В «Летописи войны 1914 года» мы читаем: «5 сентября. Ген. Ренненкампа окончательно задержал наступление германских войск»¹⁹.

В письме к отцу от 5 сентября 1914 г. кн. Гавриил Константинович писал: «Мы, слава Богу, живы и здоровы. Очень счастливы нашими успехами. Живу настоящим и стараюсь не думать о будущем, что не легко. Да будет воля Божья. Олег и Игорь молодцами, в очень хорошем настроении. Ими очень в полку довольны, и я ими горжусь»²⁰.

О периоде с 6 по 13 сентября 1914 г. «Летопись» сообщает: «В Восточной Пруссии за последние дни германцы действовали хотя и энергично, но абсолютно безрезультатно. Напуганные занятием нашими войсками доброй половины этой провинции, они перебросили сюда, по различным источникам, от 11 до 14 корпусов, т. е., другими словами, от четырехсот до пятисот с лишним тысяч, и, вполне естественно, вынудили генерала Ренненкампа отойти в свои пределы»²¹.

С детства кн. Олег привык вести дневник, поэтому и в полевой книжке для донесений есть личные записи. Напомним, что первая запись

¹⁷ Эскадрон как тактическое подразделение регулярной кавалерии обычно состоял из 2–4 взводов; в казачьей коннице ему соответствовала сотня. В армиях разных стран в эскадроне 100–200 человек; 4–6 эскадронов составляли кавалерийский полк. См.: Большая советская энциклопедия: Т. 30. М., 1978. С. 248.

¹⁸ Бумаги вел. кн. Константина Константиновича и членов его семьи. С. 492.

¹⁹ Летопись войны 1914 года. № 5. 20 сентября 1914 г. С. 88.

²⁰ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 158. Л. 122–122 об. Цит. по: Князь императорской крови Гавриил Константинович. 1887–1955 гг.: Биография и документы / сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2016. С. 336.

²¹ Бартенев А. Обзорение войны. (С 6 по 13 сентября) // Летопись войны 1914 года. № 5. 20 сентября 1914 г. С. 76–77.

в этой полевой книжке (возможно, была и другая книжка) датируется 8 сентября 1914 г., и это донесение корнета Олега (Л. 47):

«Кому.....Полковнику Богаевскому.....
 От кого.....Корнета Олега.....
 1914 г. “...8...” ... сентября...месяца... “10” час... “45” мин.....
 №...6.. Из (откуда отправлено)м. Дарсунишки.....

 Карта.....
 Получено “...” час. “...” мин.....В (где получено).....

 Кем доставлено.....

Генерал Казнаков перешел Неман и остановился
 в м. Дарсунишки.
 Район разведки тот же.
 Корнет Олег.

Р. S. Очень прошу сообщить точно о месте пребывания штаба дивизии».²²

Напомним, что донской казак, полковник Африкан Петрович Богаевский (1872–1934) был начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии; генерал-лейтенант Николай Николаевич Казнаков (1856–?) командовал 1-й гвардейской кавалерийской дивизией, а кн. Иоанн Константинович был у него в штабе.

Полковник штаба 22-го корпуса 2-й армии под командованием генерала от кавалерии А. В. Самсонова (1859–1914), начальник службы связи Ставки Верховного главнокомандующего Борис Николаевич Сергеевский об этих днях вспоминал: «Периоды боев всегда чередуются с периодами сравнительного затишья. Таким первым “отдыхом” было для нас пребывание между рекой Бобром и Августовскими лесами со 2 по 14 сентября. Общая обстановка на Северо-Западном фронте была такова: 1-я армия генерала Ренненкампа сравнительно благополучно отошла за Неман. Несколько корпусов противника, преследуя 1-ю армию, заняли район от Ковны до Августова, дойдя местами до Среднего Немана. Наше командование сосредотачивало на линии реки Бобра сильную группу войск — 10-ю армию — как нам казалось, для нанесения удара во фланг и тыл зарвавшейся группы немцев»²³.

²² РО ИРЛИ. Ф. 214. № 96. Л. 47.

²³ Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 67.

Кавалерия на войне предпринимала в основном разведывательное наступление, вызывая огонь противника с целью его обнаружения, выставляла сторожевое охранение и посылала впереди полка разъезды, расследовала, где противник окопался, поместил заставы, какие пункты занял. Зачастую кавалерия прикрывала отход войск. В полевой книжке корнет Олег пишет, какие эскадроны уходят в разведку, кто в сторожевом охранении или в дозоре.

Вопреки цензуре, в полевой книжке, записи которой датируются 11–26 сентября, кн. Олег ведет учет местечек, в которых были или ночевали воины Гусарского полка: «11–12 [сентября] Кошаны / 12–13 [сентября] Вирбилишки <...> 22–23 [сентября] Ашмонишки»²⁴. (Князь Гавриил Константинович вспоминал о том, что командующий 2-й гвардейской дивизией генерал-лейтенант Георгий Оттонович Раух (1860–1936), чьи «нервы не выдерживали звука выстрелов», «был в паническом настроении и ему все грезилась какая-то опасность»²⁵: «Каждый день <...> далеко отводил нас на ночлег, потому что боялся оставаться на ночь вблизи противника. Эти переходы на ночлег были всегда большие и потому утомительные. Мы шли в темноте, на хвосте друг у друга, усталые и дремали, сидя верхом»²⁶).

В полевой книжке кн. Олега записей между 20 августа и 11 сентября 1914 г. мы не находим: по предположению князя Гавриила, предыдущая тетрадь утеряна. 6 августа князь Олег принял боевое крещение в Каушенском сражении (Каушен, Кошаны; ныне населенный пункт Междуречье, Калининградской области. — *Е. С.*), в котором одержали победу кавалерийские эскадроны, потеряв половину своих офицеров. И вот полк снова в этом местечке. Известна фотография кнн. Олега, Гавриила и Игоря Константиновичей в Каушене с автографом вел. кн. Константина Константиновича внизу: «Наши три гусара. Кошаны. Действующая армия. 7 сентября 1914» (хранится в ГА РФ; дата съемки под вопросом). При любой возможности князья пишут родным письма и шлют телеграммы, благодарят за присланные посылки и просят прислать как можно больше, для всех соратников, теплых вещей, шоколада, папирос. Из-за военной цензуры нельзя называть места и писать подробности. И все-таки князь Олег пишет 11 сентября о том, что происходит на стоянках: «Все наедятся, а потом ложатся спать. Часто во время похода ложимся на землю, засыпаем на 5 минут... Вдруг команда: “коням!” Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься на несчастную лошадь, которая, может быть, уже три дня не ела овса, и катишь дальше. <...> Диана

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 214. № 96. Обложка. об.; Л. 1 об.

²⁵ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 232–233.

²⁶ Там же. С. 241.

сделала подо мной около 1000 верст по Германии <...> Ей пришлось прыгать в день по сотне канав, и каких канав»²⁷.

Ермолинский (Николаус) привез на фронт мотоциклетку и автомобиль кн. Олега (вел. кн. Константин Константинович исполнил просьбу сына в письме от 28 августа: «<...> устроить возможно скорейшую присылку мотоциклетки для команды связи полка <...> Эта мотоциклетка страшно нужна. Мой мотор тоже было бы очень хорошо получить, т. к. мы могли бы им пользоваться для подвоза вещей, отвоза писем и даже для связи во время боя»²⁸).

В записи полевой книжки 11 сентября кн. Олег пишет о приезде командующего армией, к которому приказано построиться в поле за деревней всем оставшимся и даже с больными лошадьми «ушедших в разведку эскадронов»: «Между шоссе и Кошанами нас ожидал г. Рененкампф. Он поздоровался с Полком и поблагодарил нас за усердную работу»²⁹. После отслуженного отцом Георгием Шавельским молебна была раздача орденов. В книжке неразборчиво написана фамилия фотографа, который привез фотографии. Нужно сказать, что о главнокомандующем протопресвитер позднее отзывался крайне отрицательно, тогда как в дневниках великого князя Ренненкампф дважды упоминается, со слов Ермолинского, как «обожаемый войсками»³⁰. Однако же верно мнение протопресвитера о том, что «ложь, обман, замалчивание потерь и неудач, постоянное преувеличение успехов» составляли «язву армии в течение всей войны»³¹, поскольку Ренненкампф скрывал от Ставки масштаб потерь, отсутствие управления войсками и связи между ними. По некоторым данным, общие потери 1-й армии при отступлении составляют около 80 тыс. чел., из этого числа около 30 тыс. попали в плен³². Есть сведения, что 1-я армия потеряла более 100 тыс. чел., в том числе пленными³³.

12 сентября кн. Олег пишет, какие эскадроны уходят в разведку; о том, что в штабе он ел белый хлеб. Приехал Ермолинский с мотором (автомобилем), появляется слово, несвойственное лексике князя:

²⁷ Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи. С. 494.

²⁸ Там же. С. 493.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 214. № 96. Л. 4.

³⁰ Дневник вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915. С. 342, 344.

³¹ Шавельский Г., протопр. Указ. соч. № 3. С. 154.

³² См.: Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 270; Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 408.

³³ Оськин М. В. Указ. соч. С. 81, 83.

«Жратва — какао, бисквит, омары и т. д.» Выставлен караул на шоссе и дозорные на ночь — по приказу в целях появления шпионов (24 сентября князь Олег сам поймал шпиона)³⁴ — о хорошо организованной шпионской сигнализации противника писал кн. Гавриил³⁵.

13 сентября полк уходит в Сивилияны за 20 верст. Там и обоз, и белый хлеб. Почти весь полк в разведке. 14 сентября полк выступил в Прены, и это были тяжелые дни боев с германцами (с 15 по 19 сентября включительно мы можем проследить, где был полк только по названиям местечек). В «Летописи» за период 19–25 сентября сообщалось: «Минувшая неделя ознаменовалась новой блестящей победой наших войск над германцами, одержанной в районе Августова. Наступление германцев из Вост[очной] Пруссии на фронте: Друскеники — Сопецкин развернулось постепенно в грандиозное сражение, захватившее обширный район от Прены (в 30 вер[стах] к югу от Ковны (ныне г. Каунас, Литва. — *Е. С.*)) до Осовца»³⁶. Гусарский полк были в Пренах 16–17 сентября... Здесь проходит знаменитое Августовское сражение, среди лесов и болот, германцы стремительно атакуют российские войска на границе Сувалкинской, Виленской и Ковенской губерний, попытка врага нанести удар на Немане завершилась переходом российских войск за границу.

Кн. Олег пишет о том, что 20 сентября обновляет книжку, «снова увидев немецкую границу»³⁷. В этот день праздновался День ангела кн. Олега, о чем позже вспоминал князь Гавриил: «Я помню, что утром, когда полк строился, Игорь и я его поздравили. Было холодно и Олег был в полушубке»³⁸. Кн. Олег 23 сентября пишет о костре, у которого грелись утром, о еде, о письме кн. Игорю от отца и телеграммах кн. Гавриилу, видимо, от балерины Антонины Рафаиловны Нестеровской, урожденной Степанович (1890–1850), с которой тот был тайно обручен с 1912 г. При любой возможности кн. Гавриил слал невесте телеграммы³⁹. Гремят пушки, наши войска отбили немецкий город Шервинд (Ширвиндт; ныне поселок Кутузово в Краснознаменском городском округе Калининградской области РФ. Находится в месте слияния реки Ширвиндт (лит. Шервинта) и литовской рекой Шешупой. — *Е. С.*) и он занят стрелковой бригадой... А 24-го опять «идет бой под злополучным Шервиндтом», получено донесение о месте нахождения неприятельской

³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 214. № 96. Л. 6 об.

³⁵ Гавриил Константинович, вел. кн. С. 223.

³⁶ Бартенев А. Обзорение войны. (С 19 по 25 сентября) // Летопись войны 1914 года. № 7. 4 октября 1914 г. С. 105.

³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 214. № 96. Л. 2.

³⁸ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 245.

³⁹ Там же. С. 241.

батареи и пехоты. Кн. Олег пишет о том, что стреляет пять батареями, нужны еще пушки: «Раух находится с главными силами где-то сзади и копаются»⁴⁰. 25 сентября морозно, и гусары делали рекогносцировку на Ратцен, вместе с взводом артиллерии. Передовые части вошли в город, дозорные вплотную поехали к велосипедистам, выехавшим из города, и двое были убиты. Кн. Олег пишет: «Совсем непонятно отчего вся дивизия не принимала участия в этой совсем безтолковой операции»; и отмечает, что ночь была со Штабом полка, с «великолепным ужином» и «массой посылок». За день до ранения (27 сентября), 26-го, кн. Олег пишет, что гусары выступили в 8 утра: «Предположено идти на Дайнен затыкать дырку, образовавшуюся между стрелковой бригадой и 56 дивизи[ей] с целью зайти немцам, сидящим в Шукле в тыл. Конечно мы знали, что это не будет сделано»⁴¹. Но так и не дойдя до Владиславова (уездный город Сувалкской губернии на устье р. Ширвинты, впадающей в Шешупу; назван в честь короля Владислава IV (с 1643 по 1917 гг.), теперь город Кудъркос-Наумэстис Шакияйского района Мариямпольского уезда Литвы. — *Е. С.*), который в ходе боев неоднократно переходил из рук в руки, им пришлось быть в фольверке (хуторе) под звуки сильных пулеметных и артиллерийских выстрелов. Привезенный раненый рассказал, что немцы «выкинули белый флаг, кричали “не стреляйте”, а под конец выстрелили. Может это вранье?» — усомнился кн. Олег. Однако же выбрасывание белого флага была распространенной уловкой с целью захвата позиций врага — и с той, и с другой стороны. Последние письма родным князь отдает через вольноопределяющегося кирасира Де-Роберти, который едет в Питер, с просьбой к отцу помочь поступить ему в училище. Кн. Олег пишет, прислонившись к дереву: «Вчера был большой праздник. Получили массу посылок»; благодарит за присланные полушубки и сахар; отмечает, что «утром морозит» — и, как всегда, заботится о солдатах, которым «нужны перчатки (не рукавички)», «и фуфайки, и белье, и табак»⁴².

Последние слова в записи 26 сентября — о том, что пехота отходит, приказано прикрывать ее лавой (в ряд, на некотором расстоянии друг от друга), в результате только так заняли фольверк (хутор). Описание лавы кавалеристов на Восточно-Прусском фронте дает писатель В. В. Муйжель: «Стремительность движения, отсутствие какой-либо стройности, бешеный аллюр хрипящих, с оскаленными зубами, воодушевленных, да, да, одушевленных лошадей, все это представляется

⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 214. № 96. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 9.

⁴² Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи. С. 495.

сумбурным вихрем. Но на самом деле это совсем не так. Лава, это — живая гибкая, упругая, как развернувшаяся, стальная пружина, объединенная тем, что на техническом языке называется маяком»⁴³.

27 сентября 1914 г. кн. Олег был смертельно ранен. Об обстоятельствах этого вспоминал лечащий врач профессор Владимир Андреевич Оппель: «Гусарам дали знать, — так приблизительно говорил Олег Константинович, — что где-то поблизости появилась неприятельская кавалерийская дивизия. Поехали к ней навстречу и наскочили на разъезд. По приказанию командира, первый эскадрон пошел лавой, затем пошли 2-ой и 4-ый. 3-ий остался при штандарте. Я вылетел вперед и видел, как один немец начинает целиться. Заметив это, я повернул к целившемуся профилем, желая его объехать и атаковать сбоку. Раздался выстрел, я почувствовал сильнейшую боль и упал с лошади»⁴⁴.

Вел. кн. Константин Константинович в дневниковой записи от 4 [ноября] 1914 г. пишет: «У нас завтракал гусарский ротмистр граф Пав[ел] Алекс[еевич] Игнатъев [Патька], эскадронный командир Олега. Он просил Игнатъева позволить ему поскакать в атаку на прусский разъезд, хотя в этом не было надобности. Игнатъев не устоял перед просьбами Олега и потом был на первой перевязке. Олег крепко держал его за руку при этом, и сжимал он от боли. Он говорил, что в ночь перед поранением видел во сне, что будет ранен. Перед отъездом в Вильну (в госпиталь. — Е. С.), прощаясь, он перекрестил Игнатъева»⁴⁵. Получив телеграмму об уничтожении неприятельского разъезда [пятеро зарублены, семеро взяты в плен], с сообщением, что князь Олег доскакал первым, император Николай II наградил корнета орденом Св. Георгия IV ст.⁴⁶. Вел. кн. Андрей Владимирович навещил умирающего в Витебской общине Вильны и записал в дневнике 29 сентября 1914 г.: «Он не только не чувствовал боли, но и не сознавал серьезности своего положения. В его улыбке, разговоре было столько простоты, что казалось, он не хотел признать, что умирает за Отечество. Свой поступок как будто он считал в этой огромной войне столь незначительным фактом, что не стоит об этом и говорить. Он даже ни разу не говорил о Георгиевском кресте, который только утром получил от Государя. Он умирал Героем, скромным и в скромности великим»⁴⁷.

⁴³ Муйжель В. В. С железом в руках, с крестом в сердце: (На Восточно-Прусском фронте). Пг., 1915. С. 72.

⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 214. № 123. Лл. 1–6.

⁴⁵ Дневник вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915. С. 364.

⁴⁶ РО ИРЛИ. Ф. 137. Оп. 1. № 251. Л. 3–3 об.

⁴⁷ Военный дневник вел. кн. Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост., предисл., коммент. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. М., 2008. С. 52–53.

В официальном журнале «Летопись войны 1914 года» посмертную статью о жизни и подвиге героя написал профессор русской истории Платон Григорьевич Васенко, преподававший русскую историю детям вел. кн. Константина Константиновича: «Самая смерть Его Высочества была столь же прекрасна, как и вся Его слишком короткая жизнь. Лихая атака, геройский налет на врага, рана, оказавшаяся смертельной, и христианская кончина, по принятии Святых Таин, на руках у любимых Августейших Родителей и Брата»⁴⁸.

Свою жизненную цель кн. Олег видел в труде для блага Родины. Известно, что в 1914 г. кн. Олег Константинович признавался: «Быть писателем — это моя самая большая мечта, и я уверен, убежден, что никогда не потеряю желания писать»⁴⁹. Записи в полевой книжке корнета Олега не похожи на литературное произведение — написанные урывками, они повествуют о фронтовых буднях находящегося в сентябре 1914 г. в Восточной Пруссии л.-гв. Его Величества Гусарского полка, в составе 2-й кавалерийской гвардейской дивизии Северо-Западного фронта. Несомненно, этот документ, включающий топографическую карту с пометами, представляет интерес для историков «забытой» Первой мировой войны.

⁴⁸ Васенко П., проф. К Кончине Его Высочества Князя Олега Константиновича // Летопись войны 1914 года. № 8. 11 октября 1914 года. С. 135.

⁴⁹ Князь Олег. Пг., 1915. С. 130.

Г. И. Шевцова

Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество

**«Ужасно жить в таком неведении будущего»:
к 125-летию князя крови императорской
Игоря Константиновича**

Князь Игорь Константинович, правнук императора Николая I, родился 29 мая 1894 г. в Стрельне в семье вел. кн. Константина Константиновича и вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны. Как и его старшие братья, князь Игорь получил домашнее воспитание, а затем был определен в Петровско-Полтавский кадетский корпус. По совету врачей 1904–1905 учебный год он вместе с братьями провел в Крыму, занимаясь по программе кадетских корпусов. Характеризуя успехи своего воспитанника, полковник М. И. Бородин, штаб-офицер для поручений при начальнике Главного управления военно-учебных заведений, 4 октября 1904 г. написал августейшим родителям, что «уроками Игоря Константиновича все преподаватели, в общем, довольны и даже ставят его выше Олега Константиновича по большей глубине восприятия. Так думает и преподаватель русского языка»¹.

Кн. Игорь Константинович рос живым, непосредственным ребенком. По окончании Рождественских каникул 1904 г. воспитатель отметил, что об этом больше всех «горюет Игорь Константинович. По его мнению, праздники прошли “ужасно” быстро. Он начал уже мечтать о Пасхе и лете. К счастью, большим для него утешением является наша ёлка, которую мы зажигаем ежедневно за обедом. Мы оставляем ее до 6 января. В зажигании и тушении ёлки Игорь Константинович принимает самое деятельное и хлопотливое участие. Не раз он поджигал и разбивал некоторые украшения. Но это занятие, по-видимому, доставляет ему огромное удовольствие»².

Несмотря на проблемы со здоровьем, как и у всех Константиновичей у кн. Игоря были слабые легкие, он занимался спортом: летом это были катание на велосипеде, теннис и плавание, зимой — коньки и лыжи. Любовь к лошадям и верховой езде ему, как и его братьям, была привита

¹ Князь императорской крови Гавриил Константинович. 1887–1955 гг.: Биография и документы / Сост., авт. предисл., комм. и биограф. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2016. С. 454.

² Там же. С. 467.

Дяденькой — вел. кн. Дмитрием Константиновичем. В зрелые годы добились страсть к охоте и автомобилям.

Кн. Игорь Константинович был глубоко верующим человеком. Он с детства любил церковные службы и находил особенное удовольствие в украшении церкви. Эту склонность сына заметил вел. кн. Константин Константинович и на Пасху 1906 г. сделал ему особенный подарок: «Во время разговления Дяденька дал запечатанный конверт Игорю... [Он] ... бумагу прочел и немного ошалел. В этой бумаге было сказано, что Папа назначает его ктитором нашей походной церкви [в Павловске]... Игорь сначала подумал, что это шутка. Он так заботился об этой церкви, что Папа, желая сделать ему удовольствие, назначил его ктитором»³. Игорю Константиновичу в тот момент было неполных двенадцать лет.

В 1910 г. кнн. Олег Константинович и Игорь Константинович в сопровождении воспитателей отправились в образовательное путешествие. Они стали первыми из Дома Романовых, кто в рамках европейского турне посетил Балканы — Турцию, Болгарию, Сербию. Выбор направления в какой-то мере отразил сформулированное в конце 1870-х гг. канцлером А. М. Горчаковым положение, что «Балканы — зона жизненных интересов России»⁴.

1 сентября 1912 г. кн. Игорь Константинович был зачислен в младший класс Пажеского корпуса и с этого же дня считался на действительной военной службе. В отличие от старших братьев, занимавшихся с преподавателями дома, кн. Игорь Константинович занятия посещал регулярно. По воспоминаниям кн. Гавриила Константиновича, «его очень любили, он был на “ты” со своими товарищами и на совершенно равном с ними положении»⁵.

И хотя эта информация подтверждается в одном из писем матери графа Владимира Гогенфельзена (будущего кн. Палая), все-таки нам кажется, что кн. Игорю Константиновичу было не просто выстроить отношения с однокашниками. На эту мысль наталкивает фраза из этого же документа, что кн. Игоря Константиновича «цукуют»⁶, но любят. Все от него в восторге...»⁷. Надо было обладать не только чувством юмора, присущего

³ Дневник князя императорской крови Гавриила Константиновича. 1897–1916 гг. / Сост., авт. предисл., комм. и биограф. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2016. С. 179.

⁴ Рыбаченок И. С. Политика России на Балканах на рубеже XIX и XX веков: цели, задачи и методы // Труды Института российской истории. Вып. 9 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М., Тула, 2010. С. 394.

⁵ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Мемуары. М. 2001. С. 83.

⁶ Цукать (устар.) — грубо издеваться над кем-либо.

⁷ Палей О. Воспоминания о России. С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М., 2005. С. 166–167.

всем Константиновичам, но и незлобивым характером, чтобы не отвечать на нападки товарищей по корпусу и вызывать у них «восторг».

В 1913 г. кн. Игорь Константинович продолжил обучение в старшем специальном классе Пажеского корпуса. Учеба давалась ему непросто. В марте того же года он написал отцу, как сдавал экзамены и что самыми страшными для него были русский и алгебра⁸ и тут же отчитался о том, что ему было важно и дорого — о проведенных улучшениях в домашней церкви Павловска: «провели электричество, сделали очень хорошо, так, что проводов не видно... Алтарь сделали, как ты хотел, он весь будет залит светом... Затем я хотел просить тебя разрешить мне пойти разобрать иконы на чердаке Мариинской церкви, их там очень много, выбрать лучшие и повесить их у нас в алтаре и притворе»⁹.

При выпуске из Пажеского корпуса 23 сентября 1913 г. кн. Игорь был произведен в камер-пажи. Кн. Гавриил Константинович вспоминал впоследствии, что «мой брат Игорь очень хорошо выдержал офицерские экзамены в Пажеском корпусе и был до производства в офицеры... прикомандирован к нашему полку... По существовавшим тогда правилам прикомандированные пажи были на офицерском положении, но у нас в полку они ставились в ряды, ... чтобы приучить их к строю»¹⁰.

Некоторые отголоски первых дней службы кн. Игоря Константиновича можно обнаружить в письме кнг. Елены Петровны кн. Олегу Константиновичу: «Когда он поступил в полк, все эти паршивые господа вели себя по-хамски. Даже скучно и гадко до того, что не хочу тебе даже об этом писать ... слишком долго»¹¹. Но и это испытание, никогда не унывающий кн. Игорь Константинович преодолел. За несколько дней до Первой мировой войны, 12 июля 1914 г., он был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка и определен в 4-й эскадрон.

С момента выпуска из Пажеского корпуса кн. Игорь короткий период времени находился на «особом» положении среди братьев. В связи с тем, что он не достиг 25-летнего возраста, большинство светских мероприятий, на которые были богаты предвоенные годы, оказались для него недоступны: «<...> на Ирину свадьбу¹² я не был приглашен, так как приглашения были разосланы только совершеннолетним. Т[етя] Минни и Ксения¹³ были этим очень недовольны, и когда в тот же день

⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 162. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 32 об.

¹⁰ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 210.

¹¹ Бумаги великого князя Константина Константиновича. С. 596.

¹² Речь идет о свадьбе кнж. крови императорской Ирине Александровне и кн. Феликса Юсупова графа Сумарокова-Эльстон, состоявшейся 22 февраля 1914 г.

¹³ Императрица Мария Федоровна и вел. кнг. Ксения Александровна.

в театре они меня спросили, почему я не приехал сам, я сказал, что не привык навязываться, и если меня не пригласили, это значит именно что меня не пригласили¹⁴. Вообще, императрица Мария Федоровна, царь и все остальные родственники очень милы и любезны со мной. Вчера был бал в Аничковом, и меня туда не пригласили. Я поехал слушать “Демона”. Вдруг входит полицмейстер в ложу и говорит, что императрица меня немедленно требует к себе на бал. Оказывается, она спросила Костю, где Игорь, он сказал, что я не приглашен. Опять! Чтобы я немедленно приехал туда! И я поехал»¹⁵. Таким образом, князь Игорь Константинович все же успел принять участие в развлечениях последнего светского сезона Российской империи.

18 (31) июля 1914 г. в России была объявлена общая мобилизация. На следующий день Германия объявила войну России. Перед отъездом на фронт кн. Игорь Константинович вместе с братьями причастился в Павловской дворцовой церкви.

Дневниковая запись Константина Константиновича от 23 июля 1914 г. рассказывает о проходах младших сыновей: каждого ставили на колени перед иконой в кабинете великого князя. Не обошлось и без сдержанных слез¹⁶. Именно с этого дня кн. Игорь Константинович числился в походе. В его послужном списке отмечено, что в кампанию 1914 г. он участвовал в наступательном марше на Восточную Пруссию, в том числе, в кровопролитных боях 1–6 августа, арьергардном марше из Восточной Пруссии (20–30 августа), а также в боях по прикрытию отхода 1-й армии (31 августа – 5 сентября).

Участие кн. Игоря Константиновича в военных операциях лета — осени 1914 г. было высоко оценено. 27 октября 1914 г. ему был пожалован орден Св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость», а 8 ноября того же года — орден Св. Станислава III ст. с мечами и бантом.

Кн. Гавриил Константинович 5 сентября 1914 г. написал вел. кн. Константину Константиновичу: «Мы, слава Богу, живы и здоровы... <...> Олег и Игорь молодцами, в очень хорошем настроении. Ими очень в полку довольны, и я ими горжусь»¹⁷.

Известно, что кн. Игорь участвовал в разведывательных разъездах, в том числе, возглавляя их. В ГА РФ хранится «Книжка с отпускными разведческими листками», принадлежавшая кн. Игорю Константиновичу.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 162. Л. 55.

¹⁵ Там же. Л. 55 об.

¹⁶ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.). 1911–1915. М., 2013. С. 331.

¹⁷ Князь императорской крови Гавриил Константинович... С. 336.

В эту книжку разведчик вносил полученные сведения, отрывал листок и посылал его с солдатом командиру¹⁸.

Именно кн. Игорь Константинович находился рядом с братом Олегом Константиновичем после его смертельного ранения 27 сентября 1914 г., сопроводил его в госпиталь в Вильно и взял на себя тяжелую обязанность сообщить родителям и братьям, что врачи считают положение очень серьезным.

Исполняя последнюю волю сына, убитые горем родители приняли решение похоронить кн. Олега Константиновича в имении вел. кн. Константина Константиновича Осташёво Волоколамского уезда Московской губернии и «построить над его могилой церквушку во имя преподобного князя Олега и Серафима Саровского»¹⁹.

Выбор места погребения не был случайным. Кн. Игорь Константинович еще в двадцатилетнем возрасте задумался о том, что Осташёво может стать местом его последнего пристанища. Побывав на очередной панихиде по усопшему родственнику в Петропавловском соборе, он заметил, что «наши могилки содержатся хуже, чем Владимировичей и делается досадно — мало цветов, или вернее, их совсем нет. Икона Натуси <...> повешена <...> без лампадки. Чем больше я бываю в усыпальнице, тем меньше мне хочется быть там погребенным. Нам было бы хорошо уснуть в Павловске или, еще лучше, в Осташёво, и [иметь] свою церковь в старорусском стиле, совсем темную, с массой икон и при ней усыпальница-склеп»²⁰. По-видимому, не только любовь к брату заставляла кн. Игоря Константиновича вкладывать душу и отдавать силы в строительство усыпальницы, но и уверенность, что со временем здесь найдется место и для него.

Осташёво любили все члены семьи. Но любовь кн. Игоря Константиновича была деятельной: вместе с отцом и братьями Константином Константиновичем и Олегом Константиновичем он мечтал создать там образцовое хозяйство. И он стал единственным членом семьи, кто был готов прожить свою жизнь в Осташёво.

Переписка кн. Игоря Константиновича с родными говорит о том, что с 1912 г. он бывал этом подмосковном имении довольно часто. 28 июня 1912 г. он пишет отцу подробное письмо о своих занятиях: «ничего особенного не делаю, а стараюсь все привести в порядок, насколько позволяют средства. Брошка отелилась в тот самый день, когда я получил твое письмо из Бордо, но коровка — телка, очень неважная — продал.

¹⁸ Ковалев И. А. Романовы на фронтах Первой мировой войны. М., 2016. С. 98.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 65. Дневник вел. кн. Константина Константиновича (8 апреля 1912 г. — 21 ноября 1914 г.). Л. 38.

²⁰ Там же. Л. 54–54 об.

Молоко отправляется каждый день около 50 ведер <...> Луг перед Николаевским хутором не засеян <...> Твоя мечта о первоклассном хозяйстве, тоже, что моя»²¹.

Вообще, вопросы развития хозяйства Осташёво были постоянной темой переписки между отцом и сыном, неважно, чего они касались — продажи дров²² или строительства дороги от Волоколамска до имения²³.

Кроме хозяйственных дел, кн. Игорь Константиновича интересовали деревенские новости, касающиеся житейских проблем ее обитателей, о чем он ставил в известность вел. кнг. Елизавету Маврикиевну: «Борис Геринг²⁴ <...> отстранил от заведования яслями Анну Павловну — ура, ура, ура! Он получил приговор деревни <...> но не знал, согласна ли ты, мама»²⁵.

В Осташёво у кн. Игоря Константиновича был совсем иной круг общения, чем в Петербурге. Прежде всего, это были соседи по подмосковным имениям — старая московская знать — графы Чернышевы-Безобразовы, князья Мещерские, Гончаровы, Щербатовы и многие другие — высокообразованные люди, внесшие значительный вклад в российскую культуру и искусство. Расширению круга общения способствовало не только то, что кн. Игорь был членом императорской фамилии, но и то, что он был общительным, остроумным молодым человеком.

22 октября 1914 г., после похорон кн. Олега Константиновича, кнн. Иоанн, Гавриил и Игорь Константиновичи «собрались опять ехать в действующую армию»²⁶. В дневнике великий князь признался самому себе, что к Игорю он чувствует «большую нежность, особенно после смерти Олега, больше, чем к трем старшим сыновьям»²⁷.

Из придворной хроники известно, что кн. Игорь Константинович в декабре 1914 г. и начале 1915 г. был в Петрограде. Причиной было состояние здоровья его высочества, что отражено в дневнике великого князя: «<...> доктор <...> Варавка осмотрел Игоря и, найдя у него что-то в легких, услад его до 10 февраля в Осташёво»²⁸.

Кн. Игорь Константинович не стал дожидаться полного выздоровления и, как только стало возможно, вернулся в свой полк. Об этом 2 марта 1915 г. в письме Николаю II сообщила императрица Александра

²¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 748. Л. 13.

²² Там же. Д. 162. Л. 29 об.

²³ Там же. Л. 30 об.

²⁴ Управляющий Осташёво.

²⁵ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 162. Л. 39.

²⁶ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.)... С. 361.

²⁷ Там же. С. 362.

²⁸ Там же. С. 384.

Федоровна, заметив при этом, что «доктора находили, что ему еще рано уезжать»²⁹.

В весенней кампании 1915 г. кн. Игорь Константинович в составе своего полка участвовал в боевых операциях с 13 по 17 марта по прикрытию отхода 3-го армейского корпуса и некоторых других. 1 мая 1916 г. кн. Игорь Константинович получил следующий офицерский чин: был произведен в поручики³⁰.

19 мая 1915 г. в бою погиб кн. Константин Александрович Багратион-Мухранский. Его останки были доставлены в Петроград, а затем перевезены к месту захоронения в семейной усыпальнице в Мцхете. В этом скорбном путешествии кнг. Татиану Константиновну кнг. Багратион-Мухранскую сопровождал кн. Игорь Константинович. В Грузии их настигла весть о смерти вел. кн. Константина Константиновича — они спешно вернулись в Петербург, чтобы принять участие в траурных мероприятиях.

6 июля 1915 г. кн. Гавриил Константинович, находившийся с момента гибели кн. Олега в отпуске по состоянию здоровья, сообщил матери, вел. кнг. Елизавете Маврикиевне, что получил письмо от доктора Варавки и привел из него выдержку: «Я только что получил телеграмму от Верховного Главнокомандующего, касающуюся Вас и князя Игоря Константиновича и сообщаю Вам ее дословно: “О болезни Гавриила и Игоря Константиновичей мною доложено Государю Императору, прошу Вас настоять, чтобы серьезно лечились, понимаю, как им тяжело это, но только здоровыми могут вернуться с пользой в Армию. Николай”»³¹. Тем не менее, из переписки братьев Константиновичей за этот период мы знаем, что в начале осени младший из них из них был еще на фронте и выполнял свой долг.

20 июня 1915 г. кн. Игорю Константиновичу были пожалованы Георгиевское оружие и орден Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом.

6 сентября 1915 г. кн. Игорь Константинович сообщил брату Константину Константиновичу, что чувствует себя «очень неважно <...> в строю в походе находился первые 60 верст, а затем был отправлен в обоз» и попросил прислать ему походную кровать «как можно легче и портативнее», обратив внимание брата на то, что та, что есть в Павловске, тяжела для него³².

Среди вещей, найденных в Алапаевске после убийства представителей Дома Романовых, была найдена походная кровать, частично сделанная из дерева, чтобы облегчить ее вес. Можно предположить, что она была сделана специально для кн. Игоря Константиновича.

²⁹ Переписка Александры и Николая. 1914–1917. М., 2013. С. 104.

³⁰ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 2204. Л. 31.

³¹ Князь императорской крови Гавриил Константинович... С. 364.

³² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 674. Л. 2.

Осенью 1915 г. кн. Игорь был отправлен в Петроград по состоянию здоровья. Императрица Александра Федоровна 9 октября 1915 г. сообщила мужу, что «Игорь вернулся сильно больным — воспаление легких и плеврит. Теперь он вне опасности, бедный мальчик, лежит в Мраморном дворце»³³.

27 февраля 1916 г. кн. Игорь Константинович был назначен флигель-адъютантом к императору Николаю II с отчислением из полка в свиту с 21 марта 1916 г. С этого времени начались его дежурства в Ставке. Они не были регулярными и не занимали много времени.

Однако пребывание Игоря Константиновича в Ставке нельзя назвать безоблачным. Несмотря на легкий, благожелательный характер молодого князя, отношения с окружением императора складывались у него не просто. Публицист М. К. Лемке, находясь в Ставке, вел свои наблюдения, которые тщательно фиксировал в дневнике: «Сегодня впервые дежурил при царе новый флигель-адъютант князь Игорь Константинович. Молодой, с виду симпатичный юноша. Держит себя относительно офицеров очень вежливо, а к старшим в чине почтительно. Воейков его третирует: не встает, когда тот, еще издали держит руку у козырька, подходит к скамейке, где он сидит, между тем как все остальные сидящие, <...> конечно, встают»³⁴.

Но уже через месяц император в одном из писем к Александре Федоровне замечает, что «Игорь ведет себя хорошо и как будто в прекрасных отношениях со всеми»³⁵.

И все же в среде придворных младший сын почившего великого князя и не имеющий его титула почти ничего не значил. Для большинства из них он был «пустым местом», эти люди не желали оценивать Игоря Константиновича по его личным качествам. Это прекрасно понимала императрица Александра Федоровна и сделала попытку оградить молодого человека от ненужных огорчений. Поэтому 9 сентября 1916 г. она пишет в Ставку: «<...> я бы не стала назначать Дмитрия и Игоря вместе на дежурство. Я уверена, что Игорь чувствует, что он теряет рядом с Дмитрием, замечает разницу в обращении с последним и с ним, он тогда как бы глупеет, и самолюбие его страдает»³⁶.

Большую часть времени кн. Игорь Константинович проводил в компании вел. кнн. Дмитрия Павловича, Андрея Владимировича и Бориса Владимировича или на даче в Финляндии, которую снимал Гавриил

³³ Переписка Николая и Александры... С. 341.

³⁴ Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 804.

³⁵ Переписка Николая и Александры... С. 580.

³⁶ Там же. С. 733.

Константинович для своей давней подруги, бывшей балерины Мариинского театра А. Р. Нестеровской. Посещал он и «семейное гнездышко» кн. Гавриила Константиновича в Петрограде.

У всех молодых людей было много свободного времени. Шумные компании и веселое времяпрепровождение для аристократической молодежи было делом обычным. Неизменными спутниками таких встреч были вино и актрисы. Вел. кнг. Елизавета Маврикиевна волновалась за младшего сына и понимала, что безделье ни к чему хорошему не приведет. Она обратилась за помощью к императрице Александре Федоровне.

В начале марта 1916 г. ее императорское величество спрашивала императора Николая II: «Найдешь ли ты какое-нибудь занятие для Игоря? Мавра надеется, что ты его пристроишь, чтоб он больше не слонялся без дела и чтоб удержать его от пьянства, — он, кажется, вел слишком разгульную жизнь, когда жил в городе»³⁷, а несколько недель спустя сообщила, что «Мавра просит тебя вызвать отсюда Игоря, чтобы вырвать его из дурной среды»³⁸.

Тем временем здоровье кн. Игоря только ухудшалось. Император писал из Ставки в конце апреля: «Игорь <...> не может грести — он говорит, что после первых ударов он начинает кашлять и харкать кровью! По той же причине он не может быстро ходить — бедный мальчик, ему только 22 года»³⁹. Вел. кнг. Елизавета Маврикиевна все же надеялась, что ее сын вылечится и вернется на фронт, для чего проводила консультации с врачами. Тема возможной службы Игоря Константиновича была продолжена в переписке императорской семьи в начале лета: «Мавра, Вера и Георгий завтракали с нами — они едут в Осташёво. Она спрашивала, не пошлют ли Игоря на фронт в более теплые края, как ты раньше предполагал»⁴⁰. Вероятно, государь полагал, что кн. Игорю стоит сначала отдохнуть и подлечиться.

В мае 1916 г. кн. Игорь Константинович сопровождал императора Николая II с семьей во время поездки на юг, побывав в Виннице, Бендерах, Одессе, Севастополе и Евпатории.

В конце июня кн. Игорь Константинович уехал на месяц в Осташёво, где уже находилась вел. кнг. Елизавета Маврикиевна с младшими детьми. Вопрос с назначением его высочества на фронт так и не был решен до февраля 1917 г.

Спасительной гаванью для кн. Игоря Константиновича оказалось Осташёво. При разделе имущества вел. кн. Константина Константиновича кн. Игорь Константинович получил это имение при условии,

³⁷ Там же. С. 510.

³⁸ Там же. С. 546.

³⁹ Там же. С. 582.

⁴⁰ Там же. С. 628.

что во владение дворцом и парком он вступает после смерти великой княгини, которая прижизненно останется хозяйкой этой части Осташёво. Так как стоимость наследства превышала его долю, то кн. Игорь обязался выплатить разницу братьям Иоанну, Гавриилу и Константину.

Практичная, деятельная натура кн. Игоря Константиновича быстро нашла применение своим силам. Вместе с управляющим Б. Э. Герингом он руководил посевами различных культур, разводил скот, лошадей, охотничьих собак⁴¹.

Еще одним видом деятельности, привлекавшим Игоря Константиновича, была подготовка лошадей к скачкам. Участие в них позволяло не только увеличивать доход в случае выигрыша, но и способствовало улучшению породы.

Кн. Игорь Константинович, несомненно, обладал организаторским талантом. Финансы его высочества были в полном порядке, ему удавалось даже экономить. И это при том, что значительные суммы он тратил на благотворительность.

В годы войны кн. Игорь Константинович вместе с братьями содержал именную кровать кн. Олега Константиновича в лазарете № 2 для нижних чинов в Павловске вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны и палату № 1 на сорок пять кроватей в помещении Офицерского собрания Сводно-казацкого полка им. кнн. Гавриила, Константина и Игоря Константиновичей в лазарете № 4 для раненых и ампутированных воинов имени вел. кн. Константина Константиновича, созданного на средства королевы Ольги Константиновны (был открыт в октябре 1915 г.).

Согласно архивным данным, в 1916 г. на лазарет Ольги Константиновны в Павловске кн. Игорь Константинович перечислил 6000 руб., в ГУ РОКК на содержание подвижного лазарета Мраморного дворца — 8005.68 руб., Борисоглебской лепте милосердия — 25 руб., Императорскому российскому автомобильному обществу на содержание санитарных колонн — 100 руб., гимназии императора Александра I за почетный билет за вечер «Привет героям-воинам» — 10 руб.⁴²

Ежегодно вместе с другими членами семьи кн. Игорь Константинович организовывал Рождественскую елку с подарками для осташёвской школы. В 1916 г. ему пришлось заботиться об этом самостоятельно. 19 декабря он запросил телеграммой через управляющего делами

⁴¹ Подробнее о деятельности кн. Игоря Константиновича в Осташёво см.: Запорина М. В. Князь Игорь Константинович — последний владелец усадьбы Осташёво. К 120-летию со дня рождения // Константиновские чтения — 2014. Сборник материалов научной конференции 29 октября 2014 г.: сборник статей. СПб., Стрельна, 2014. С. 218–232.

⁴² РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны кн. В. А. Шаховского разрешение матери на ее проведение⁴³.

Значительной статьей расходов для кн. Игоря Константиновича было возведение храма-усыпальницы кн. Олега Константиновича во имя кн. Олега Брянского, св. прмч. Серафима Саровского, св. кн. Игоря Черниговского. Кн. Игорь был председателем его строительного комитета с 1914 г. Архивные документы свидетельствуют, что кн. Игорь Константинович вплоть до 1917 г. регулярно перечислял на эти цели по 4000 руб.

Вместе со старшим братом Иоанном Константиновичем, с 1912 г. кн. Игорь Константинович был ктитором придворной церкви в Павловске во имя св. Марии Магдалины с приписанными к ней домовым храмом Павловского дворца свв. Апостолов Петра и Павла, храма Спасо-Преображения в Тярлево и др.

В конце августа — начале сентября 1916 г. кн. Игорь Константинович продолжил дежурства в Ставке, о чем есть записи в дневнике императора.

Серьезным испытанием для Константиновичей стал монархический кризис, связанный с убийством Г. Е. Распутина. Кн. Игорь Константинович был среди тех, кто подписал письмо императору с просьбой о смягчении участи вел. кн. Дмитрия Павловича.

26 декабря (8 января) 1916 г., по свидетельству французского посланника Мориса Палеолога, «князь Гавриил Константинович давал ужин в честь своей любовницы, бывшей актрисы. Среди приглашенных были великий князь Борис Владимирович, князь Игорь Константинович, Путилов, полковник Щекубаев, несколько офицеров и небольшая группа элегантных куртизанок. В течение всего вечера единственным предметом разговора был заговор <...> Вечер увенчался тостом за спасение святой Руси»⁴⁴. Впрочем, нахождение кн. Игоря Константиновича в среде людей, обсуждавших подобные вещи, не могут служить безусловным доказательством того, что он разделял их взгляды. Кроме того, он был очень молод и не имел такого жизненного опыта, как его троюродные братья Андрей Владимирович и Борис Владимирович.

После февральской революции кн. Игорь Константинович, как и другие члены императорской фамилии, был вынужден выйти в отставку (фактически — с марта; юридически — с апреля). Вместе с братьями он жил в Мраморном дворце в Петербурге. 13 марта 1917 г. он публично, через газеты, отказался от прав на престолонаследие.

Узнав об аресте Царской Семьи, по воспоминаниям кн. Гавриила

⁴³ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 413. Л. 504.

⁴⁴ Палеолог Морис. Дневник посла. М., 2003. С. 680–681.

Константиновича, кн. Игорь Константинович «несколько раз звонил по телефону в Царское Село в Александровский дворец и <...> предлагал наши услуги, так как государь был в Ставке, и царская семья была одна. Нас благодарили, но от услуг отказались»⁴⁵. В день именин вел. кнж. Ольги Николаевны кн. Игорь Константинович сделал приписку к поздравительной открытке кнг. Елены Петровны и кн. Иоанна Константиновича, переданной в Царское Село: «Всем сердцем со всеми вами, храни вас Господь. Всех сердечно вас обнимаю»⁴⁶.

19 марта 1917 г. управляющий Б. Э. Геринг сообщил кн. Игорю Константиновичу, что «как только до Осташева дошли слухи о московских событиях <...> Начались непрерывные митинги и манифестации <...>: все разделить, дом превратить в Народный дом»⁴⁷. До активных действий дело не дошло. Кн. Игорь Константинович этими событиями был расстроен. Он связывал свое будущее только с Осташёво — планировал устроить свою частную жизнь и развивать хозяйство.

Все же была надежда, что все устроится. Управляющий советовался с князем о возможных изменениях в хозяйстве Осташёва в связи с новой ситуацией, обсуждал кадровые проблемы. Б. Э. Геринг уверял, что, по общему мнению, семье вел. кн. Константина Константиновича, которого все любили, ничего не угрожает⁴⁸ и радовался, что кн. Игорь Константинович планировал приехать в Осташёво после Пасхи⁴⁹.

Расчеты Константиновичей на спокойную частную жизнь не оправдались. Им предстояло решать многочисленные проблемы, связанные с повседневной жизнью, считаться с новыми реалиями. Пришлось отказаться от участия в благотворительности, от поддержки лазарета Мраморного дворца и, самое болезненное, — от строительства храма-усыпальницы в Осташёво.

Когда 9 (22) апреля 1917 г. состоялось венчание кн. Гавриила и А. Р. Нестеровской, из всей семьи был приглашен только кн. Игорь Константинович. Медовый месяц молодожены провели на даче в Финляндии. Кн. Игорь бывал у них неоднократно.

Летом 1917 г. кн. Игорь Константинович в последний раз посетил Осташёво. Здесь он чувствовал себя по-настоящему счастливым: «Здесь так хорошо, что уезжать не хочется. Есть дело — лошади — бега

⁴⁵ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 298.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 143. Л. 20.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 876. Л. 16.

⁴⁸ Там же. Л. 19.

⁴⁹ Князь императорской крови Константин Константинович (1890–1918): Биография и документы / Сост., авт. предисл., комм. и биограф. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2014. С. 407.

не то, что в Питере. Настроение отличное!»⁵⁰ Кроме того, был огород, скотный двор и другое хозяйство, требовавшие его постоянного внимания и обеспечивавшие его занятость с утра до вечера. В этом смысле он легче чем кн. Константин Константинович переживал кризис, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, что происходит: «Хотя и мне часто бывает тяжело на душе, но все же я иначе сделан и умею себя ломать <...> Ужасно жить в таком неведении будущего»⁵¹.

В начале августа 1917 г. кн. Игорь Константинович вернулся в Петроград. Он был намерен приспособиться к новой жизни. В нем была ключом молодая энергия. В шуточных разговорах с друзьями он говорил о том, что намерен стать дворником или наездником.

В любом случае, молодой князь был намерен участвовать в обустройстве страны. Несмотря на то, что Временное правительство заявило об ограничении избирательных прав членов Дома Романовых, 20 августа Игорь Константинович получает удостоверение, что имеет право на участие в выборах в Государственную думу⁵².

15 (28) августа 1917 г. открылся Поместный собор Православной церкви. 21 ноября кн. Игорь Константинович вместе с вел. кнг. Елизаветой Федоровной был на столовании Святейшего Патриарха Тихона. До конца своей жизни он сохранил билет для входа в Успенский собор и даже взял его с собой в ссылку⁵³.

Возможно, под влиянием значительных событий в жизни Русской Православной Церкви кн. Игорь Константинович в письме брату Константину Константиновичу от 23 января 1918 г. пишет, что «думал поступить на службу и избрал себе должность секретаря Патриарха... Но теперь так все неопределенно <...>»⁵⁴.

После октябрьской революции не только общественная, но и хозяйственная деятельность кн. Игоря Константиновича была практически парализована: в письме брату Константину от 4 января 191[8] г. он написал, что сомневается, сможет ли «продать лошадей. Они, как и все остальные вещи и инвентарь, описаны комитетом и продажа воспрещена»⁵⁵.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 674. Л. 5.

⁵¹ Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи... С. 682.

⁵² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 850. Л. 1.

⁵³ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколова: Сборник документов / Отв. ред. и отв. сост. О. В. Лавинская, сост. В. М. Хрусталева. М., 2017. С. 81.

⁵⁴ Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи... С. 681–682.

⁵⁵ Там же. С. 681.

12 (25) марта 1918 г. было опубликовано постановление Совета коммуны Петрограда о высылке князей Романовых. 4 апреля (22 марта) 1918 г. кн. Игорь Константинович вместе с братьями, кнг. Еленой Петровной, вел. кн. Сергеем Михайловичем и сопровождающими их лицами выехали в Вятку, где они могли свободно передвигаться по городу и посещать монастыри и церкви. Но менее, чем через месяц им пришлось покинуть этот город. В материалах предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколова содержится удостоверение Игоря Константиновича, выданное комиссаром гарнизоны города Вятки от 30 апреля 1918 г., на право проезда в Екатеринбург⁵⁶.

В Екатеринбурге августейших ссыльных поселили в частной гостинице Атаманова. Постепенно они стали обраться знакомыми, пытались устроиться в новых обстоятельствах. В. М. Хрусталеv в своем исследовании привел показания некоего П. А. Леонова, зафиксированные в следственных материалах: «Игорь Константинович обратился ко мне с просьбой найти ему и другим великим князьям комнаты. Он говорил при этом, что жить в гостинице им «дорого», так как у них нет средств <...> Мы ходили к жилищному комиссару Жилинскому, чтобы получить право на эти комнаты <...> Он не дал разрешение на комнаты <...> Несколько раз после этого я бывал у князя в номере. Я предлагал ему скрыться и предлагал свой паспорт ему. Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам»⁵⁷.

В Екатеринбурге члены Дома Романовых также не задержались. 19 мая 1918 г. вместе с вел. кнг. Елизаветой Федоровной, привезенной за несколько дней до этого из Москвы, августейшие ссыльные вместе с сопровождающими их лицами были отправлены в Алапаевск. Местом их пребывания была выбрана Напольная школа, находившаяся на окраине города.

Августейшие ссыльные разместились в нескольких комнатах. Обстановка была самая простая, даже аскетичная: простые железные кровати с жесткими матрасами, несколько стульев и стол. Кн. Игорю Константиновичу, как и другим членам семьи, выдали разрешение на передвижение по городу⁵⁸. По показаниям свидетелей, они гуляли по городу, работали в огороде, ходили в церковь, много читали, пили чай под открытым небом и разговаривали на разные темы⁵⁹.

Относительная свобода продолжалась недолго. Примерно через месяц режим содержания был ужесточен. Ссыльные были переведены на

⁵⁶ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года... С. 81.

⁵⁷ Хрусталеv В. Алапаевск: жертвы и палачи. М., 2010. С. 10–11.

⁵⁸ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года... С. 81.

⁵⁹ Там же. С. 112, 148.

солдатский паек, у них отобрали все вещи, оставив только смену белья носильные вещи. Прогулки в городе были запрещены.

Как и другие узники, кн. Игорь Константинович отправил по этому поводу телеграмму в Петроград, адресовав ее Эдуарду Федоровичу Менду, управляющему его и кн. Константина Константиновича делами. Но, кроме собственного положения, его интересовало и состояние здоровья вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны: «Менд. Жуковская, 27, Петроград. Переведены на тюремный режим и солдатский паек, что Мама, чем больна. Игорь»⁶⁰.

17 июля 1918 г. арестованным членам Дома Романовых было приказано собрать вещи и ждать переезда «на дачу». В ночь на 18 июля 1918 г. кн. Игорь Константинович вместе со старшими братьями и другими родственниками был сброшен в заброшенную шахту Верхне-Синячихинского завода в нескольких километрах от Алапаевска⁶¹. Материалы предварительного следствия, проведенного членом Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеевым, свидетельствуют о том, что всем им предварительно наносились тяжкие и опасные для жизни повреждения в области черепа, груди и живота⁶². Исключением встал только вел. кн. Сергей Михайлович, который был застрелен.

В конце сентября 1918 г. власть в Алапаевске перешла под контроль адмирала Колчака. По факту гибели членов Дома Романовых было начато следствие, в ходе которого удалось обнаружить место их гибели и останки. 19 октября (1 ноября) прах был предан земле в наглухо замурованном склепе, находившемся в церковной ограде Свято-Троицкого собора.

В июне 1919 г. в связи с наступлением Красной Армии было принято решение перенести останки членов Дома Романовых и сопровождавших их лиц в безопасное место. Эту миссию взял на себя настоятель Серафимо-Алексеевского скита Белогорского Свято-Никольского монастыря Серафим (Кузнецов). Ему предстоял долгий и трудный путь через Читу в Китай.

В 1920 г. кн. Игорь Константинович вместе с братьями и вел. кн. Сергеем Михайловичем был похоронен в склепе Свято-Серафимовского храма Русской духовной миссии в Пекине. Вел. кнг. Елизавета Федоровна и инокиня Варвара стараниями игумена Серафима упокоились на Святой Земле.

1 ноября 1981 г. кн. Игорь Константинович был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в сонме Новомучеников Российских.

⁶⁰ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года... С. 154.

⁶¹ Там же. С. 74.

⁶² Там же. С. 195.

Князь императорской крови Игорь Константинович и князя Вяземские

В современной исторической науке мало исследована тема отдельных, казалось бы, скромных героев, оказавшихся в обстоятельствах национальной катастрофы. Историки работают над текстом «Манифеста об отречении императора Николая II от престола», исследуют протоколы заседаний государственных мужей, но избегают касаться биографий рядовых участников событий, их реакций на изменения окружающей жизни. Это относится и к обстоятельствам гибели четырех великих князей, расстрелянных в Петропавловской крепости в январе 1919 года. Это касается и Алапаевских мучеников, в числе которых трое братьев — князей Константиновичей.

Князь императорской крови Игорь Константинович (29.05.1894, Стрельна С.-Петербургской губ. — 18.08.1918, Алапаевск, Верхотурского уезда Пермской губ.), шестой ребенок в великокняжеской семье, 29 мая 1914 г. достиг совершеннолетия. Внешние обстоятельства — начавшаяся спустя два месяца Великая война, семейные трагедии — ускорили его взросление. Семья кн. Игоря не планировала для него путь практической жизни, заключающийся в попечении о всех хозяйственных делах многочисленного имения. Однако впоследствии мать Алапаевских мучеников, вел. кнг. Елизавета Маврикиевна, отвечая на вопрос игумена Серафима (Кузнецова) о душевных качествах своих погибших сыновей, вспоминала: «Игорь более других одаренная натура, веселый, жизнерадостный и очень религиозный»¹. На первый взгляд, неожиданная характеристика. Но одаренность ведет пытливого исследователя к выдающимся открытиям и в низких материях, в прикладных науках. И хозяйство можно вести, имея глубокую духовную мотивацию служения Родине и Богу, делая выдающиеся научные открытия.

Павловский дворец, окруженный парком, или Стрельнинский усадебный комплекс давали подрастающим сыновьям вел. кн. Константина Константиновича возможность познакомиться и с цветниками,

¹ Копия письма вел. кнг. Елизаветы Маврикиевны игумену Серафиму (Кузнецову), отправленного из Альтенбурга 29.12.1922 г. / 11.01 1923 г. Частный архив.

и с конюшнями, и великолепным оранжерейным хозяйством, и с пчельниками, оснащенными экзотическими ульями. В Тярлево, рядом с храмом Преображения Господня, со времен императрицы Марии Федоровны содержались породистые коровы, казавшиеся нарядными игрушками на фоне здания Фермы в готическом стиле. Кнж. Вера вспоминала: «В Павловске Ферма стояла. Интереснейший дом. Наверху — ставни, изображавшие четыре времени года. Молоко помню — чудная ферма была»². Парадные великокняжеские резиденции, сады и парки требовали огромных расходов и квалифицированных специалистов.

Профессор Д. Н. Кайгородов³ преподавал княжичам начатки природоведения, сочетавшего теорию и практику: разбивку гряд, посадку семян, рассады, уход за растениями. Мальчики готовы были проводить многие часы на конюшнях, особенно в Стрельне, где дяденька, вел. кн. Дмитрий Константинович, держал выезды и небольшой конный завод. Отчеты придворных контор Стрельны и Павловска свидетельствуют об огромных ежегодных расходах из средств Удельного ведомства и личных средств великих князей на поддержание великолепия усадеб. Но выработанные к началу XX в. агротехнические приемы и выведение районированных пород давали возможность получать прибыль в свекловодстве, льноводстве, птицеводстве, лесоводстве, ряде направлений животноводства. Даже цветоводство и ферма могли содержать семью владельца. Появились образцовые хозяйства рачительных владельцев, соединивших научную организацию ведения дел, разумное землепользование с природоохраной. Наука проникала во все стороны жизни, изменяя условия труда, а также и целеполагание людей, их мировоззрение, зачаровывая непогрешимостью знаний, победами расчета над аморфным духом.

Летом 1901 г. в имении Прыски⁴ великокняжеские дети познакомились с деревенским скотным двором, циклом сезонных крестьянских работ, бытом селян, их праздниками и обычаями, связанными с земледелием, с заботой об урожае и здоровье животных — кормильцев семьи. Посещая крестьянские избы, участвуя в посильных трудах, они узнали на собственном опыте, как тяжела крестьянская жизнь — и как любима и опозтезирована, одухотворена она русским народом. Недаром,

² Бортневский В. Беседа с Ее Высочеством княжной Верой Константиновной Романовой // Петербургский монархический вестник. СПб., 1990. С. 5.

³ Кайгородов Дмитрий Никифорович (1846–1924) — профессор, педагог, автор популярных и научных книг о естествознании.

⁴ Нижние Прыски — имение Н. С. Кашкина в Козельском уезде Калужской губ., напротив Оптиной пустыни и Шамордино, арендованное вел. кн. Константином Константиновичем в 1901 г. для летнего отдыха семьи.

находясь в заключении в Алапаевске, братья Константиновичи и вел. кнг. Елизавета Федоровна вскопали грядки и устроили цветники вокруг Напольной школы — на радость себе и к удивлению местных жителей.

«Лошадник» от природы, Игорь с детства любил это умное и тонко организованное животное. Еще подростком он умел запрячь лошаадь, править экипажем. Племянник хозяина имения Прыски Коля Цуриков⁵ подарил двух выращенных им пони младшим братьям — Игорю и Олегу, а не старшим — Гавриилу и Константину, своим сверстникам. На сохранившейся любительской фотографии Игорь предстоит в роли кучера. В экипаже — сестра Татьяна и брат Гавриил. Шутливые надписи на изображении поясняют имена героев этой сцены.

Дядя не только учил племянников правильной выездке и экипировке⁶, что очень пригодилось на фронте, но и привил им любовь к русским рысакам, которыми славился его Дубровский конный завод⁷. Это был один из лучших в России коннозаводческих комплексов, включавший племенной завод русских рысаков, школу наездников (по системе Филлиса⁸), правильно организованную сельскохозяйственную экономию, школу, готовившую ветеринаров, ковалей, шорников, выездных, фореиторов и пр. Организация конного дела поглотила сотни тысяч рублей, которые только к 1916 г. начали окупаться. После февральских событий 1917 г. вел. кн. Дмитрий Константинович, испытывая значительные трудности, в том числе и со стороны «покрасневших» жителей Дубровки, безрезультатно пытался передать Дубровский конный завод

⁵ Цуриков Николай Александрович (1886–1957) — внук владельца имения Прыски, общественно-политический деятель Белой эмиграции, публицист и литературовед; автор воспоминаний. См.: Цуриков Н. А. Прошлое (серия «Россия в мемуарах»). М., 2006.

⁶ В книге Н. К. Кульмана «Князь Олег» (Пг., 1915) упоминаются ежедневная верховая езда с 2 до 4 часов в окрестностях Павловска (с. 54) и верстовой верховой переход из Мраморного дворца в Стрельну (с. 62).

⁷ Дубровский конный завод (Миргородский уезд, Полтавская губ.), принадлежавший вел. кн. Дмитрию Константиновичу, с 1888 г. специализировался на рысистых и верховых чистопородных орловских рысаках и верховых орлов-ростопчинцах. Завод существует и ныне, предлагая аренду и продажу лошадей, обучение конкуру и выезду.

⁸ Джеймс Филлис (1834–1913) большую часть жизни проработал во Франции, однако возможность проявить свои способности пришла к нему только в России, где в 1898–1909 гг. он был главным преподавателем Высшей офицерской кавалерийской школы. В 1890 г. издал книгу «Основы выездки и езды». Заслуга Филлиса заключается в том, что он детально разработал и систематизировал методы выездки от первых шагов до высшей школы. В настоящее время методы Филлиса подвергаются критике. Считается, что эта система тормозит развитие спортивной лошади.

государству (завещание было составлено им еще в 1913 г.). Но он не пытался передать завод племянникам — возможно, из-за политической обстановки в стране или из-за разногласий в организации племенного дела, в стремлении сохранить селекционную работу в трех вариантах: русского рысака, орлово-растопчинца, метисов.

Незаметно, в ежедневных военных и хозяйственных делах, кн. Игорь стал спортсменом, специалистом конного дела, боевым офицером гвардии, опытным администратором. Князь и конь — образ княжеской власти, воинского подвига, воплощенного и в древних летописях (сказание о князе Игоре из «Повести временных лет»), и в былинах, и в художественных произведениях (древнерусское «Слово о полку Игореве» и опера А. П. Бородина «Князь Игорь»).

Кн. Игорь Константинович по договоренности с братьями успешно вводил в Осташёво рациональное хозяйство, не только радовавшее глаз, но и дававшее прибыль, поскольку молодые Константиновичи не были достаточно обеспечены из доходов Удельного ведомства⁹. Игорь был душой строительства церкви-усыпальницы над могилой брата Олега. Сохранилось множество свидетельств его зрелости, природной склонности к конструктивному действию, основанному на здравом смысле. Смерть отца¹⁰, гибель брата Олега¹¹ и деверя Константина Багратиона-Мухранского¹² стали испытанием для кн. Игоря и ускорили его взросление. Именно Игорь находился рядом с умиравшим раненым Олегом, участвовал в его транспортировке, вел переговоры с врачами, священниками, еп. Виленским Тихоном (Белавиным)¹³. В 1915 г. Игорь сопровождал сестру Татьяну в Грузию, на похороны мужа. Однако житейского опыта и экономического образования ему не хватало.

⁹ Князь (княжна) крови императорской (обычно титул употреблялся сокращенно: «Князь крови», «Князь» с именем и отчеством) — с 1885 г. титул более дальних потомков российских императоров, нежели их внуки. Князья (княжны) императорской крови до совершеннолетия или брака получали в год по 10 000 руб., а затем им полагалось заповедное недвижимое имущество, приносящее годовой доход в 100 000 руб. (или соразмерный денежный капитал) и по 30 000 руб. содержания в год.

¹⁰ Вел. кн. Константин Константинович скончался в Павловске 2 июня 1915 г.

¹¹ Князь императорской крови Олег Константинович умер в Вильно 9 сентября 1914 г. вследствие полученного ранения.

¹² Князь Константин Александрович Багратион-Мухранский, в 1911 г. ставший мужем княжны императорской крови Татианы Константиновны, был убит в сражении 19 мая 1915 г.

¹³ Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) (1865–07.04.1925) — Патриарх Московский и всея Руси (21.11.1917), с 1913 г. — архиепископ Литовский и Виленский, причислен к лику святых в 1989 г.

Именно поэтому ему была столь интересна и полезна с каждым годом укреплявшаяся дружба с семьей князей Вяземских.

Юные Константиновичи с детства общались с восемью детьми Павла Павловича Шувалова¹⁴. Старший из них, Павел, несмотря на туберкулез берцовой кости, был участником Великой войны, в апреле 1917 г. — одним из организаторов тайного офицерского союза, и погиб в 1919 г. под Царским Селом. Второй брат Николай был убит в Каушенском бою. Их сестра Александра Павловна Шувалова вышла замуж за князя Дмитрия Леонидовича Вяземского — впоследствии известного земского и общественного деятеля. Его семье Вяземских-Левашовых¹⁵

¹⁴ Шувалов Павел Павлович (1859–1905) — граф, генерал-майор, адъютант вел. кн. Сергея Александровича. С 1898 г. градоначальник Одессы, в 1905 г. — Москвы. В браке (с 1891 г.) с Александрой Илларионовной Воронцовой-Дашковой (1869–1959), выдающейся благотворительницей, деятельницей Красного Креста, родились восемь детей: 1) Павел (1891–1919), был женат на грузинской княжне Ефросинье Джапаридзе; 2) Николай (1896–1914), воспитанник Александровского лицея, вольноопределяющийся Кавалергардского полка, убит в бою под Каушеном 6 августа 1914 года, посмертно награжден Георгиевским крестом 4 ст.; 3) Иван (1903—1980), был женат первым браком на Марии Артемьевне Болдыревой, вторым — на княжне Марии Петровне Мещерской; 4) Петр (1906–1978), был женат первым браком на Елене Борисовне Татищевой, во втором браке с Дасией Робертсон, дочерью Федора Шаляпина; 5) Елизавета (1892–1975), после войны жила в США, не замужем; 6) Александра (1893–1973), жена кн. Дмитрия Леонидовича Вяземского-Левашова (см. ниже); 7) Мария (1894–1973), в первом браке с кн. Дмитрием Александровичем Оболенским, во втором графом Андреем Дмитриевичем Толстым; 8) Ольга (род. 1902), с 1934 г. — жена Владимира Ивановича Родионова (1905–1997), впоследствии православного архиепископа.

¹⁵ Вяземский Леонид Дмитриевич (1848–1909) — князь, русский военный и государственный деятель, астраханский губернатор (1888–1890), начальник Главного управления уделов (1890–1900), генерал от кавалерии (1906). Устроитель образцового для своего времени хозяйства в усадьбе Лотарёво. Был женат на фрейлине графине Марии Владимировне Левашовой (1859–1938). Невеста унаследовала большое состояние своего деда графа В. Левашова, включавшее, среди прочего, расположенную рядом со столицей усадьбу Осиновая Роща. Фамилия графа Левашова, пожертвовавшего землю под строящуюся железную дорогу, сохранилась в названии поселка Левашово. В браке родились: 1) Борис (1883–1917), камер-юнкер, земский деятель, предводитель Усманского дворянства, был женат на графине Елизавете Дмитриевне Шереметевой; убит 24.08.1917 г. в своем имении Лотарёво; 2) Дмитрий (1884–1917), начальник 17-го передового санитарного отряда, был женат на графине Александре Павловне Шуваловой, умер от ран 2 марта 1917 г.; 3) Лидия (1886–1948), жена кн. Иллариона Сергеевича Васильчикова, автор мемуаров (см.: Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1948. СПб., 1995); 4) Владимир (1889–1960), выпускник С.-Петербургского университета (1911),

принадлежали образцовое имение Лотарёво¹⁶ в Тамбовской губернии, а также усадьба Осиновая Роща¹⁷, неподалеку от Вартемяг — шуваловской вотчины¹⁸.

Трое братьев Вяземских — Борис, Дмитрий, Владимир Леонидовичи — были знатоками конного дела, гиппологами¹⁹, любителями животных, охотниками и спортсменами. В семейном доме Дмитрия Леонидовича в Осиновой Роще неоднократно бывали в гостях молодые Константиновичи²⁰. В усадьбе был конный павильон-конюшня, а вдоль

ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка; коннозаводчик (с 1917 г.), в эмиграции управляющий конным заводом Манташева; актер-любитель, писатель, историк масонства; был женат на графине Софии Ивановне Воронцовой-Дашковой.

¹⁶ Лотарёво — образцовое в хозяйственном отношении имении князя Л. Д. Вяземского на берегу реки Байгора (ныне Грязинский р-н Липецкой обл.). В 1870-е гг. владелец организовал на всех землях своего имения рациональное землепользование и обсадил все границы полей в имении лесополосами. Стараниями хозяина была построена церковь, больница, две школы, действовал летний пансионат для бедных детей окрестных жителей. Кн. Борис Леонидович Вяземский продолжил традиции своего отца по природоохранительному землепользованию всеми угодьями имения. В усадьбе была построена электростанция; на р. Байгора была сооружена плотина с водоспуском. В годы советской власти усадьба была уничтожена. Сохранилась лишь в полуразрушенном виде и ныне восстанавливается церковь Дмитрия Солунского в с. Коробовка (1884, арх. М. Е. Месмахер) с приделом Св. Лидии, служившим склепом семейства князя Леонида Вяземского.

¹⁷ Деревня Осиновая Роща (фин. Naarakangas), впервые упомянутая в 1500 г. в «Переписной окладной книге Водской пятины», в начале XVIII в. была пожалована Петром Великим генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину. Усадьба вместе с деревней и окрестностями множество раз меняла хозяев. Последними владельцами мызы Осиновая Роща были кнг. Мария Владимировна Вяземская (урожд. Левашова) и ее сын кн. Борис Леонидович Вяземский. Усадебный дом Левашовых-Вяземских, построенный В. И. Беретти в 1828–1830 гг., в советское время использовался для размещения военной части, затем приспособлен под дом отдыха. В 1991 г., чрез год после получения охранного статуса ЮНЕСКО, памятник сгорел и после не восстанавливался. Ныне территория усадьбы Осиновая Роща входит в состав Выборгского района Санкт-Петербурга.

¹⁸ Вартемяги (Вартемяки, от фин. Vartemäki — ‘сторожевая гора’) — деревня в Агалатовском сельском поселении Всеволожского района Ленинградской области. В 1743 г. императрица Елизавета Петровна пожаловала мызу Вартемяги графу П. И. Шувалову, и она стала родовым имением графского рода. В 1825–1834 гг. по проекту архитектора Д. И. Висконти в стиле неоклассицизма в Вартемягах была построена церковь мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, освященная в 1840 г. и ставшая фамильной усыпальницей Шуваловых.

¹⁹ Гипполог — человек, занимающийся гиппологией — наукой о лошадях.

²⁰ Впоследствии в эмиграции потомки Шуваловых поддерживали дружеские отношения с уцелевшими Константиновичами — прежде всего, с кнг. Татьяной и кн. Гавриилом.

Выборгского шоссе хозяин устроил фазанник и охоту на зайцев, которую сдавал в аренду желающим поохотиться. Дело это было затратное и хлопотливое. Разведение фазанов, куропаток, водоплавающей птицы, правильно сделанные загородки, охрана и обеспечение безопасности охоты — все это требовало значительных вложений, для чего братья Вяземские организовали консорциум из нескольких вкладчиков, каждый из которых получал свою долю в виде бесплатной охоты, дичи к столу, либо денежными отчислениями из прибыли. По семейной склонности к фенологии²¹ они содержали здесь зверинец, вели наблюдения за птицами.

Посещение образцового имения Лотарёва также было практической школой для молодого осташёвского хозяина — кн. Игоря Константиновича. Рысаки Дубровского, Лотарёвского (князей Вяземских) и Осташёвского (князя Игоря) заводов были внесены в Единую всероссийскую племенную книгу²². По журналам «Коннозаводство и коневодство» за 1916–1917 гг. можно проследить изменения в призовых суммах, выигранных на бегах. В числе первых трех, получавших наиболее крупные призы, обычно были лошади князей Вяземских, находившихся в резком отрыве²³. Вел. кн. Дмитрий Константинович, хотя его завод был если не лучшим, то в числе лучших в России, обычно занимал места в середине списка: № 85, № 159. Ближе к концу списка в начале 1916 г. появился князь Игорь Константинович, лошади которого показывали хорошие результаты²⁴.

Постепенно росло число его беговых лошадей. 5 февраля 1917 г. в 37-й день забегов хорошо показавшие себя жеребцы Дядя Ваня (кнн. Вяземских) и Ореол (кн. Игоря) были переведены в следующие, более высокие группы. Азартные бега и скачки (тотализатор) давали возможность поощрять призами коннозаводчиков в их племенной работе, ветеринаров —

²¹ Фенология — система знаний о сезонных явлениях природы, сроках их наступления и причинах, определяющих эти сроки.

²² РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 50 (1915–1916 гг.). Сведения Главного управления государственного коннозаводства о внесении в заводскую книгу сведений по заводу кн. Игоря в имении Осташёво; РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 35. Л. 85. Об освобождении конного завода в Осташёво от обязательной поставки лошадей в войска (январь 1917 г.); РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 189 (1915 г.). Переписка с Дубровским конным заводом о посылке кобыл.

²³ Призовые суммы за 51 день бегов: кнн. Вяземские — 102 116 руб., вел. кн. Дмитрий Константинович — 139 место, 1450 руб. См.: Коннозаводство и Коневодство. 1916. № 30. На обложке одного из номеров — фото жеребца Зенита (род. 1895) завода кнн. Вяземских, завоевавшего к 1.04.1914 г. 375 000 руб. премий.

²⁴ РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 50. (1915–1916). Сведения о конном заводе князя Игоря Константиновича в Осташёво, для занесения в заводскую книгу Российских орловских рысаков.

в их научных исследованиях. Огромные средства Общества поощрения рысистого коннозаводства (ОПРКЗ) шли на благотворительность. В Петербурге традиционно лидировали князья Вяземские и семья Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова — не только коннозаводчики, но и администраторы Петербургского ОПРКЗ и ипподромных мероприятий.

Племенная работа требовала добросовестности и честности, которую гарантировали авторитет организации и статус руководителей. В Петроградском ОПРКЗ, после кончины в 1915 г. многолетнего вице-президента Ил. Ив. Воронцова-Дашкова произошли скандальные события из-за образовавшегося дефицита в 200 тыс. руб., что привело к отставке казначея ОПРКЗ А. А. Зотова, роспуску управлявших комитета и комиссии. Огромный бюджет организации разогревал аппетиты аффилированных лиц. К тому же, образовалось две партии: сторонников сохранения чистоты породы русского рысака и сторонников улучшения породы через американских производителей. Обе группы рвались к власти в ОПРКЗ. Леонид и Борис Вяземские поддерживали участие кнн. Игоря и Константина Константиновичей в деятельности ОПРКЗ. Привлечение братьев к управлению такой влиятельной в России организации было бы выходом из кризиса. Кн. Константин в 1916 г. был избран в действительные члены Петроградского ОПРКЗ и имел шансы возглавить это Общество, которое когда-то возглавлял его дядя — вел. кн. Дмитрий Константинович. Князь Игорь в начале 1917 г. выдвигался на пост вице-президента Петроградского ОПРКЗ, которое, будучи общественным объединением, благодаря сословному весу и финансовому благополучию его членов, представляло весьма влиятельную общественную группу. Их избрание — свидетельство высокого статуса, заслуженного братьями Константиновичами в гвардейской и конноспортивной среде. В 1918 г., когда тела сброшенных в шахту в Алапаевске достали, в карманах кн. Игоря обнаружили свидетельства о приплодах лучших его кобыл — Сакуры и Былины. Он гордился тем, что слава русских рысаков не умрет, благодаря и его попечению, и возможно, мы когда-нибудь найдем потомков этих племенных кобыл.

В имениях Вяземских образцовое ведение земледелия, животноводства и обработки сельхозпродуктов сочетались с ответственным отношением владельцев к своему долгу перед сельским обществом. Они провели дороги, построили мост, школу, образцовую больницу с амбулаторией, которые подарили земству²⁵. Имения Лотарёво, Князьга Байгора, Ново-Томниково — блестящие образцы дворянской усадьбы с библиотеками, вечерними чаепитиями, семейными праздниками и

²⁵ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 75. Дарственная князя Вяземского Усманскому уездному земству на земельный участок, больницу с оборудованием в Лотарёво (1907); РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 528. Список имущества лазарета на 10 раненых.

охотами. В то же время они являли собой пример разумного, научно обоснованного сельскохозяйственного производства, соединенного с социальными и культурными программами, обращенными прежде всего к крестьянству, мещанству, к каждому простому, даже неимущему жителю этих местностей. Больше пишут о богатых коллекциях, библиотеках, живописных полотнах и скульптурах, украшавших эти имения. Много ссылок на прекрасные конные заводы, племенной скот и элитное птицеводство. Лесопитомник Вяземских в Гродненской губернии был известен по всей Европе.

Два плана имения братьев Вяземских Лотарёво²⁶, составленные с разницей в тридцать лет, позволяют проследить направление работ по увеличению продуктивности хозяйства. Эта деятельность по изучению природных возможностей местности, включавшая глубокое бурение для определения залегания водоносных слоев, подстилающих пластин глины, камня, определения кислотности почв и пр., продолжалась постоянно²⁷. Немалое значение в улучшении плодородия почв имела племенная работа²⁸, позволявшая улучшать местные породы скота, использовать и швейцарских коров²⁹. Огромный интерес вызывали у Бориса Леонидовича Вяземского птицеводство и фенология. Увлекались наукой и мать М. В. Вяземская, и сестра Лидия, и жена, принимавшие огромное участие в покупке племенных птиц, организации ухода за ними, а также в охоте, которая существовала и в Лотарёво, и в имении Озёры Гродненской губернии³⁰, и в Осиновой Роще³¹.

После смерти в 1909 г. Леонида Дмитриевича Вяземского, образцовое состояние дел в имениях поддерживал его старший сын Борис, получивший свидетельство Департамента земледелия о принадлежности скота имения Лотарёво и Озёры к категории племенного рассадника, не

²⁶ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Дд. 70 (1873 г.) и 71 (1903 г.). Планы имения Лотарёво, Тамбовской губ.

²⁷ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Дд. 180 (б/д), 178 (б/д). Ген. планы имения Лотарёво и чертежи местностей.

²⁸ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 117 (1915). Свидетельство Департамента земледелия о принадлежности скота имения Лотарёво к категории племенного рассадника, не подлежащего реквизиции.

²⁹ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 74 (1908–1914). Доставка племенного скота из-за границы.

³⁰ Озёры — поселок в 25 км к северо-востоку от Гродно, расположены на берегах озер Рыбница и Белое. Впервые упоминаются в 1398 г. На прилегающих территориях, входивших в состав Гродненской пуши, в настоящее время находится республиканский ландшафтный заказник «Озёры».

³¹ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 278. Л. 803 (1917). Письмо управляющего имением Фальц-Фейна о фазанах.

подлежащего реквизиции для нужд армии³². Земский деятель Тамбовской губернии, он много благотворительствовал, особенно с началом войны. В своем имении он согласился содержать племенной скот районов, занятых боевыми действиями³³. Поддерживал семьи призванных воинов, строил школы, амбулатории и больницы для крестьян (в Озерах — в 1915 г.³⁴). В масштабах губернии участвовал в эвакуации и размещении раненых, снабжении их одеждой и обувью, попечении о находящихся в плену, обследовании семей солдат, призванных в армию, занимался заготовками для армии, возглавлял уездное отделение по призыву в армию и проч.

Вяземские построили церковь и каменное школьное здание в селе Коробовка, рядом с Лотарёво. Кн. Игорь не только посещал эту церковь и усыпальницу при ней, подарил кадило, но и познакомился с особенностями устройства склепа с верхним светом и выносом усыпальницы из фундамента церкви, что впоследствии было реализовано и в Осташёвской церкви.

Тесно общались конные заводы: Лотарёвский, Ново-Гомниковский, Дубровский и Осташёвский. В 1916 г. кн. Игорь выплатил Лотарёвской конторе за содержание и случку лошади Дианы 316 руб. В 257 руб. обошелся ее перевоз, страхование, покупка недоуздков, скребицы, мази. Сопровождавшие ее наездники оплачивались по отдельной статье. Дополнительно кнг. Елизавете Дмитриевне Вяземской за содержание лошади кн. Игоря в январе 1916 г., очевидно, в дни пребывания его в Лотарёво, уплачено 18 руб.³⁵ Несмотря на огромные расходы князя Игоря на церкви, в т. ч. и Введенскую Мраморного дворца в Петрограде, 1916 год был закончен с экономией в 22 118 руб. Начинающему хозяину было чем гордиться.

Младший брат Вяземских, Владимир Леонидович, служил в лейб-гвардии Гусарском полку и был однополчанином кнн. Гавриила, Олега, Игоря. Князь Игорь, закончив краткосрочный курс Пажеского

³² РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 50 (1915–1916 гг.). О внесении в заводскую книгу по заводу кн. Игоря Осташёво; Д. 35. Л. 85. Об освобождении конного завода в Осташёво от поставки лошадей в войска (январь 1917); Ф. 1623. Оп. 1. Д. 189 (1915). Переписка с Дубровским конным заводом; Ф. 1623. Оп. 1. Д. 806. Об освобождении от поставки в войска лошадей рысистой породы; Ф. 1623. Оп. 1. Д. 117. Свидетельство от Департамента земледелия о принадлежности скота имени Вяземских к категории племенного рассадника.

³³ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 120. Содержание Вяземским Б. Л. 25-ти голов племенного скота Ковенской губ.

³⁴ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 274 (1915 г.). О приемном покое для крестьян в Озерах.

³⁵ РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 25 (1916 г.). Отчет о приходе и расходе сумм князя Игоря за 1916 г.

корпуса, был зачислен в 4-й эскадрон лейб-гвардии Гусарского полка в начале июня 1914 г., еще до производства в офицеры. К марту 1917 г., в чине штаб-ротмистра, имел награды: орден Св. Анны I ст., Св. Станислава I ст., георгиевское оружие (октябрь 1914) и орден Св. Владимира IV ст. с мечами и бантами, лично врученный государем.

После воспаления легких, полученного осенью 1916 г., врачи запретили кн. Игорю возвращаться на фронт. Анализы показали начало туберкулезного процесса, открылось кровохарканье. «Оправившись от болезни, Игорь поехал к государю доложить ему о решении врачей. <...> Ему очень хотелось, чтобы Государь назначил его флигель-адъютантом и чтобы он был отчислен в свиту»³⁶. Император согласился, повелев своему новому флигель-адъютанту носить мундир л.-гв. Гусарского полка. Будучи от природы общительным, внимательным к окружающим, Игорь не только расположил к себе государя, но и принимал участие в играх наследника, умея развлечь его и в то же время оградить от опасных кульбитов. На одной из фотографий мы видим кн. Игоря, балансирующего на причальном канате катера рядом с царевичем, любующимся этими цирковыми трюками. Очевидно, после посещения имения Лотарёво кн. Игорем и было отправлено следующее письмо.

«Его Сиятельству князю Борису Леонидовичу Вяземскому. Почт. отд. Лотарёво, Тамбовской губ. От кн. Игоря Константиновича. Из Действующей армии. Царская ставка. 5 октября 1916 года. Милый Борис Леонидович. Сегодня мне представился случай получить разрешение послать Вам просимую фотографию, но, к сожалению, без подписи. На днях вышлю Вам маленькую, увеличить здесь нельзя, и потому пошлю негатив Кодаку, который теперь до того завален работою, что исполняет заказы недели три и больше. — Помните, Вы говорили, что в Умани я могу приобрести сапоги для моих конюхов по 14 рублей за пару из непринятых Военным ведомством. Если это возможно, не будете ли Вы добры, послать пар 5, 6 на имя кучера Оверина³⁷ в имение Осташёво, Московской губернии, почтовая станция Долголядь, станция ж/д Волоколамск Виндавской дороги³⁸. Или пришлите прямо мне в Петроград. Скажите

³⁶ Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2005. С. 277–278.

³⁷ Кн. Игорь стал восприемником сына Оверина (Аверина) Александра в марте 1916 г. и подарил крестнику серебряный крестик. См.: РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 (зд. и далее при цитировании письма прим. мои. — Т. Г.).

³⁸ См.: РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 50 (1915–1916). Сведения о конном заводе князя Игоря Константиновича в Осташёво, для занесения в заводскую книгу российских орловских рысаков.

Мае³⁹, что здесь очень довольны действиями Ратки-Дмитриева⁴⁰, и что ее предположение о немилости к нему лишены всякого основания! Видел Вашего тестя в Петрограде всего минут 10, он здоров и весел. Гвардия входит в состав войск Гурки⁴¹? Здесь все очень печалуются о понесенных ею потерях и сознают, что неправильно поступили по отношению к ней. Жаль, что обстановка не позволяет вывести ее на отдых. То, что я слышал и видел в Москве, показывает, что мы на пороге к голодным бунтам! Всего Вам хорошего. Привет Елизав[ете] Дм[итриевне]⁴². Уважающий Вас Игорь.

Р. S. По моим наблюдениям, здесь очень легкомысленно относятся к происходящему внутри страны! Извините за мазню, тороплюсь на службу»⁴³.

Игорь дорожит общением с Вяземскими, увлечен заботами, которые приносит ему Осташёво, конный завод, где он ведет самостоятельную племенную работу, мечтает достойно принять гостей, продемонстрировать свои успехи. Но тон письма и те сведения, которые новоиспеченный флигель-адъютант государя кн. Игорь сообщает своему респонденту, вызвали бы неодобрение его отца, а тем более дяди — вел. кн. Дмитрия Константиновича. В семейной переписке Вяземских всегда оговаривается, послано ли письмо с оказией, либо по почте, через цензуру.

«Царская Ставка. Октября 9, 1916 г.

Милый Борис Леонидович. Посылаю Вам фотографии Наследника и снятые в Лотарёве. К великому сожалению, последние неудачны.

³⁹ Мая Шувалова — родственница семьи, сестра милосердия на фронте в 17-м Передовом санитарном Отряде. Ср: «Мая очень старается и работает не покладая рук. Кажется, порядком устала. Потери в дивизии около 50 % <...> За день 1460 раненых — рекорд». / РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 625. Письмо Д. Л. Вяземского (1915 г.) Л. 96.

⁴⁰ Радко-Дмитриев (Радко Русков Димитриев, 1859–1918) — болгарский и русский генерал; в 1914 г. принял российское подданство. Командовал 8-м арм. корпусом, 3-й армией, которую принял от Рузского, Сибирским корпусом и 12-й армией. Расстрелян вместе 18 октября 1918 г. в Пятигорске вместе со своим оппонентом и недоброжелателем генералом Рузским.

⁴¹ Гурко Василий Иосифович (1864–1937) — генерал от кавалерии, с июля 1916 г. — главнокомандующий Северным фронтом, смещен Временным правительством за критику «декларации прав военнослужащих». Арестован Керенским 21.07.1917 г. за письмо Николаю II (от 4.03.1917 г.) с предсказанием восстановления монархии.

⁴² Вяземская Елизавета Дмитриевна (урожд. Шереметева, 1893–?) — жена Б. Л. Вяземского, фрейлина (1912).

⁴³ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 664. Л. 2–2 об. Письмо, формат открытки 15 x 10 см с монограммой кн. Игоря Константиновича.

Слишком мало было солнца. Есть еще одна катушка с Лотарёвскими снимками, но она еще не кончена и лежит в аппарате. Только что вернулся из Императорского поезда. Представился удобный случай поговорить о 2-м Сибирском корпусе, о его храбрости и надежде видеть Государя и о Радко-Дмитриеве. Государь очень хвалит корпус, надеется попасть туда, но не скоро, а относительно Радки не нахвалится. Одно время Рузский стоял против него, но Государь просто стукнул кулаком по столу и сказал: “Я хочу”. Как видно, Царь его очень ценит. Надеюсь, что это успокоит Маю.

Государь очень интересовался нашей охотой и восхищался тем, что Елена Дмитриевна убила лисицу 6-м номером, да еще из двадцатки. Я не теряю надежды, что Вы исполните свое обещание приехать зимой в Осташёво на лосей. Сообщите, пожалуйста, когда Вам удобнее: во второй половине ноября или 2-й половине декабря. Мне это важно знать для устройства отпуска егеря из запасного батальона Измайловского полка, куда он призван. Это замечательный обкладчик, особенно для лосей и комик небывалый. Тоже вроде “щавій”. Могут быть лисицы и очень мало зайцев. Волков не было у нас лет 35, кроме 2-х прихожих года 2–3 назад. Лышу себя надеждой видеть Вас в Осташёве и остаюсь искренне любящий и уважающий Вас Игорь.

Р. S. Радостно прочитал о победе Тирана в 2, 13 и 2-м 2, 17, 7 над Певным и Джоном М. К. 5 октября в призе Наследника. И. К.»⁴⁴

Вяземские были страстными охотниками. Участие Игоря и Олега в разнообразных видах этого спорта описано на страницах книги «Князь Олег»⁴⁵. Но в дружеском общении кн. Игоря и Вяземских внезапно возникло недоразумение, казалось бы, случайное. Простодушие кн. Игоря вызвало недовольство как Бориса Вяземского, так и государыни, до слуха которой, очевидно, дошло что-то из писем Игоря, что привело к потере доверия к политически беспечному молодому родственнику.

«Царская Ставка 1916 г. Октября 15

Милый Борис Леонидович. К сожалению, и Вы не совсем меня поняли. Я испросил разрешение у Императрицы, к которой меня направил Государь, именно на посылку мною снятой карточки. Это сразу было

⁴⁴ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 664. Письма князя Игоря Константиновича. Князь Игорь Константинович был Почетным членом Петроградского Общества поощрения рысского коннозаводства (с 10.12.1916 г.). На его заводе, основанном в 1915 г., содержалось на январь 1917 г. 30 кобыл и 5 жеребцов, внесенных в племенную книгу. Список лошадей с характеристикой и данными содержится в РГИА. (Ф. 436. Оп. 1. Дд. 56, 50. Опись лошадей завода кн. Игоря в Осташёво, 1913–1917).

⁴⁵ Кульман Н. К. Указ. соч. С. 160 (описание охоты на лосей в Осташёво в дневнике кн. Олега).

разрешено, и я решился пойти дальше и просить подписи. Он тоже согласился, а она закинулась. Как видите, я совершенно Вас не подкатил, тем более, что объяснил эту посылку таким образом: Мы много говорили с Вами о жизни в Ставке, что Вы заинтересовались Наследником, и мне бы хотелось дослать Вам фотографии. Надеюсь, что Вы больше не сердитесь на меня за это, тем более, что я даже не упоминал о Вашем желании иметь фотографию, а как бы от себя ее Вам послать хотел. Тамбовский окорок разыграли в один день с большими похвалами за его чудный вкус. Желаю Вам всех благ, привет Елене Дмитриевне. Любящий и уважающий Вас Игорь. Р. С. Буду сейчас на 2 недели в отпуске»⁴⁶.

Родственные семьи Вяземских, Шуваловых, Воронцовых-Дашковых, Васильчиковых — активных земских и государственных деятелей — к концу 1916 г. оказались вовлечены в группы, ставшие опорой для политических деятелей разного толка. Елизавета Дмитриевна, жена Б. Л. Вяземского, к которой обращены приветствия Игоря, — фрейлина, дочь Д. С. Шереметева (1879–1943), дежурного флигель-адъютанта государя, и Ирины Илларионовны (урожд. Воронцовой-Дашковой), возглавлявшей оппозицию к императрице Александре Федоровне. А. И. Гучков, активно проявлявший себя в нескольких ипостасях: представителя промышленно-финансовой группы, земских и краснокрестных⁴⁷ организаций помощи раненым, — стремился сплотить вокруг себя группу единомышленников, привлекая Д. Л. Вяземского, сотрудничавшего с ним по деятельности санитарного отряда. Более тесные связи Гучкова прослеживаются с И. С. Васильчиковым⁴⁸ — мужем Лидии (урожд. Вяземской). В книге воспоминаний «Исчезнувшая Россия» княгиня Л. Л. Васильчикова упоминает горячие политические споры между ее мужем и братьями, разгоравшиеся в доме графини Паниной (наб. р. Фонтанки, 7), который арендовала семья Вяземских. Там бывали и братья Константиновичи, которых старались вовлечь в разные по целям политические группы. Кн. Гавриил, с которым Васильчиковы продолжали общаться и в эмиграции, упоминается в мемуарах как участник весьма неблагоприятных собраний, где он оказался, очевидно, благодаря

⁴⁶ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 664.

⁴⁷ Российское общество Красного Креста (РОКК) — общественная благотворительная организация, возникшая в 1867 г. Задача Красного Креста — повышенное внимание гуманитарным традициям, помощь жертвам войны и гражданскому населению.

⁴⁸ Васильчиков Илларион Сергеевич (1881–1969) — князь, русский общественный деятель, политик, член IV-й Государственной думы, Особого Временного комитета Государственной думы. Правительственный комиссар при Главном управлении РОКК. Автор воспоминаний. Его сын Георгий (1919–2008) — член редколлегии журнала «Наше Наследие».

своей гражданской жене А. Нестеровской, позже использовавшей эти связи для спасения мужа. Кнн. Иоанн, Игорь и Константин, имевшие каждый свой шанс на спасение, избрали иной путь⁴⁹.

События разворачивались стремительно. 6 февраля 1917 г. кн. Б. Л. Вяземский был избран от Тамбовского губернского земства в Главный комитет Всероссийского Земского союза. А 1 марта 1917 г. автомобиль с новоиспеченным военным и морским министром А. И. Гучковым и генералом Н. М. Потаповым был обстрелян на Измайловском проспекте у Варшавского вокзала, почти на месте гибели министра В. К. фон Плева. Смертельно ранен был сидевший рядом с шофером Дмитрий Вяземский. В газетах сообщали, что он был задет случайной пулей, объезжая с Гучковым бунтовавшие полки и уговаривая их прекратить беспорядки. Дмитрий скончался от потери крови в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия⁵⁰ 2 марта 1917 г.⁵¹ Трагедия эта возвращает нас к воспоминаниям кн. Гавриила. Возможно, именно в его автомобиле перемещалась группа во главе с Гучковым. «В первые же дни революции у меня был отнят автомобиль. Он оказался у военного министра Временного правительства Гучкова, и он даже на нем поехал во Псков, к государю, чтобы требовать его отречения. Дороги, впрочем, оказались столь плохи, что ему пришлось вернуться и ехать поездом. Через несколько времени мой великолепный автомобиль вернулся ко мне обратно, но в каком ужасном виде! Сидения были запачканы кровью, всюду были вши, и вся внутренняя отделка была в грязи»⁵². Но вряд ли

⁴⁹ П. А. Леонов, житель Екатеринбурга, рассказал следователю Соколову о своей неудачной попытке спасти кн. Игоря, который отказался от предложенного ему паспорта: «Я не сделал ничего худого перед родиной и не считаю возможным прибегать к подобным мерам». См.: Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Сборник документов. Сост. В. М. Хрусталева. М., 2017. С. 285. См. там же: Удостоверение кн. Игоря на право проживания в Финляндии. Май 1917 г. С. 336–337.

⁵⁰ Крестовоздвиженская община сестер милосердия, учрежденная по инициативе великой княгини Елены Павловны в С.-Петербурге в начале Крымской войны — первое в мире женское медицинское формирование по оказанию помощи раненым во время войны, прототип Международного движения Красного Креста).

⁵¹ См.: Лотарёвская «Книга судеб». Дневник князя Б. Л. Вяземского «1917 год». Воспоминания его близких. Отрывки из следственного дела. Материалы периодической печати. Публ., фото из семейного архива, сопров. текст, комм. и прим. князя Г. И. Васильчикова (Лондон) // Наше наследие. 1997. № 39–40. С. 58–87. Ранение и смерть Дмитрия Вяземского подробно описаны также А. И. Солженицыным в эпосе «Красное колесо. Март 1917» (кн. II, гл. 292–293).

⁵² Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 298.

автомобиль был отнят. Скорее, можно предположить, что хорошо знакомый с Гавриилом, однополчанином брата Владимира, Дмитрий Леонидович его одолжил. И вряд ли кн. Гавриил не слышал либо забыл о «случайной пуле», как писали в газетах, поразившей известного спортсмена, вице-президента Петроградского скакового общества Дмитрия Вяземского, близко знакомого с его братьями — Игорем и Константином. Вспоминая рваную обивку, он не упоминает о пулевом отверстии, которое должно было остаться при обстреле наружном. Какая-то недоговоренность есть во всех воспоминаниях: кнн. Гавриила, Гучкова, Л. Васильчиковой и проч.

Крестьяне села Коробовка объявили о своих правах на церковно-усыпальницу, отказывая герою войны Дмитрию Вяземскому в погребении рядом с телами предков. Игорь присутствовал на траурных службах в Александро-Невской лавре, где временно поместили гроб кн. Дмитрия. На погребении в Лотарёво был зачитан приказ генерала Радко-Дмитриева с оценкой деятельности Д. Л. Вяземского, что вызвало рыдания крестьян. Впрочем, это не помешало им вскоре расправиться со старшим братом и разгромить и разграбить образцовое имение, а позже и фамильный склеп. Спасая самых ценных лошадей, вдова Бориса семнадцать из них отправила в июле 1917 г. в Осташёво, к кн. Игорю⁵³.

Убитый 24 августа 1917 г. Борис Вяземский был предан земле в Александро-Невской лавре в октябре 1917 г. Место упокоения не указано⁵⁴, однако потомки называют Левашовский склеп в Свято-Духовской церкви. Князь Игорь принял участие в семейном горе, предоставляя свой автомобиль для нужд вдовы и матери убитого, посещая панихиды в дни поминовений.

Во время Великого поста 1917 г. кн. Игорь заказал в церкви Павловского дворца 25 служб, которые совершались в присутствии семейного духовника архимандрита Макария (Воскресенского)⁵⁵.

⁵³ Частично кобылы завода князей Вяземских к 1923 г. оказались на Дубровском конном заводе, где прослеживают их потомков и селекционную линию.

⁵⁴ РГИА. Ф. 815. Оп. 11. Д. 90. Л. 121 (1917 г). Квитанции на захоронение в Александро-Невской лавре.

⁵⁵ Макарий (в миру Михаил Федорович Воскресенский, 29.07.1866 — после 1932) — архимандрит, уроженец Костромской губ., вдовый священник. С 1890 г. — монах Александро-Невской лавры; с 1903 г. — архимандрит, благочинный монастырей С.-Петербургской епархии, ризничий Александро-Невской лавры. Арестован в 1924 г., приговорен к концлагерю (Соловки). В 1931 г. арестован как иосифлянин, выслан из Ленинграда, похоронен в Чухломе. Духовник великокняжеской семьи Константиновичей, активный член Костромского братства в Санкт-Петербурге.

С 4/17 августа 1917 г. кн. Игорь принимал участие в заседаниях Всероссийского церковного собора, наблюдая избрание нового патриарха, также лично ему знакомого: именно святитель Тихон (Белавин), в бытность его архиепископом Литовским и Виленским, 30 сентября 1914 г. служил первую литию в Романовской церкви Вильно над телом скончавшегося от ран кн. Олега. Архиепископ Тихон (впоследствии патриарх) смог найти слова и утешить скорбящих родных, и в их числе — Игоря, находившегося рядом с умиравшим братом.

На теле кн. Игоря, сброшенного в Алапаевскую шахту, были святыни, иконы, мощи, документы, в том числе входной билет в Московский Успенский собор, на торжество избрания Патриарха, а также серебряная иконка со святыми Виленскими мучениками Антонием, Иоанном, Евстратом, мощам которых он мог поклониться во время траурных служб у гроба брата Олега в Вильно. Несомненно, придет время — и мы сможем молиться святым князьям-страстотерпцам Иоанну, Игорю, Константину.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»

Методист научно-просветительского отдела

Кандидат филологических наук

АНДРЕЕВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Государственный Русский музей

Мраморный дворец

Старший научный сотрудник

БУКШТЫНОВИЧ НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА

Российский государственный военно-исторический архив

Главный специалист отдела информационного обеспечения

ГАНФ ТАТЬЯНА ИННОКЕНТЬЕВНА

Независимый исследователь

Церковный писатель, православный публицист

ГАРКУША ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»

Методист научно-просветительского отдела

ГОЛЕНКО ИЛЬЯ ГЕОРГИЕВИЧ

Ассоциация владельцев исторических усадеб

ГОЛОВНИН ПЕТР АНДРЕЕВИЧ

Независимый исследователь

Действительный член Русского географического общества, Русского

генеалогического общества, Всероссийского дворянского собрания

ДЗЮБИНСКИЙ ЯН РОСТИСЛАВОВИЧ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Студент магистратуры образовательной программы «Историческое знание»

ЖУРАВСКАЯ АЛЛА НИКОЛАЕВНА

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»

Методист научно-просветительского отдела

ЗАПОРИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Независимый исследователь
Краевед (с. Осташёво)

КАЗАНИНА НАТАЛИЯ ВАЛЕНТИНОВНА

Государственный Русский музей
Мраморный дворец

КАРГАНОВА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
Методист научно-просветительского отдела

НИКОЛАЕВА МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
Методист научно-просветительского отдела

НОВИКОВА ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА

Государственный Русский музей
Мраморный дворец
Старший научный сотрудник

САЛАМАТОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Санкт-Петербургская академическая филармония имени
Д. Д. Шостаковича
Редакционно-издательский отдел, корректор

СОКОЛОВСКАЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Институт славяноведения РАН
Ведущий научный сотрудник
Доктор исторических наук

ШЕВЦОВА ГАЛИНА ИГОРЕВНА

Фонд содействия возрождению традиций милосердия и
благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское
общество»
Руководитель издательских и выставочных программ
Кандидат исторических наук

«Дворец конгрессов» Приглашает на экскурсии

«Возрожденный замысел великого Петра»

Осмотр парадных залов и гостиных Константиновского дворца сопровождается увлекательным рассказом об истории создания дворцово-паркового ансамбля в Стрельне, о жизни его владельцев, о трагических временах упадка и разрушения, о грандиозных восстановительных работах и о сегодняшнем дне Государственного комплекса «Дворец конгрессов».

«Век нынешний и век минувший»

Экскурсия по анфиладе парадных залов и гостиных Константиновского дворца, с посещением официальных апартаментов Президента РФ и залов для встреч в неформальной обстановке позволяет составить полное представление об истории Стрельнинского дворцово-паркового ансамбля и о его современной жизни в качестве «Дворца конгрессов».

«Шедевры Константиновского дворца»

Экскурсия знакомит с избранными, наиболее ценными произведениями русской живописи, графики и предметами декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX вв., собранными М. Л. Ростроповичем и Г. П. Вишневской, а также главными архитектурными шедеврами Константиновского дворца — его парадными залами.

«Коллекция Константиновского дворца»

В экспозиции представлена коллекция произведений русского искусства XVIII–XX вв., собранная знаменитыми русскими музыкантами М. Л. Ростроповичем и Г. П. Вишневской: живопись и графика, фарфор и стекло, бронза и малахит, изделия народных промыслов. В октябре 2007 г. коллекция, выставленная на торги аукционного дома “Sotheby’s”, была целиком выкуплена российским бизнесменом и меценатом А. Б. Усмановым и передана в дар государству.

«Русская Версалия»

Экскурсия представляет уникальную возможность совершить прогулку по Нижнему парку Стрельны — одному из первых регулярных парков России, полюбоваться великолепными видами Константиновского дворца и панорамой Финского залива.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

«Юнги в гостях у адмирала» 6+

Игра для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Малышам будет просто освоиться в пространстве дворца: экскурсия превращается в увлекательное «плавание» с заливами, бухтами и рифами. Детям предстоит проявить ловкость и смекалку, узнать много нового о российском флоте и заслужить звание юнги.

«Найди клад» 10+

Игра-экскурсия для детей среднего школьного возраста или родителей с детьми. Это путешествие по магическому пространству Константиновского дворца: мифы и загадки, головоломки, тайнопись и другие задания, а в конце — награда за знания и умение дружить.

«Тайна шедевра» 12+

Интерактивное занятие для детей старшего школьного возраста (7–9 классы). Музейные залы, где хранятся старинные картины, фарфор, серебро и другие предметы искусства, превращаются в лабиринт. Задача участников — найти «тайную комнату», где их ждет жемчужина дворцовой коллекции. Разгадавшие тайну шедевра получат призы!

КОНСТАНТИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019

**Константиновичи — семья, традиции,
служение России**

**К 125-летию со дня рождения князя Игоря
Константиновича (1894–1918)
К 100-летию со дня гибели
великого князя Дмитрия
Константиновича (1860–1919)**

Сборник материалов научной конференции 30 октября 2019 г.

Редакционная коллегия:

И. Л. Гоголина, Т. А. Алексеева, О. М. Гаркуша,
А. Н. Журавская, М. В. Николаева.

Редактирование и подготовка текстов:

Т. А. Алексеева, О. М. Гаркуша, М. В. Николаева.

Дизайн, компьютерная верстка и печать ООО «Победа»
Санкт-Петербург, Салтыковская дорога, дом 6А

Подписано в печать: 30.09.2019. Формат 60x88 1/16. Гарнитура Times. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ.л. 15. Тираж 250 экз. Заказ №191/19-1.